

САРА ЛАРК

*На край света
за мечтой*

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

Annotation

Знаем ли мы на самом деле тех, кого любим? Сбежав в чужую страну под чужим именем, девушка влюбляется в смелого летчика. Испытывает ли он к ней ответное чувство? Или все это она придумала? Но как бы там ни было, за обман нужно платить. Девушке предстоит узнать реальную цену лжи.

- [Сара Ларк](#)
 -
 - [Предательство](#)
 -
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Выход](#)
 -
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Миражи](#)
 -
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)

- [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Свет](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Эпилог](#)
 - [Послесловие](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
-

Сара Ларк

На край света за мечтой

Sarah Lark
Eine Hoffnung am Ende der Welt

© Bastei Lübbe AG, Köln, 2015

© DepositPhotos.com / GoodOlga, zagorodnaya, stahov, Iurii, обложка,
2016

© Nemiro Ltd, издание на русском языке, 2016

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и
художественное оформление, 2016

* * *

Предательство

Тегеран, Персия^{[\[1\]](#)} Бомбей, Индия Паиячуа, Новая Зеландия (Северный остров)

Июль 1944 – Январь 1945

Глава 1

Лагерь беженцев вблизи Тегерана, Персия

– Где Люцина?

Адам жил с родителями в западной части барака. Сейчас запыхавшийся парень, сдерживая дыхание, стоял перед Хеленой. Он торопился.

– Понятия не имею, – неохотно оторвала взгляд от вышивки Хелена.

До этого момента она сидела, наслаждаясь солнцем, и радовалась, что удалось выбраться из тесных стен барака. В последние дни постоянно дождило – жители не могли и носа высунуть на улицу. Сестра Хелены жаловалась, ведь из-за лагерного распорядка у нее не было возможности навестить своего друга Каспара, живущего в мужском бараке. Люцина поссорилась с девушкой, соседкой по койке, из-за женщины, которая занимала кровать напротив и постоянно разговаривала сама с собой. Хелена обрадовалась, когда утром Люцину наконец снова забрали работать на полевую кухню. И вот теперь Адам нарушил ее покой. Кажется, опять кто-то недоволен ее сестрой.

– А разве она не на кухне? – смиренно спросила Хелена.

– Ей нужно было к врачу, – отрицательно покачав головой, объяснил парень. – Так, по крайней мере, она сказала поварихе.

При лагере имелся небольшой госпиталь.

– Она собиралась вернуться к полудню. Но до сих пор не объявилась, а я должен вместе с ней привезти и раздать еду. Я же не могу делать это один, да и Люцину не хочу подставлять. Значит, если она сейчас не у врача, то...

Адам, тощий пятнадцатилетний блондинчик с прыщавым лицом, нервно переминался с ноги на ногу.

Хелена вздохнула. Вот всегда так. Никто не хотел доставлять неприятности Люцине. Молодая девушка постоянно находила кого-нибудь, кто покрывал ее самовольные уходы и брал вину на себя.

– Она не записывалась к врачу, – ответила Хелена, начав складывать вышивку.

Фартук, пошитый ею на швейной машинке во время уроков кройки и шитья, вышел не очень хорошо. Он уже испачкался: девушка, ошибаясь,

раз за разом накалывала пальцы. Таланта к рукоделию у нее было мало.

– По крайней мере, она ничего мне об этом не говорила. Держи язык за зубами, если не хочешь, чтобы ей попало. Давай так, я отнесу вышивку и приду тебе помогать.

Хелена встала, вошла в барак, окинула взглядом полумрак помещения, где так мало окон. Здесь нужно внимательно смотреть под ноги, чтобы не споткнуться о вещи жильцов, выставленные в тесные проходы между койками. Бараки ужасно перенаселены. Узкие нары стояли так тесно, что, укладываясь в постель, можно было задеть соседа.

Хелена недосыпала почти каждую ночь: Люцина спала беспокойно. Ее сестру, как и многих польских беженцев, нашедших пристанище в Персии после пребывания в Сибири^[2], мучили кошмары. Люди наконец-то оказались в безопасности, но воспоминания о прошлом преследовали их. Пока русские не вошли в страну, до подписания рокового пакта Сталиным и Гитлером, поляки жили как добропорядочные граждане. Однако диктатор приказал депортировать большую часть поляков из Восточной Польши в сибирские трудовые лагеря, он хотел окончательно «обрусить» их.

В июне 1941 года Германия нарушила пакт о ненападении, в соответствии с которым была осуществлена аннексия Восточной Польши. Чтобы дать отпор Гитлеру, Сталину пришлось искать общий язык с союзниками. Те настояли на возобновлении Сталиным дипломатических отношений с правительством Польши в изгнании^[3].

Благодаря этим переговорам поляков в Сибири амнистировали. Хелена и Люцина были свободны!^[4] Вместе с новой польской армией, сформированной из депортированных, сестрам удалось добраться до Персии. Страна пребывала под протекторатом союзников, которые предоставили полякам статус беженцев. Никто в азиатском государстве не посягал на жизнь Хелены и Люцины, но девушек все еще не отпускала боль страданий, пережитая в предыдущие годы.

Хелена в конце концов добралась до перегородки, за которой они жили с сестрой. Она сдвинула в сторону импровизированную занавеску из одеяла. Ею они отгородили крошечное личное пространство в большом спальном бараке. Девушка бросила вышивку на койку, а потом вместе с Адамом поспешила к полевой кухне.

Солнце уже высоко стояло над покрытыми снегом горами, была середина дня, и повара успели приготовить еду. Беженцы ожидали с нетерпением. Здесь, в Персии, поляков обеспечили ежедневным полноценным трехразовым питанием, но им это все еще казалось

маленьким чудом. В Сибири их держали впроголодь несколько лет подряд.

Полевая кухня располагалась в сотне метров от жилых бараков, где поселили этих людей. Адам и Хелена дошли туда по широкой мощеной дороге. Лагерь для беженцев изначально планировался как казармы для персидских ВВС – центральные кирпичные здания выглядели намного надежнее и солиднее, чем бараки. Они были обнесены обычной каменной стеной, выкрашенной в желтый цвет, а не безобразным забором с колючей проволокой, который быстро возвели вокруг убежищ. Но четыре постройки и не смогли бы вместить такой поток беженцев.

Сначала людей поселили в палатках. После перевели в длинные бараки, построенные в спешке. Теперь в казармах никто не жил, остались лишь госпиталь, школа и мастерские.

Армия предоставила беженцам две полевых кухни и большую палатку.

Сейчас, жарким персидским летом, помощникам нравилось работать на свежем воздухе. Они охотно сидели перед палаткой на солнце либо в тени под навесом, чистя картофель или мелко нарезаая овощи для рагу. После нескольких лет сибирских холодов люди наслаждались каждым солнечным лучом. Было бы еще лучше, если бы тут росли хоть пара деревьев, а возможно, и цветы на клумбах.

Здесь никто и не думал украшать лагерь. Глаз радовал лишь далекий хребет Эльбурс^[5]: бараки располагались как раз у подножия гор.

– А где же маленькая Люцина? – язвительно бросил один из помощников, когда Адам появился вместе с Хеленой и приступил к раздаче еды. Им и остальным разносчикам пищи из других бараков двое мужчин нагружали на тачки тяжелые котлы с макаронами и тушенкой. – Сейчас разве не ее смена?

Хелена оцепенела.

– Моей сестре нужно было к врачу, – ответила она, поджав тонкие губы.

Второй помощник расхохотался.

– К какому еще врачу? – подшучивал он. – Я недавно видел ее с Каспаром за сараем. Может, она перепутала госпиталь с ремонтной мастерской?

Восемнадцатилетний Каспар сегодня ожидал грузовики, которые должны были доставить в лагерь провизию и новых беженцев. Ему это очень нравилось – Люцина же просто ненавидела работу на кухне. Она ходила сюда не очень-то и добровольно: трудилась больше по настоянию старшей сестры. Теперь же Люцина прогуливала, воспользовавшись малейшей возможностью. Она по-прежнему считала, что

шестнадцатилетние должны работать, лишь когда больше не хотят ходить в школу. Люцине было неинтересно учиться на портниху. А вот Хелена пошла на это скрепя сердце. Люцина не хотела улучшать ни свой английский, ни французский или же учить персидский^[6]. Казалось, она просто ничего не желала делать, только бродить и наслаждаться этим мнимым раем, куда неожиданно попала.

Хелена осмотрелась по сторонам, прежде чем впрячься в тачку, которую тащил Адам. Сама она не считала лагерь для беженцев раем, несмотря на то что это было лучшее место со времен их депортации из Польши. Она меньше любовалась манящими, покрытыми снегом вершинами гор, зелеными холмами и финиковыми рощами и все больше глядела на мрачные бараки и улицы лагеря, по которым бродили печальные, оторванные от родины люди. И хотя Хелене нравились походы в город Тегеран, находящийся всего в четырех километрах от их поселения, девушка чувствовала себя чужой в бурлящей метрополии. Хаос на улицах, крики шоферов, грузовики, повозки, запряженные ослами и волами, пугали ее, а торговля на базарах, громкая музыка, вопли муэдзинов на верхушках мечетей и люди в шароварах, длинных одеждах, странных головных уборах вселяли в Хелену неуверенность. Девушка могла восхищаться роскошным дворцом шаха, но, в отличие от Люцины, не теряла голову от элегантных лавчонок в западной части города, от шелковых платьев и изысканного макияжа прогуливающих там женщин. Хелена стыдилась своей простой хлопчатобумажной одежды, когда шла по великолепным улицам. Беженцам дали новые вещи, после того как провели дезинсекцию в пересыльном лагере портового города Пехлеви^[7]. Свитера, платья и пальто большинству беженцев не очень подходили по размеру или были слишком теплыми для персидского лета. В сравнении с женщинами из Тегерана Хелена чувствовала себя гадким утенком, в то время как Люцина и в обносках выглядела будто принцесса. Ее сестра даже в таком возрасте была красоткой и прекрасно осознавала это. Люцину не покидала уверенность, что когда-нибудь весь мир будет лежать у ее ног. Ничего в ней больше не напоминало о том маленьком хнычущем существе, вцепившемся в Хелену, когда их семью из просторной квартиры во Львове выволакивали русские солдаты, которые били отца и ругали мать.

Хелена до сих пор не понимала, почему Сталин так жестоко выгнал их из Восточной Польши, после того как договорился с Гитлером о разделе страны. До этого поляки мирно уживались с украинцами и белорусами, составлявшими в этой части Польши национальное большинство. Отец

Хелены, зубной врач, лечил всех, а их мать учила украинских и русских детей английскому и французскому языкам. Но русские объявили сотни тысяч польских граждан классовыми врагами и врагами народа. Поляки и сами не поняли, как их удалось выселить из домов, погрузить в вагоны для скота и вывезти на север.

Последующие два года семья провела в сибирской Воркуте. Хелене тогда исполнилось всего четырнадцать, но и ей приходилось вкалывать вместе с родителями на лесоповале или же на шахте. Люцину они кое-как содержали на своем скудном пайке. Сибирь вспоминалась Хелене настоящим ледяным адом: температура порой опускалась до -50°C . Ночью члены семьи прижимались друг к другу, чтобы согреться. Им приходилось бороться с холодом, паразитами и голодом. Отец Хелены спустя полгода в результате несчастного случая погиб на шахте. Их мать продолжала цепляться за жизнь. Несмотря на то что женщина едва могла держать в руках топор и пилу, задыхалась от кашля и была измучена горячкой, она все равно шла на лесоповал. Но за несколько месяцев до освобождения мама девочек тоже умерла.

Хелена хорошо помнила, как мать, лежа на узких нарах, обнимала их с Люциной, чтобы согреть. Люцина вымоталась и в какой-то момент заснула, а Хелена обнимала маму, прислушиваясь к ее тяжелому дыханию и наконец к последним словам: «Присматривай за Люциной, Хелена! Теперь тебе придется заботиться о сестре. Пообещай мне, что не оставишь ее одну... Люцина заслуживает большего, она должна выжить... мое маленькое солнышко, мой свет...»

Хелена пообещала, подавив в душе старую боль. Снова речь шла только о Люцине, лучике света, восхитительном светловолосом ангелочке с лазурно-яркими глазами, любимице всей семьи. Хелена не могла упрекнуть родителей в том, что они пренебрежительно относились к ней самой. Наоборот, Мария и Янек Грабовски неизменно много внимания уделяли обеим дочерям. Они всегда удовлетворяли тягу Хелены к литературе и языкам, а также интерес Люцины к музыке и танцам. Хелена вспоминала о тех часах, когда они с матерью учили английский и французский или когда читали с отцом любимые книги. Но девушка помнила, как сияло от радости лицо папы, если в комнату неожиданно врвалась непоседа Люцина, чтобы рассказать какую-нибудь историю или что-то показать. Она видела гордость матери, когда Люцина впервые играла в музыкальной школе: к своим десяти годам та стала неплохой пианисткой. Все поздравляли семью Грабовски с красивой и одаренной дочерью, а Хелена в это время оставалась в тени.

Родителей никто никогда не поздравлял с тем, что у них есть Хелена.

Красота ее не бросается в глаза, хотя девушка очень привлекательна. Прямые каштановые волосы Хелены Грабовски распадаются на пряди, если их не мыть каждый день, лицо у нее симметричное, большие, довольно печальные, широко посаженные глаза синевато-фарфорового цвета. Зато, в отличие от младшей сестры, которая на всех производила впечатление, Хелена была смелой и находчивой.

После смерти матери она бросила все силы на то, чтобы сдержать обещание. Урывая еще больше от своего невероятно скудного пайка, девушка тяжело работала, стараясь прокормить сестру. Если бы их не освободили, Хелена тоже наверняка погибла бы. Персия стала для них спасением. Люцина по-прежнему с восторгом говорила о пересыльном лагере, расположенном на пляже в Пехлеви. Наконец-то еды было вдоволь, дети играли в теплом песке и могли поплавать в Каспийском море.

Воспоминания же Хелены были не такими безмятежными. Она горевала о последних вещах их родителей, сожженных на пляже во время карантинных мероприятий. Там были фотографии, письма – безвозвратно утраченные воспоминания. Хелена, всхлипывая, наблюдала, как ветер разносит по пляжу пепел. Люцине Персия, наверное, казалась раем. Для Хелены же эта страна была продолжением кошмара, который начался с момента их изгнания из Львова.

Вот и сейчас Хелена толкала перед собой тачку, напрягая все силы. Девушка и теперь была все еще слишком худой, слабой и пыталась не думать о будущем. О том, что, наверное, война скоро закончится. Вероятно, тогда они смогут вернуться в Польшу и вести прежнюю жизнь.

Перед баракom, в основном терпеливо и безучастно, стояли в ожидании еды жители. Взрослые беженцы выглядели изможденными и старыми, хотя большинство из них было среднего возраста. Кто попал в Сибирь немолодым, кто не имел семьи, тот не пережил заключение. Много народу по приезде в Персию заболело, еще тысячи умерли в госпиталях Пехлеви и Тегерана, как ни старались сохранить им жизнь персидские, индийские и английские врачи. Хелена говорила себе, что должна благодарить небо за спасение свое и сестры, но ей не хватало подобающего смирения. Девушка не могла поверить в то, что Бог действительно к ним милостив. В конце концов, почему он допустил их депортацию?

Адам начал раздавать еду, а Хелена старалась ободрить добрым словом каждого, кому насыпала в тарелку или алюминиевую миску макароны с тушенкой. В самом конце очереди стояла и Люцина. Она улыбнулась старшей сестре неотразимой улыбкой, подставляя миску.

– Это та-а-ак мило, что ты меня выручила!

У Люцины был высокий нежный голос. Хелена скривилась.

– Я сделала это не ради тебя, а для людей, которым пришлось сидеть без обеда! – с упреком ответила она. – Где ты была, Люцина? Неужели у врача? Все это вранье и отлынивание... Вскоре мое терпение лопнет! Ты никогда не думала о том, что сказали бы на это наши родители? Ты же знаешь, какими ответственными людьми были мама и папа. Им стало бы стыдно за твое поведение!

Люцина пожала плечами, и даже этот жест был грациозен. Она собрала на затылке вьющиеся локонами волосы. Старое, поношенное платье выглядело вполне прилично. Люцина немного перешивала вещи, и те сразу становились лучше. Под муслиновой тканью проглядывали женственные формы. Хелена с завистью заметила, что теперь у младшей сестры грудь больше, чем у нее, а ведь ей самой уже было почти девятнадцать.

– Мама и папа умерли, – вызывающе ответила сестра. – Им больше не придется испытывать стыд из-за меня. А если бы они сейчас еще были живы, то наверняка занимались бы чем-нибудь другим.

Хелена серьезно кивнула.

– Ага, несомненно! Наш отец работал бы в лагере зубным врачом, а мать – учительницей. Они уж точно не шатались бы без дела и...

– Не наслаждались бы жизнью? – упрямо спросила Люцина. – Да что в этом плохого? Мы достаточно работали и голодали до сегодняшнего дня. Так почему не жить просто так каждую минуту?

– И что потом? – поинтересовалась Хелена. – Мы не будем вечно в этом лагере, тебе сюда не станут привозить еду даром. Затем...

– Затем мы, возможно, все умрем! – заносчиво бросила Люцина, сама схватила разливную ложку, насыпала еду себе в тарелку и развернулась, чтобы уйти. – Война все еще идет, и кто знает, чем она закончится. Солдаты поговаривают, американцы создают какое-то оружие, которое может испепелить весь мир. И немцы делают то же самое. Если они его успеют закончить... Бах!

Пренебрежительно махнув рукой, Люцина взяла миску и ушла. Может, снова в сторону мастерских или к бараку Каспара, чтобы пообедать вместе с молодым человеком. Хелена печально посмотрела ей вслед. Старшей сестре нечего было противопоставить словам младшей. Подобные убеждения в лагере исповедовала не только Люцина. Почти никто из беженцев не строил планов на будущее.

Глава 2

Хелена и Адам, раздав всем обед, снова отвезли тачку с котлом на кухню. Там они еще помогли мыть посуду и убирать. Люцина, в обязанности которой это входило, больше не появлялась.

– Она капризничает, – констатировал Адам, когда Хелена пожаловалась ему. – Обычно возвращается во второй половине дня, если прогуливает первую смену. Хотя бы из-за дополнительного пайка.

Персоналу кухни положено было есть только тогда, когда обед заканчивался. Повара и помощники обедали в палатке все вместе. Им всегда перепадало что-нибудь вкусненькое. В этот день на десерт были фрукты.

– Значит, она часто так поступает? – разочарованно спросила Хелена.

Адам кивнул.

– Ей здесь не нравится, – защищал он Люцину. – Она же... ну, в общем, она же совсем не кухарка. Она говорит, что хочет стать пианисткой... Наверняка Люцина когда-нибудь ею станет, ведь она такая красивая.

– Я тоже не кухарка! – вмешалась в разговор Соня, молодая женщина, помогавшая поварихе. – Я хотела стать врачом. Но сейчас это уже... Хотя, если в двадцать лет еще можно поступить в университет... Окончательно я еще не утратила надежду. В карьеру пианистки совсем не верю. Для этого нужно раньше начинать и учиться, учиться, учиться... Каждый день по многу часов. Не могу представить, чтобы такое рвение было у дорогой Люцины...

– Раньше она очень много занималась, – объяснила Хелена, тут же разозлившись на себя за то, что и сама защищает сестру.

Сегодня она не могла не согласиться со словами молодой женщины. Люцина, конечно, мечтала стать когда-нибудь знаменитой, виртуозной пианисткой, но наверняка не жаждала напряженно трудиться.

– Ее просто вырвали из привычной жизни...

Остальные вокруг рассмеялись.

– Дорогуша, так поступили со всеми нами! – бросила повариха. – И для большинства из нас начинать жизнь сначала труднее, чем для вас, молодых. У вас еще есть возможности... Когда война закончится... Вы сможете все наверстать...

Хелена удивленно подняла брови.

– Здесь? – горько спросила девушка. – В Персии? Мы ведь даже местного языка толком не понимаем. Я, конечно, пробовала освоить его, но он ужасно трудный. Я пытаюсь выучиться на портниху, хотя у меня к этому совсем нет таланта. Сомневаюсь, будто смогу так зарабатывать себе на жизнь. А Люцина... – Хелена быстро смахнула слезинку.

По всему видно – Люцина не будет поддерживать сестру. Скорее, наоборот: в ближайшее время Хелене предстояло все так же заботиться о Люцине.

– Люцина хочет вернуться в Польшу, – сообщил Адам. Наверное, он лучше всех знал девушку. – Как только закончится война.

– Да, она вообразила, что там все будет как прежде, – уныло подтвердила Хелена. – Однако, судя по слухам, Европа лежит в руинах... И даже если наш дом все еще стоит, наверняка в нем теперь живут русские. Не думаю, что мы так просто сможем их выселить.

– Если бы я была помоложе... отправилась бы в Новую Зеландию, – промолвила Соня, мечтавшая о медицинском университете. Ее голос был полон тоски.

– Куда? – хором переспросили Хелена и Адам, но если вопрос парня звучал так, словно он впервые узнал о такой стране, то в голосе Хелены слышалось напряжение.

Новая Зеландия? Название этого островного государства в Полинезии пока еще ни разу не всплывало в разговорах о войне и бегстве.

– В Новую Зеландию. Это вроде бы английская колония, – объяснила Соня. – Она находится где-то рядом с Австралией. Это очень-очень далеко. И люди, которые там живут, хотят принять польских беженцев. Моя младшая сестра сейчас в детском доме в Исфахане. Она мне написала об этом.

В Исфахане польское правительство в изгнании организовало отличный приют для депортированных польских детей-сирот. Там были великолепные школы и наилучший уход. Хелена, оказавшаяся в Персии, была уже слишком взрослой, чтобы поселиться там, а Люцина не захотела жить в приюте одна.

– Конечно, есть возрастные ограничения, – продолжала Соня. – Но вы вдвоем... – она указала на Адама и Хелену, – вас наверняка возьмут. И Люцину. Вам просто нужно все разузнать.

Хелена, очень взволнованная известием, вернулась в барак. Новая Зеландия...

В отличие от Сони и Адама, она уже кое-что знала об этой стране.

Девушка хорошо помнила многообещающие конвертики с разноцветными марками и письма на английском языке, которые мама ей переводила. Друг отца, зубной врач из Германии, сбежал в Новую Зеландию сразу после прихода Гитлера к власти. Он был евреем, не видел для себя будущего в родной стране и поступил правильно. В следующие годы после переезда мужчина писал европейским друзьям о своих впечатлениях от нового мира. Семья Грабовски читала его письма с волнением, особенно когда началась война и ухудшилось снабжение. Они с нетерпением ждали его посылок, наполненных консервными банками, сушеным мясом и рыбой, сладостями для детей. Мать настояла на том, чтобы девочки лично поблагодарили друга за это – замечательная возможность попрактиковаться в английском. Хелена даже припоминала его адрес: Элизабет-стрит, Веллингтон. Вернер Нойманн писал, что Веллингтон – это столица его новой родины. Казалось, она не так уж отличается от Львова и Дюссельдорфа, как Тегеран. Он сообщал о театральных пьесах и операх, об универмагах и здании парламента.

Конечно, связь с эмигрантом прервалась, когда семью Грабовски депортировали. Но здесь, в Персии, беженцы, понимавшие язык, могли слушать английское радио. И Хелена постоянно прислушивалась, если речь шла об этой стране. Она знала: хоть Новая Зеландия и посылала войска в Европу, в самой стране пока не упало ни одной бомбы. Казалось, жизнь там течет тихо и мирно. Думая о Новой Зеландии, Хелена представляла отары овец на зеленых лугах, деревянные домики и доброжелательных людей. Вернер, друг семьи, а также его родственники быстро встали там на ноги. Им пришлось выучить английский, но Хелена разговаривала на этом языке довольно хорошо. В Новой Зеландии было бы намного проще найти работу, чем в Персии, а может, даже поступить в университет. Сердце Хелены взволнованно билось только от одной мысли, что у нее появится возможность навестить Нойманнов, если ей действительно удастся добыть себе и Люцине места на эмигрантском корабле. Девушка решила расспросить об этом начальство лагеря на следующий же день, сразу после того, как поговорит с Люциной.

Хелена подготовилась к бою, но была приятно удивлена: Люцина сама затронула эту тему.

– Я с Каспаром еду в Новую Зеландию! – открылась она сестре вечером, удобно улегшись на одеяле. – Каспар собирается открыть там автомастерскую. В этой стране такого наверняка нет, ведь там же полно всяких овец и коров – больше ничего. Даже дядя Вернер писал об этом.

Хелена нахмурилась. Она не могла поверить в то, что в такой огромной и современной стране, как Новая Зеландия, сельское хозяйство все еще не механизировано. Каспар лишь несколько месяцев занимался техническим обслуживанием грузовиков, Хелене он вовсе не казался автомехаником, которого ждут в этой стране. Однако его судьба девушку особо не заботила. Главное, Люцина согласна на переезд.

– Вы уже знаете, как это устроить? – осторожно спросила Хелена.

Люцина уверенно кивнула.

– Конечно. Новая Зеландия хочет принять семьсот детей и подростков, так говорили Каспару. Только сирот, это единственное условие. Большинство детей из детского дома в Исфахане поедут туда, но у нас тоже есть возможность подать заявки. Госпоже доктору Вирхов. Мы можем к ней зайти, она составляет списки и просто скажет, что внесла нас.

Госпожа Вирхов, доктор, назначенная польским правительством в изгнании, отвечала за детей и подростков в лагерях близ Тегерана.

Женщина организовала лечение, заботилась о школах и профессиональном образовании. Хелена уже неоднократно имела с ней дело, в том числе, когда устраивалась на курсы портних, а также изучения персидского языка. К тому же Хелена вызвалась вести занятия по английскому, и, несмотря на юный возраст, у нее это получалось. Госпожа Вирхов с радостью дала согласие, но приняла решение: девушке сперва нужно отдохнуть от тягот переезда и пребывания в Сибири, а через год будет видно.

Хелена не боялась доктора, однако ей не верилось, будто Вирхов «просто скажет, что внесла их» и они получат место на корабле в Полинезию в числе других беженцев. Наверняка потребуются пройти еще медкомиссию, но, возможно, знание английского сыграет не последнюю роль. У Хелены все же было хорошее предчувствие, что им с Люциной все удастся. Сестра не очень свободно говорила по-английски, между тем все равно намного лучше, чем большинство беженцев в лагере. Обе они были здоровы, это неоднократно подтверждалось.

– Ты ведь не против, если я поеду с вами? – наконец спросила у младшей сестры Хелена, после того как Люцина уже немного помечтала о замечательном будущем с Каспаром на краю Земли – всё в розовом свете.

Люцина улыбнулась в ответ, наклонилась и обняла ее.

– Без тебя, Хелена, я никуда не поеду! – сказала она.

Такие теплые слова согрели сердце Хелены, хоть она и сомневалась, серьезно ли говорит Люцина.

На следующее утро сёстры встретились с Каспаром перед кабинетом лагерной администрации, в связи с чем Люцина снова пренебрегла работой на кухне, но в этот раз с разрешения Хелены. Каспару тоже просто так не удалось улизнуть: он отпросился у начальника автомастерских на час. Долговязый молодой человек с курчавыми каштановыми волосами сердечно поздоровался с Люциной, словно они не виделись несколько месяцев. Хелене было неловко наблюдать, как сестра и ее парень обнимаются и целуются у всех на виду. Остальные молодые люди, тоже ждавшие разговора с доктором Вирхов, не обращали на парочку никакого внимания. Казалось, у них своих забот невпроворот. Хелена заметила троих парней и двух девочек, на вид от четырнадцати до шестнадцати лет. Девочка держала за руки младших брата и сестру, которые с удивлением уставились на Каспара и Люцину. Малышка хихикнула.

– Чего вылупились? – бросил им Каспар.

Он, как обычно, был резок и неприветлив, Хелена испытала это на собственной шкуре. Хорошо, что с Люциной парень вел себя иначе.

Маленькая девочка в испуге опустила глаза. А старшая сестра, казалось, хотела что-то ответить, но ее вдруг позвали в кабинет. Она потащила за собой брата и сестру к госпоже Вирхов.

Троица вышла через десять минут, и доктор сразу вызвала к себе Люцину. Та спокойно вошла и вскоре вернулась.

– Она хотела узнать, слышала ли я что-нибудь раньше о Новой Зеландии, спрашивала, как я представляю себе эту страну. И хожу ли я на курсы английского. Я ей сказала, что уже говорю по-английски и что у нас вроде как есть родственники в Новой Зеландии...

Хелена, негодуя, вздохнула сквозь сжатые зубы, но не могла не признать: ложь Люцины о докторе Нойманне значительно увеличила их шансы.

– Ну, потом она еще спросила, действительно ли наши родители умерли. Если родители просто числятся пропавшими без вести, детей неохотно отправляют так далеко. Ну да... – Люцина смахнула слезу, – в этом-то у нас нет никаких сомнений...

Наконец после двух парней наступила очередь Хелены войти в кабинет доктора. Та приветливо улыбнулась девушке.

– Мне кажется, мы уже знакомы, правда? – поздоровалась с ней госпожа Вирхов. – Ты ходишь на различные курсы, и ты... Ты ведь та самая девушка, которая бегло говорит по-английски, да?

Хелена кивнула.

– Моя мать была учительницей английского, – объяснила она. – Сестра

наверняка вам об этом рассказывала. Люцина Грабовски. Она только что была здесь.

Госпожа Вирхов взглянула на документы.

– Ах да, такая маленькая блондинка... Я и не знала, что она твоя сестра: фамилия Грабовски встречается так часто. Люцина произвела на меня очень хорошее впечатление. И тебе бы тоже, конечно, можно было совершить этот переезд. Вот только боюсь... боюсь, мы не сможем тебе в этом помочь.

Хелена почувствовала, будто неожиданно натолкнулась на невидимую преграду и теперь падает в черную дыру.

– Но... но как же так? – пролепетала она. – Я думала, ведь есть семьсот мест?

Госпожа Вирхов кивнула.

– Да, для детей и подростков: от шести до шестнадцати лет. Твоя сестра еще попадает в эти рамки, Хелена. И если бы тебе сейчас было семнадцать... я бы попробовала замолвить за тебя словечко. Просто чтобы вас, сестер, не разъединять. Но тебе уже почти девятнадцать... В самом деле, мне очень жаль, Хелена...

Девушка закусила нижнюю губу.

– Но Люцину... вы возьмете? – несмотря на ком в горле, вымолвила она.

– Твою сестру я с удовольствием отправила бы, – ответила доктор. – Мне кажется, она очень подходит для этого, перед ней открылись бы большие возможности. Конечно, если она согласна, мы ведь никого не принуждаем. Коль ты хочешь ей добра, тебе стоит ее уговорить. Хелена, этих детей там ожидает совершенно другая жизнь. – Доктор Вирхов поиграла ручкой в пальцах. – Я ей почти завидую, – тихо продолжила женщина. – Она уедет далеко от войны, и тяжелые времена для нее закончатся. А нам еще тяжело будет в Европе. Нам придется заново все отстроить. И я боюсь, Россия и западные союзники поделят Европу между собой. Если они не договорятся, то, возможно, вспыхнет еще одна война. А в Новой Зеландии – никаких разрушений, никаких опасностей и фантастические шансы для молодых девушек. Там для женщин открыты двери всех университетов. Они обладают избирательным правом вот уже пятьдесят лет... Это, конечно, не рай, Хелена, однако это лучшее, что может случиться с твоей сестрой.

Хелена сглотнула слюну. Она снова слышала в голове голос матери: «Люцина заслуживает чего-то большего...» Теперь все выглядело так, словно мечты мамы о судьбе младшей дочери начинали сбываться.

– Я постараюсь убедить ее, – с трудом промолвила Хелена. – Большое спасибо, госпожа Вирхов. Ах да, и... если прямо сейчас зайдет Каспар Яблонски... Коль для вас действительно важно отправить Люцину, то не говорите ему сразу, что для восемнадцатилетних нет никаких шансов уехать. Пусть они оба пока думают, будто смогут быть вместе. Люцина очень влюблена, поэтому наверняка не согласится на переезд.

Люцина узнала о том, что старшей сестре не разрешили уехать, только когда это уже нельзя было дольше скрывать. До того Хелена утаивала от сестры печаль и тайком плакала на койке, когда Люцина спала. Прикрывшись пльцами с вышивкой, ей тоже хорошо удавалось скрыть следы слез. Хелена с горечью говорила себе: шитьем теперь придется зарабатывать лишь на себя. Ответственность за Люцину с нее будет снята. Хелена почувствовала от этого какое-то облегчение, отчего ее даже мучила совесть.

Наконец вывесили списки детей и подростков. И хотя Хелена тайком все еще надеялась на чудо, она не нашла там ни себя, ни Каспара. Только Люцина попала в число тех пятнадцати беженцев, что через несколько дней должны будут уехать из лагеря близ Тегерана. Реакция Люцины была для Хелены предсказуемой.

– Признайся, ты об этом узнала раньше! – кричала девушка на сестру, когда той не удалось достаточно убедительно отреагировать на отказ. – Ты точно знала, что они не возьмут Каспара, но ничего не сказала, ты хочешь избавиться от меня!

Люцина не обращала никакого внимания на то, что имени Хелены тоже не было в списке, ее не убеждали никакие клятвы. Хелену обижали слова сестры, но она не подавала виду. Вместо злобы нужно было применить дипломатию. Ей следует успокоить Люцину и удержать от того, чтобы та сразу не бросилась к администрации лагеря и не отказалась переезжать. Следует убедить сестру в том, чтобы та ни в коем случае не теряла надежды увидеть Каспара снова.

– Да, я это знала, – ответила Хелена. – Ограничение по возрасту распространяется только на этот переезд, а не на эмиграцию в Новую Зеландию вообще. Госпожа Вирхов нас очень приободрила...

Каспар после разговора с доктором вышел весьма оптимистично настроенный. Женщина заверила его, что в Новой Зеландии открываются великолепные возможности для молодых и предприимчивых людей. В любом случае эта страна все равно для парня открыта, хотя он и не может присоединиться к группе детей и подростков, которые уезжают сейчас.

– Если я правильно поняла госпожу Вирхов, вам не удалось бы осуществить свои планы даже в случае совместного отъезда с Каспаром, – продолжала Хелена. – Вас не высадят просто на набережной Веллингтона, а отправят сначала в пересыльный лагерь, где нужно будет ходить в школу...

– Я не хочу в школу! – запротестовала Люцина. – И Каспар тоже не хочет!

Хелена, собрав все свое терпение, кивнула и ответила:

– Придется! Он же не сможет сразу организовать собственную мастерскую. И пожениться вам тоже пока нельзя. Ты для этого еще слишком молода...

– В шестнадцать уже выходят замуж! – ловко парировала Люцина.

Правда, сделать это можно было только в Персии. Здесь, как они слышали, девочек иногда отдают под венец просто детьми.

– Но не в Новой Зеландии! – Хелена это точно выяснила у любезной госпожи Вирхов. – Заключать браки разрешается лишь с семнадцати лет, и то с согласия опекуна. Это должен быть кто-то из администрации лагеря, он сопровождал бы вас в Паиячуа, может, кто-нибудь из местных. Тебе такое разрешение точно не дадут. Тебя ведь берут в Новую Зеландию не как невесту – ты едешь туда по программе для детей, осиротевших в результате войны. Твой новый опекун не знает тебя, и уж тем более Каспара. Он ни за что в жизни не даст вам разрешения на брак. Осознай это, Люцина: то, что вы себе наметали, не осуществится. Ты скоро уедешь от своего Каспара. Он придет потом, встанет на ноги, пока нет семьи, так ведь намного проще. А позже заберет тебя из Паиячуа.

Люцина недовольно сопела.

– Он должен мне это пообещать! – всхлипнула она, смирившись.

Хелена обняла ее.

– Он непременно даст тебе слово, – заверила она сестру. – Если, конечно, любит тебя...

– Несомненно, любит! – Печаль Люцины вновь сменилась злобой из-за того, что ее не воспринимают всерьез. – Вот увидишь, Каспар там будет быстрее, чем я!

Хелена кивнула, пытаясь выглядеть искренней. Возможно, Каспар даст обещание Люцине. Она была уверена, что молодой человек пока еще даже не знает, где на самом деле находится Новая Зеландия. Он и на английском-то не говорит ни слова. Скорее всего, Каспар Яблонски никогда не сможет попасть в Новую Зеландию, после того как ему не повезло с программой для сирот. Хелене нужно позаботиться, чтобы в ближайшие десять дней ни

ему, ни сестре такая мысль не пришла в голову.

Глава 3

В последние дни перед отъездом Хелена не знала, что делать с волнением, в то время как Люцина вела себя спокойно, словно речь шла про обычную экскурсию в Тегеран. Она и не думала паковать вещи, решать дела. Она лишь смеялась в ответ, когда Хелена уговаривала ее этим заняться.

– Хелена, у меня из вещей два платья и два комплекта нижнего белья. Плюс еще полотенце, кусок мыла, зубная щетка, зубной порошок да шерстяное одеяло. Я все это соберу за три минуты!

– Наверное, ты возьмешь одно из моих платьев, – подала идею Хелена. – Мое темно-красное: оно не такое поношенное, как твое голубое!

Люцина закатила глаза.

– Это же твое воскресное платье, – ответила она. – Тебе его нельзя отдавать. Возможно, в лагере нам выдадут новую одежду.

– Я не нуждаюсь в воскресном платье! – уверяла сестру Хелена. – А вот ты должна хорошо выглядеть, даже во время путешествия. Может, нам еще удастся выменять у кого-нибудь шаль на плечи, чтобы ты не замерзла. Это все же по большей части морское путешествие, а ты помнишь, как холодно было плыть на корабле из Красноводска в Пехлеви...

Путешествие по Каспийскому морю было сущим кошмаром.

– Ну, так мы же ехали из Сибири, – рассмеялась Люцина. – А теперь поплывем на юг, если я правильно поняла госпожу Вирхов.

Молодой доктор каждый вечер приглашала в один из классов лагерной школы юных эмигрантов и устраивала лекции о Новой Зеландии – рассказывая о стране, демонстрировала фотографии. Люцина не испытывала к этому особого интереса. Хелена не знала, стала бы сестра вообще посещать эти лекции каждый вечер, если бы госпожа Вирхов не разрешила Люцине приводить с собой своего парня. Каспар Яблонски охотно посещал лекции, хотя Хелена догадывалась – парня больше привлекает устройство диапроектора, с помощью которого на экране появлялись цветные снимки. Каспар дивился маленькому чуду, и уже на второй день госпожа Вирхов поручила ему показывать слайды на диапроекторе.

То, что рассказывала доктор об изображенном на слайдах, пролетало мимо его ушей: может, и к счастью, как считала Хелена. Иначе молодой человек осознал бы, как далеко находится Новая Зеландия и как тяжело

туда добраться. Что ни говори, просто сесть на корабль и приплыть в Веллингтон невозможно: до Индии группе придется ехать по суше. Чем больше Хелена слышала об этом, тем меньше у нее оставалось надежд когда-нибудь еще увидеть Люцину. Путь пролегал через множество стран, автобусные и железнодорожные переезды стоили целое состояние. Хелена слушала лекции госпожи Вирхов, и тоска ее росла с каждой минутой, с каждым слайдом, который показывала на экране любимая игрушка Каспара. Девушка восхищалась природными красотами новой родины Люцины: папоротниковыми лесами, вулканами и горячими источниками, верхушками гор, покрытыми снегом, и пальмовыми рощами, ручьями и озерами, богатыми рыбой, обширными фермерскими угодьями. Там были города. Не разрушенные войной, они выглядели чистенькими, подомашнему уютными. Наверное, в них таилось множество возможностей для молодых эмигрантов. Например, сначала поработать на фабрике и скопить денег на обучение в хорошей школе или в отличном университете.

Хелена могла о таком только мечтать и вновь возвращалась к реальности. Она уговорила Люцину примерить ее платье и попробовать немного перешить его, чтобы выглядеть в нем более привлекательно. Из швейной мастерской, мучась угрызениями совести, Хелена стащила ткань и обменяла ее на шаль, которая в дороге должна согреть сестру. Шаль к тому же очень подходила к темно-красному платью, отданному Люцине.

Когда они делали что-то вместе, то разговаривали по-английски. Хелена ужаснулась: находясь в Сибири, сестра почти все позабыла. Она попыталась восполнить пробелы в знаниях Люцины и настаивала, чтобы та наизусть заучила адрес семьи Нойманнов. Хелена была абсолютно уверена, что правильно помнит город и улицу, только номер дома вылетел у нее из головы. И все же Хелена решилась написать письмо другу отца. Она описала дяде Вернеру, что произошло с ее семьей, и попросила встретиться с Люциной в Пааячуа и позаботиться о девушке. При этом она втайне надеялась, что Нойманнов растрогает судьба семьи Грабовски, и Хелене непременно вышлют денег, чтобы сестры смогли воссоединиться.

Готовясь к отъезду, Хелена и другие беженцы следили за развитием событий в Европе. Союзникам как раз удалось прорвать западный немецкий фронт. Все надеялись, что войска смогут быстро передвигаться по Северной Франции. Сначала на Париж, а потом и на Берлин. Поражение Германии было лишь вопросом времени.

И вот наступил день отъезда. Молодым эмигрантам велели собраться в десять часов утра на бывшем плацу. Грузовая машина должна была отвезти

их в Исфахан. Там они переночуют одну ночь в детском приюте, а на следующий день уедут из страны насовсем: сначала предстояла поездка на грузовиках, потом поездом, а затем из Бомбея на корабле в Веллингтон.

Хелена с вещами Люцины была на месте уже в половине десятого. Сестра же хотела проститься с Каспаром, чтобы им никто не мешал. Народ постепенно подходил. Другие дети и подростки не могли скрыть волнения: они, как и Хелена, пришли слишком рано. Солнце только показалось из-за хребта Эльбурс. Было тепло, и ожидающие не мерзли. Малыши играли, подростки болтали друг с другом и следили, чтобы младшие братья и сестры не потерялись.

Хелена не находила себе места. Куда же запропастилась Люцина? Она снова и снова поглядывала на большой циферблат часов на здании госпиталя и призывала себя сохранять спокойствие. Было еще рано – у Люцины оставалось двадцать пять минут. Потом двадцать, затем пятнадцать... Без пяти десять на плацу собрались все дети и подростки. Молодая женщина, не зная Хелену, принялась проверять всех по списку. В десять часов на плац въехал грузовик.

Хелена лихорадочно соображала. Наверное, Каспар и Люцина чувственно целовались и обнимались на прощание, в сотый раз уверяя друг друга, что это расставание временное. Возможно, Люцина совсем позабыла о времени или полагалась на то, что Хелена попросту вовремя зайдет за ней. Именно это и следовало бы сейчас сделать. Хелена приблизительно знала, где встречаются влюбленные – у ограды позади мастерской, скрывающей парочку от любопытных глаз. Но, чтобы добежать туда и обратно, потребуется добрых пять минут, если не десять...

А молодая женщина со списком уже выкрикнула имя Люцины, и остальные эмигранты забирались в кузов грузовика.

Хелене стоило бы обратиться к ней и к водителю, попросить, чтобы они подождали Люцину.

Девушка, схватив узел с вещами сестры, подошла к машине. Сердце сильно колотилось. Хелена любила Люцину, но ненавидела вечно извиняться за нее, снова и снова просить сделать для сестры исключение и лгать в оправдание, чтобы объяснить ее промахи.

И тогда негодование и досада сменились яростью. Хелене ужасно надоело находиться на вторых ролях, приносить себя в жертву ради юной сестрицы, которая к тому же не ценила этого! Люцина воспринимала все то, что делала ее сестра, само собой разумеющимся. Она даже не испытает благодарности по отношению к Хелене за то, что та не даст ей упустить единственный шанс в жизни! Наоборот, Хелена отчетливо видела перед

собой недовольное лицо младшей и будто слышала: «Я сейчас приду, не будь такой...» Люцина раздраженно последовала бы за Хеленой. Потом она бы улыбнулась, извинилась и обаяла бы молодую женщину из администрации лагеря. В десять часов с копейками...

Хелена стиснула зубы. Подошла к грузовику. Молодая женщина со списком мельком взглянула на нее.

– Грабовски, Люцина? – деловито спросила она, занеся карандаш, чтобы вычеркнуть имя. Хелена раскрыла было рот, подыскивая подходящие слова. – Люцина Грабовски? – Женщина нетерпеливо повторила вопрос и махнула Хелене, чтобы та наконец забралась в кузов.

Хелена сглотнула слюну. Все мысли в ее голове перепутались.

– Да, – хрипло ответила она наконец. Кровь шумела в ушах. – Да!

Хелена была словно в трансе, когда забиралась в грузовик. Какой-то парень схватил ее за руку и помог влезть. Ни у кого, казалось, не возникло подозрений. Хелена не могла поверить, что ни один из этих молодых людей не знал Люцину. Может, они не расслышали, кого вызывали по списку? Или просто никогда не интересовались именем красивой подружки Каспара Яблонски? Хелене, конечно, повезло, что сестра не ходила ни в школу, ни на какие-либо курсы.

Одна девочка улыбнулась Хелене: они тогда вместе стояли в коридоре у кабинета госпожи Вирхов, но так и не познакомились. Имен других попутчиков она тоже не знала. Здесь не было людей с курсов кройки и шитья или персидского языка.

– Меня зовут Наталия, – сказала девочка.

Хелена вздохнула.

– Лю... Люцина...

Водитель завел мотор, и машина затряслась. Хелена взглянула на плац. Ее сердце бешено стучало. Если Люцина сейчас появится, она еще сможет все исправить...

Люцина не появлялась. Даже когда машина тронулась с места и провожающие замахали детям руками, Хелена не увидела сестры. Но тут грузовик, миновав главную улицу лагеря, проехал мимо мастерских. И как раз в этот момент из-за построек выскочили Люцина с Каспаром. Наверное, до них уже дошло, что стрелки часов давно перевалили за десять.

Люцина испуганно смотрела на кузов, а машина проносилась мимо. Она отчаянно махала руками. Каспар пытался остановить грузовик. Но водитель воспринял это лишь как прощальный привет. Он посигналил, дети в кузове ликовали.

Возгласы Люцины остались далеко позади, однако Хелена услышала –

младшая выкрикивала ее имя. Люцина заметила, что сестра заняла ее место. Выражение лица девушки невозможно было описать. Удивление, негодование, непонимание: это предательство, нарушение обещаний...

Но спустя мгновение Хелена ощутила неизмеримую радость. Она поквиталась за все! Теперь Люцина почувствует себя так же: оставленной и забытой! Однако Хелена быстро совладала с собой, ее охватил ледяной ужас. Что же она теперь будет делать? Она же несет ответственность за Люцину! Терпеть все ее капризы – в этом ее долг, жертвовать всем ради сестры, которая заслуживает лучшего... Хелена не могла оставить ее здесь! Что бы сказала на это мать?

Хелена встала, начала размахивать руками, пытаясь пробиться вперед.

– Нам нужно остановиться, нам нужно...

– Эй, ты с ума сошла? Ну-ка, сядь, иначе вывалишься из кузова! – Наталия решительно усадила Хелену рядом с собой.

– Нет... Я должна... нам нужно... моя сестра...

Хелена барабанила по металлической крыше кабины. Но молодой персидский водитель не обращал на это никакого внимания.

– Да прекрати уже, мы не остановимся, – крикнул один парень и с силой схватил Хелену за руку. – Если ты что-то забыла, скажешь об этом в Исфохане. Они должны пойти тебе навстречу и наверняка помогут...

Всхлипы Хелены заглушил общий радостный гул.

Пока грузовик преодолевал извилистые пыльные горные дороги, а потом миновал плантации финиковых пальм и оливковых рощ, Хелена пыталась успокоиться. Наверняка ей еще удастся все уладить. На первых километрах пути она все время ждала, что в любой момент за грузовиком появится машина. Хелена считала, что Люцина непременно расскажет о подмене кому-то из лагерного начальства, те организуют преследование и восстановят порядок. Каспар тоже мог кого-нибудь уговорить. Может, хозяин мастерских выделил бы ему машину.

Через два часа стало ясно: такой сценарий не осуществится. Грузовик ехал очень медленно. Обычный автомобиль уже давно догнал бы его.

Теперь Хелена думала, что все откроется в Исфохане. Администрация лагеря в Тегеране позвонит в детский приют, и Хелену отправят обратно.

А существовала ли вообще возможность отослать Люцину на каком-нибудь транспорте в тот же день? Хелена надеялась, однако особо не верила в это. Девушка не только поставила себя в безвыходное положение, она испортила все шансы Люцины на эмиграцию.

Вечером ничего не произошло. Уставшие, измученные долгой дорогой

дети брели по неровным улицам Исфахана. Но один взгляд на детский дом вернул им жизненные силы. Это действительно был маленький рай! Спальный и учебный корпуса располагались среди тропических садов. Хелене казалось, она попала в одну из сказок Шахерезады из «Тысячи и одной ночи». Дом выглядел весьма уютно: дети здоровались с новенькими, приветствовали прибывших веселой песней на польском языке. Было видно, что их здесь хорошо кормят и обеспечивают школьной формой. Перед школой на площадке развевались на ветру польский и персидский флаги. Опекуны были рады видеть новых эмигрантов.

Хелена опять выдала себя за Люцину – и на сей раз без особых эмоций молодой человек галочкой отметил имя в списке. Сразу после этого ее и Наталию вместе с младшими братом и сестрой отвели в комнату. Девушку мучили угрызения совести. Люцина не выдала ее, значит, Хелене нужно было самой как-то уладить ситуацию. Несмотря на то что девушка была голодна, она не смогла съесть ни кусочка вкусного ужина, который им приготовили в столовой. Она уже давно пожалела о своем поступке, но стоило ли теперь выдавать себя? В голове снова закружились мысли, всю дорогу терзавшие Хелену. Поможет ли младшей сестре поступок старшей? На завтра был запланирован следующий этап эмиграции. Станет ли кто-то отменять его из-за одной девочки? Хотела ли этого Люцина? Конечно, она была возмущена тем, что Хелена бросила ее. Но, с другой стороны, сестра ничего так сильно не жаждала, как остаться вместе с любимым Каспаром.

Хелена с трудом взяла себя в руки. Чего бы ни хотела Люцина, это уже не играло никакой роли. Хелена должна была делать то, что лучше для сестры. Она обещала матери позаботиться о Люцине. И любовная связь в столь раннем возрасте, да еще с таким тупицей, как Каспар Яблонски, – это наверняка не лучшее будущее для юной девушки.

Наталия заговорила с Хеленой. Та извинилась: она не слушала. Следовало уже наконец вести себя нормально, если она не хотела, чтобы ее секрет раскрыли так быстро... У девушки гудела голова. С одной стороны, она желала открыться, с другой – оставить все как есть. С одной стороны, у нее были обязательства перед Люциной, с другой – непреодолимое желание забыть обо всем. Новая страна... Новая жизнь...

– В общем, я так рада, что еду в Новую Зеландию! – как раз произнесла Наталия.

Хелена заставила себя улыбнуться и просто сказала правду:

– Я тоже!

Глава 4

На следующий день угрызения совести так и не прошли, но страх, что обман раскроется, стал заметно меньше. Ночью приезжали другие грузовики с детьми и подростками из лагерей, расположенных в округе Тегерана. Наверное, они выехали позже, чем машина Хелены. Если бы Люцина закатила скандал, то наверняка начальство подбросило бы ее и обменяло на сестру. Теперь Хелена окончательно уверилась – Люцина ее не выдала. Вероятность, что обман откроется, уменьшалась все больше. Тут ни один человек не сравнивал фотокарточки в паспортах: столько детей и подростков, да еще тридцать опекунов садилось в двадцать предоставленных автобусов. Особо никто не всматривался. Теперь Хелене разрешили бы совершить свое путешествие, если бы она даже призналась в обмане, но, несмотря на угрызения совести, девушка не смогла выдавить это из себя.

Хелена отогнала мрачные мысли и нашла в автобусе место рядом с Наталией. Обе с любопытством глядели в окно. Автобусы сначала проехали по долине реки Заендеруд, по зеленым плодородным землям. Вдалеке, у подножия гор Загрос, виднелся Исфахан. По словам подростков из местных детских домов, город был очень красивым, они часто туда ездили. Хелена не скучала по мечетям и паркам. Возможно, Исфахан показался бы ей таким же враждебным и чужим, как и Тегеран. Ей также казались странными деревни, через которые дети проезжали на машинах сопровождения, и улицы, мелькавшие за окном. Низкие глинобитные домики, во дворах которых свободно бегали куры, козы, телята и ослы. Люди были в белых штанах и длинных рубашках, выглядевших как пижамы. На женщинах – чадры или платья, полностью их скрывавшие, на головах мужчин – тюрбаны. Хелена подумала, что здесь немного изменилось со времен средневековья. Персия, конечно, была прекрасна, но не жизнь в ней. Хелена думала о простых крестьянах в глинобитных домах с хлевами около жилищ.

Наталия кивнула, когда Хелена поделилась с ней мыслями, и в ответ рассказала историю своей семьи, как их выгнали с крестьянского двора в Польше. Она с детства помогала ухаживать за скотиной и надеялась, что в Новой Зеландии сможет снова работать на ферме.

По-английски Наталия почти не говорила. Она только-только пошла на курсы языка в лагере и очень обрадовалась, когда услышала, что Хелена

бегло говорит на английском. Всю долгую дорогу Наталия не давала девушке покоя, требуя, чтобы та с ней занималась, и время пролетело незаметно.

Дети радовались, что маршрут проходил в основном по ровным дорогам. Поездка через горы из портового города Пехлеви в Тегеран и Исфахан была просто адской. Только младшая сестра Наталии Катарина чувствовала себя плохо, ее укачало. Ночь дети и подростки провели как попало, и это угнетало их. Чем дальше автобусы продвигались на юг, тем жарче становилось. В салоне стояла такая жара, что буквально нечем было дышать. Никто не удосужился информировать пассажиров, где они находятся и как долго еще нужно ехать. Дети считали, что они доедут на автобусах до самой Новой Зеландии. Но Хелена знала: из Бомбея предстоит плыть на корабле. Госпожа Вирхов все время рассказывала своим подопечным, что по дороге, в Индии, придется пересекать разные провинции.

Хелена спрашивала себя: будет ли паспортный контроль на каждой границе. Автобусы действительно остановились перед въездом на британскую территорию Индии. Но английские (преимущественно) таможенники не захотели просматривать паспорта семисот детей. Они высказали свое мнение: симпатизируют беженцам и желают детям счастливой жизни в Новой Зеландии, которая тоже была британским доминионом. Сопровождение проследовало дальше.

Теперь плодородные равнины Персии сменились пустынями. Наконец путешествие на автобусах для эмигрантов закончилось у пыльного железнодорожного вокзала огромного города, находившегося под контролем британских военных.

К удивлению девочки Катарини, он назывался Карачи.

– Звучит как «хорошо»! – рассмеялась маленькая девчушка, обрадовавшись, что можно выйти из автобуса.

В поезде Катарине стало лучше. Хелене же больше нравилось путешествовать на автобусах.

Купе, в которых им нужно было ехать, оказались грязными и переполненными. Воздух затхлый, не проветривали даже на ночь. Кормили их сэндвичами, насквозь пропитанными маслом. Их раздавали опекуны. Ночью все сидели на своих местах, ложились на пол в купе, спали в проходах. Хелена переживала нечто подобное на корабле, который вез их из Красноводска в Пехлеви, только тогда они еще и мерзли, а теперь пот проступал из всех пор. Запах в вагонах от этого не становился лучше. Воняло немытыми телами и экскрементами: туалеты после первого дня

пути были безнадежно загажены.

Когда же переселенцы добрались до границы Индии, всем пришлось выйти и пересест в следующий поезд. Стояла ночь. Здесь их тоже никто не контролировал. Молодежь из их лагеря всю дорогу была в той или иной мере предоставлена сама себе. Маленькие дети не путешествовали одни: большинству из них было от тринадцати до шестнадцати лет. Исключение составляли лишь немногие, например брат и сестра Наталии. Они находились под присмотром старшего члена семьи. К другим лагерям в Тегеране и Исфахане прикрепили детские дома. Было очень много детей в возрасте от шести до двенадцати лет, им назначили для сопровождения взрослых. Мужчины и женщины постоянно пересчитывали своих подопечных, только и делали, что присматривали за ними.

Хелена так извелась и устала, что уже была не в состоянии беспокоиться и страдать от угрызений совести, когда поезд наконец-то прибыл на вокзал Бомбея. Этот громадный город тоже был колонией Британской империи. Автобусы для перевозки детей предоставили английские военные. Хелена и другие эмигранты, к этому времени измученные и переполненные новыми впечатлениями, не обращали внимания на высокие здания, запруженные улицы, шум, экзотические запахи и звуки города. Лишь Наталия восхищалась пальмами, а Катарина взволнованно показывала пальцем на яркие повозки, запряженные волами. Здесь все было красочным, в храмах почитали странных богов. Хелена смутно припоминала рассказы госпожи Вирхов. Индия выглядела очень привлекательно, однако сейчас девушка просто хотела оказаться в постели. Может, хоть на корабле, следующем в Новую Зеландию, не будет такой тесноты.

А потом – неожиданность. Автобусы в тот вечер не отвезли их прямо в порт, а доставили к британским казармам. Здесь детей ждали рагу, душ и полевые кровати, на которых можно вытянуться. Многие маленькие путешественники сразу так и поступили, заснули, уставшие, не дождавшись, пока их позовут на ужин. Хелена и Наталия заставили себя перед сном основательно помыться. Хелена давно не чувствовала такого удовольствия, когда забиралась под одеяло. «Люцине это путешествие не понравилось бы», – подумала она, засыпая. Может, оно и к лучшему, что Хелена избавила сестру от таких мучений... Впервые за поездку Хелена проспала ночь без кошмаров.

Следующим утром она проснулась счастливой и отдохнувшей, съела вместе с остальными завтрак – овсяную кашу и выпила чай. Потом была

еще одна захватывающая автобусная поездка по Бомбею. А затем они наконец взяли курс прямо на Полинезию. Хелена и думать не могла, что прошлое сможет настичь ее еще и тут. Но, когда молодые эмигранты вышли на пирс, там снова стояли мужчины и женщины со списками, в которых вычеркивали фамилии. Парень с густыми каштановыми волосами и круглым лицом показался ей смутно знакомым. Именно он выкрикнул ее имя:

– Люцина Грабовски? – Молодой человек поднял глаза и обвел взглядом группу ожидающих путешественников.

– Здесь! – твердо ответила Хелена. Девушка постепенно привыкла откликаться на имя сестры. Как обычно, она вышла вперед и посмотрела в бдительные карие глаза.

– Ты не Люцина! – прошипел мужчина.

Хелена побледнела.

– Нет-нет. Это я, конечно, я. А кто... кто же еще тогда? Я...

Мужчина прищурился.

– Не рассказывай мне басни, ты не Люцина. Ты... Ну да, теперь я тебя вспомнил, ты ее сестра! Та насадка, которая на корабле все время ходила за Люциной по пятам...

– На... на каком корабле? – нервно рассмеялась Хелена.

Девушка покосилась направо и налево. Пока еще никто не услышал их спора с опекуном. Наталия занималась братом и сестрой. Остальные эмигранты любовались громадным кораблем, готовым принять их на борт. Это был «Генерал Рэндалл» – американское военное транспортное судно.

– По документам-то, конечно, – молодой человек говорил очень быстро и тихо. Это вселило в Хелену надежду. Может, он ее не выдаст. – Ты же знаешь: корабль шел из Красноводска в Пехлеви. Помнишь меня? Мы были вместе в Воркуте... Но ты никого вокруг себя не видела, кроме своей сестры... Не смотрела ни налево, ни направо... А теперь? Что случилось с Люциной? Почему ты едешь по ее документам? Она умерла?

Хелена покачала головой.

– Нет... нет, с ней все хорошо. Она... она просто не хотела ехать в Новую Зеландию, а я, наоборот, очень мечтала об этом. Я... меня не взяли по возрасту, я... Пожалуйста... Я не знаю вашего имени, я... для Люцины уже все равно слишком поздно, я...

Она взглянула в его глаза с мольбой и не увидела в них ни сочувствия, ни понимания, лишь торжествующий блеск.

– Витольд, – представился мужчина. – Витольд Облонски. Я из опекунского персонала. Я учитель. Короче говоря, увидимся... на

корабле...

В его голосе звучала почти угроза... Или он говорил как заговорщик?
Хелена не теряла надежды.

– Значит, вы меня не выдадите? – прошептала она.

Облонски усмехнулся и смерил девушку взглядом с головы до пят.

– Можешь называть меня Витольд... Люцина... – он язвительно произнес это имя. – Нет, пока я тебя не выдам. Если ты будешь мне немного благодарна...

Хелена нахмурилась. Девушка не понимала, на что намекал молодой человек.

– Благодарна? Что... что вы имеете в виду?

– Ну, подумай-ка хорошенько, Люци, – Витольд нагло рассмеялся. – Вынужден признать, что настоящая Люцина была не такой тупой.

Хелена закусила губу: наконец она поняла.

– А что было между вами и... Люциной?

Ничего такого ведь не могло быть: при переезде из Сибири в Персию Люцине едва исполнилось четырнадцать.

Витольд ослабился.

– Как говорится, сколько лет, сколько зим... – промолвил он и вычеркнул имя Люцины из списка. – Я найду тебя на корабле... Люци...

Хелена облегченно вздохнула, когда поднялась по сходням. Стоило ей взобраться на борт, и в душе вновь поселились страх и сомнения.

Пока они с Наталией и детьми пробирались по коридорам в поисках своей каюты, Хелена пыталась вспомнить, что произошло в Сибири. Она действительно редко смотрела в лицо тех, кто работал с ней и родителями в бригаде. Да и был ли в этом смысл? От холода люди укутывались, выглядели словно мумии, так что никого было не узнать. А заключенных, живших в лагере, не очень-то интересовала дружба. Много было горя, когда умирали члены семьи...

И все же Хелене удалось припомнить, откуда она знала Витольда Облонски. Его имя иногда проскакивало в разговорах депортированных поляков. В основном, это были предостережения. Молодой человек не гнушался предательством и наговорами, чтобы подлизаться к надзирателям. Он довольно часто доносил лагерному начальству о проступках заключенных. Злой и неприятный человек, у которого теперь была возможность в любой момент выдать тайну Хелены. Девушка дрожала, вспоминая о том, что именно он мог потребовать от нее. Одно было ясно: выхода у нее нет.

«Генерал Рэндалл» оказался значительно комфортабельнее, чем плавучий гроб, на котором они плыли из Сибири в Персию. На борту американского транспортного судна было много палуб и достаточно туалетов, кухонь и кают, чтобы перевезти сотни солдат в места дислокации. Хелена разделила каюту с Наталией, ее братом, сестрой и еще двумя девочками. Вшестером было довольно тесно, зато у каждого имелась собственная удобная койка с чистой постелью. Днем позволялось выходить на палубу в любое время. Когда они отчаливали, всем разрешили постоять у поручней и в последний раз взглянуть на Бомбей. Только теперь Хелена осознала, каким громадным был этот город, раскинувшийся на холмах острова Сальсетт.

Изначально от материка Бомбей отделяла лагуна, однако потом построили дамбу и лагуна высохла. На Сальсетте проживали миллионы людей.

Хелена проклинала судьбу. Именно здесь, где никто ни на кого не обращал внимания, она попала на крючок отвратительного парня, который знал ее историю. Хелена с горечью подумала: «Генерал Рэндалл» был огромным, и если бы она не оказалась в списке Облонского, то наверняка не встретила бы с ним тут во время всего путешествия. Теперь парень наверняка не упустит возможности потребовать от нее «благодарности». Он, разумеется, не знает, где каюта Хелены, однако выследит девушку после раздачи еды. Пассажиры получали пищу на кухне, ели у себя в каютах, а потом возвращали посуду.

В первый день Хелена могла чувствовать себя в безопасности: наступило время готовиться ко сну.

Девушка испугалась, когда Витольд вышел ей навстречу в коридоре между кухней и каютами.

– Добрый вечерок, Люци...

Хелена поджала губы.

– Чего нужно? – резко спросила она. Так это звучало, но выглядело, будто она просто испугалась.

Витольд не ответил, лишь ухмыльнулся и махнул рукой, велел следовать за ним на палубу. В эту пору там было тихо. Солдаты, которые несли службу на «Генерале Рэндалле», ужинали, а польским детям воспитатели не разрешали выходить из кают после наступления темноты.

– Сейчас увидишь, моя дорогая Люцина, – промолвил Витольд елевым голосом и потащил Хелену в тень к спасательной шлюпке.

– Хелена, – поправила его девушка сдавленным голосом. – Меня зовут Хелена. И... и мне очень жаль... Я... я вообще не хотела мошенничать, я...

Витольд осклабился.

– Ну конечно нет. Ты ведь порядочная девушка. Я тебя помню такой по нашему последнему совместному путешествию. Я с тобой и не пытался проделать ничего подобного, но разве Олег тебя ни разу не просил об этом?

Хелена нахмурилась; она вспомнила тощего прыщавого паренька с лицом как мордочка хорька-альбиноса. Во время их путешествия из Сибири в Персию парню удалось как-то заполучить место помощника на кухне. Вот он как раз и предлагал Хелене отрезать для нее большой ломоть хлеба, если девушка будет с ним мила.

– А у Люцины не было предрассудков, – уверял ее Витольд.

Хелена с ужасом взглянула на него.

– Это значит, что ты ее использовал? Ты... Люцина отдалась тебе... за кусок хлеба?

– Ну-ну, не стоит преувеличивать, – рассмеялся Витольд. – И не волнуйся так. По крайней мере, не я лишил твою сестрицу невинности. Я сам был тогда еще слишком юн. И мы, мальчики, после лагеря имели не лучшую форму. Всего лишь один поцелуй... кто откажется от умелых игривых рук... – он быстро потрогал себя между ног, – для этого маленькая Люцина была в самый раз...

Хелену охватило отвращение. Может, сестра вообще не понимала, что делает.

– И теперь я тоже должна тебя поцеловать? – покорно спросила Хелена.

Витольд весело фыркнул.

– Поцеловать? Не-е-ет, Хелена, так просто ты от меня не отделаешься. Ты ведь уже достаточно взрослая, правда? Уже женщина, а не маленькая девочка. А я мужчина.

– Как ты вообще попал на эту должность? – спросила Хелена в надежде отвлечь его внимание. – Такой парень, как ты... Почему стал здесь опекуном?

– Я учитель, мышка моя, – хмыкнул Витольд. – Преподавал в средней школе в Белостоке математику и географию. Только закончил обучение, как пришли русские. К несчастью... ведь в лицее училось столько красивых девочек, которые могли быть мне очень благодарны, если бы отметки по математике оказались повыше...

– Ты... ты... – Хелена хотела выругать его, но не смогла выдать из себя ни слова.

– Свинья, ты, наверное, хотела сказать? – посмеиваясь, подсказал ей Витольд. – Я слышал это уже несколько раз. Вы, девочки, не очень-то

изобретательны. Но все равно, спасибо, сочту за комплимент. Дикий вепрь... Кто не был бы польщен таким сравнением? А теперь поторапливайся, моя дорогая Хелена. Раздевайся! – холодно промолвил он.

Хелена в ужасе уставилась на него.

– Я должна раздеться? Здесь?

Витольд кивнул.

– По-моему, я выбрал неплохое место, – абсолютно спокойно сказал негодяй. – Мне не терпится увидеть, что я заполучу. Эти стремительные номера с задранными юбками в школьном коридоре на самом деле не доставляют такого уж удовольствия. Я люблю комфорт и уют, и для тебя так будет приятнее. Мы заберемся в одну из шлюпок, там нас никто не увидит. Поторопись, Хелена! Пока твои маленькие подружки тебя не хватились. А то потом станут задавать всякие вопросы...

Хелена оторопела и позволила Витольду затащить себя в одну из лодок. Он возбужденно дышал, быстро расстегивая ширинку. Уж лучше бы она сама сняла с себя платье – не дожидаясь, он «помог» ей, сорвав его. Хелена стояла перед ним в нижнем белье и чулках. Она надеялась, Витольд удовлетворится этим. Но он настаивал, чтобы она разделась догола. Когда Хелена снимала сорочку через голову, по ее щекам текли слезы. Она боялась и чувствовала себя опороченной уже сейчас. Однако, несмотря на такое ощущение, все же не могла осознать, что все это происходит с ней на самом деле. Она подумала о разочаровании Люцины, о ее последнем испуганном взгляде. Это воспоминание было ужаснее, чем веселый блеск глаз Витольда, когда тот оценивающим взглядом окидывал ее обнаженное тело.

– Немного тощая, – констатировал он и потребовал, чтобы девушка легла.

Хелена попыталась удобно устроиться между двумя скамьями. Но это не удалось, планки были жесткими и впились в спину, когда Витольд навалился на Хелену.

Сам он разделся не полностью, только приспустил штаны. Хелена увидела в лунном свете его возбужденный орган, выглядевший словно чудовищная, отвратительная кувалда. Ее чуть не стошнило просто от одного этого вида. Но потом Хелена позабыла об отвращении из-за боли. Она чуть не вскрикнула, когда Витольд без лишних разговоров вошел в нее, затем снова и снова. Он закрыл ей рот грубым поцелуем. Хелена ощущала адскую боль внизу живота, все было унижительно. Витольд повалился на нее, и девушка почувствовала что-то влажное у себя между ног. Неужели текла кровь? Боль постепенно ушла лишь после того, как Витольд излился

в нее. Хелена, преодолевая отвращение, едва смогла подавить рвотный позыв, когда теплая слизь, попавшая внутрь, вытекла наружу, а Витольд наконец извлек свое орудие. Обнаженная спина саднила, наверняка на следующий день она будет вся синяя. Хелена забыла, как двигаться. Казалось, Витольд не слезал с нее целую вечность. Все тело девушки горело от унижения и боли.

Измученная Хелена надевала сорочку, и парень бросил взгляд на ее исцарапанную спину.

– В следующий раз прихвати с собой одеяло, – сказал Витольд, развернулся и, застегнув штаны, исчез в темноте.

Глава 5

Путешествие из Бомбея в Веллингтон стало для Хелены сплошным мучением. Каждый день Витольд требовал от девушки вознаграждения, а Хелена искала любую возможность, чтобы избежать этого. Конечно, она старалась не заходить в общественные помещения после наступления темноты, но вскоре стало заметно, что девушка снова и снова отказывалась относить посуду на кухню. Витольд разыскивал ее где-нибудь и в середине дня, и тогда, кроме стыда и боли, появлялся страх, что их кто-нибудь заметит. Но Витольду, казалось, это абсолютно не мешает. Он вел себя совершенно развязно. Когда Хелене удавалось избежать встречи с ним целый день, он вечером вызывал ее из каюты. После этого девушке приходилось выдумывать для соседок правдоподобные истории о том, почему опекун хотел ее видеть. В тот раз ей удалось наплести что-то, но впоследствии она не стала так рисковать.

Конечно, случались и светлые моменты, когда все шло тихо-мирно, особенно в ясные солнечные дни. Дети носились по палубе, а Наталия не могла отвести взгляда от дельфинов на гладкой поверхности океана вокруг корабля. В такие минуты здравые мысли приходили вместо паники, охватывающей Хелену по ночам. Она все время задавала себе вопрос: насколько серьезны угрозы Витольда, нужно ли приносить такие жертвы? Они ведь уже были на пути в Новую Зеландию. Молодую девушку никогда бы не отправили обратно одну. Витольд никак не мог доказать, что она не Люцина. Слишком расточительно было бы проверять его показания. Захочет ли кто-нибудь выяснить, как на самом деле зовут девушку: Хелена или Люцина? Правда ли то, что ей шестнадцать лет?

Витольд язвительно расхохотался, когда Хелена, собравшись с духом, решилась высказать ему это.

– Ты еще совсем не в Новой Зеландии, моя дорогая Люцина! – издевался он. – Мы сначала прибудем в Веллингтон, а там есть какой-никакой паспортный контроль. Подумай, моя сладкая! Действительно ли ты так похожа на сестру? Разве ни у кого не возникнет сомнений, если пограничники станут присматриваться к фотографии? Ну а потом, дорогая... Люци, потом ты окажешься в новозеландской тюрьме. Пока еще один корабль не отправится обратно. Это называется «депортационный арест». И куда же поплывет тот корабль? В Китай, наверное? Или кто-то станет наводить о тебе справки? Очнись, Хелена! Ни одна страна мира не

позволит тебе въехать по поддельным документам! Так что выбрось эти мысли из головы. Уже слишком поздно. Раздевайся!

Хелена снова исполнила его приказание. Витольд в тот вечер вел себя с ней особенно грубо, а она беззвучно плакала, думая о своем будущем. Если все было действительно так, как описывал Витольд, тогда он мог бы спокойно пользоваться ею и в очередном лагере в Новой Зеландии. Она оказалась полностью в его власти. Единственный шанс – поскорее сбежать из лагеря и встать на ноги в этой стране. Разумеется, на следующий день на залитой солнцем палубе Хелена уже не верила в это. Теоретически Витольд мог угрожать ей и после въезда в страну, однако практически ему в этом случае пришлось бы объяснить, почему он так долго не разоблачал девушку. Чиновники и администрация лагеря наверняка зададут вопросы, и Хелене придется раскрыть обман, но тогда вскроется и шантаж Витольда. В итоге девушка пришла к выводу, что сможет почувствовать себя уверенно, когда кончатся все формальности с документами при въезде в страну. А до того она молча сносила ежедневное насилие. Она больше не решалась сердить Витольда: это стоило ей слишком много сил.

1 ноября 1944 года «Генерал Рэндалл» прибыл в Веллингтон. Стоял ясный весенний день. Из писем семьи Нойманнов Хелена знала, что времена года в этой части света совершенно противоположны таковым в Европе: когда в Новой Зеландии лето, в Польше царит зима. И все же ей трудно было представить подобное. Это почти чудо: какие зеленые холмы окружают город, деревья цветут на набережной! Веллингтон, полумесяцем охватывающий бухту, как для столицы страны был сравнительно небольшим. Вода сияла лазурными красками, соревнуясь в яркости с голубым небом.

– Цвета природы, – сказал ей один из американских матросов, с которым Хелена во время путешествия пробовала говорить по-английски.

Первое впечатление оказалось многообещающим. Дул легкий бриз, воздух над сушей был прозрачным, на горизонте виднелись далекие горы. Хотя формальности с документами еще не начались, но при виде новой страны Хелена позабыла обо всех проблемах. Не видно было также, чтобы на суше их ждали грозные пограничники. Наоборот, все суда в гавани приветствовали корабль «Генерал Рэндалл» радостными гудками, с одного парохода донеслись даже крики на польском. Польский корабль «Нарвик» как раз стоял здесь на якоре, и капитан, наверное, узнал, что прибывает судно с детьми. Делегация, встречающая их на пирсе, тоже состояла преимущественно из земляков. Польский посол Казимир Водзицки с женой

Марией ждали их в окружении группы новозеландских школьников, которые пели, держа польские и новозеландские флаги. Даже Питер Фрейзер, премьер-министр Новой Зеландии, прибыл и сразу поднялся на борт, чтобы поприветствовать детей. Он говорил с эмигрантами на английском, а потом вышел Водзицки и тоже произнес несколько теплых слов на их родном языке. Его жена Мария воздержалась от длинных речей, женщина просто взяла двух первых детей за руки и спустилась с ними по трапу на берег.

– Я знаю, что вы пережили ужасные времена, – произнесла она, – однако здесь с вами больше ничего подобного не случится. Это мирная, удивительная страна. Вот увидите, теперь все будет хорошо!

Наталия улыбнулась Хелене, и та просияла в ответ. Девушка была почти счастлива, она шагала по трапу к новой жизни. Если бы только младшая сестра была рядом... Угрызения совести вновь вытеснили радостные чувства: как же Хелена могла это совершить!

Здесь никто и не думал о строгом паспортном контроле. Опять были составлены списки, и какую-то молодую женщину прикрепили к их группе. Правда, она была не полячкой, а новозеландкой и говорила по-английски. Хелене она показалась симпатичной: низенькая и хрупкая, с веснушками на любопытном маленьком носике. Рыжие волосы спадали на плечи и спину бесчисленными завитушками. Вместо шляпы на голове она носила что-то вроде кепки – маленький дерзкий берет, который, казалось, плясал на ее кудрявых волосах. Он очень шел к ее платью в матросском стиле.

– Меня зовут Миранда, – представилась она и бросила искренний взгляд на молодых эмигрантов.

Хелена подумала, что в жизни не встречала таких ярко-зеленых глаз.

– Миранда Биллер. Из вас кто-нибудь говорит по-английски? Или по-французски? Правда... эм-м-м... я тоже... не очень-то им владею...

Смущаясь, она подмигнула молодым эмигрантам. Скорее всего, девушка получила это место исключительно из-за того, что якобы знала французский язык. В Польше очень много людей говорили как на французском, так и на английском.

Хелена не хотела привлекать к себе всеобщего внимания, однако Наталия энергично подтолкнула ее вперед.

– Давай! – шепнула подруга.

Хелена робко присела.

– Я владею английским языком довольно хорошо, – произнесла она официальным тоном и вежливо добавила: – Мисс Биллер.

Миранда просияла от радости. На вид ей было столько же лет, сколько

Хелене.

– Просто Миранда, – поправила она ее. – Мы все здесь называем друг друга по именам. Если, конечно, это не какие-нибудь многоуважаемые люди. Майора Фоксли я, разумеется, не назову... хм... какое же у него имя? Ну да, или мистера Следзински...

Миранда говорила очень быстро, Хелене приходилось напрягаться, чтобы поспевать за ее беглым английским. И понятно: полячка совершенно не знала, кто такие майор Фоксли и мистер Следзински, имена которых Миранда произносила абсолютно неправильно. Позже Хелена узнала, что речь шла об американском коменданте их лагеря для беженцев и представителе польского правительства в изгнании, от которого персонал лагеря получал распоряжения.

– Миранда... – медленно повторила Хелена имя молодой опекуни, стараясь произносить его верно.

Миранда весело поправляла ее.

– Это непросто, я знаю, – понимающе кивнула она. – Странное имя. Но моего брата называли еще хуже – Галахад... А ты? Как тебя зовут? – она с интересом взглянула на Хелену.

– Хе... Люцина! – Хелена покраснела. Из-за настолько приветливой встречи с уст девушки чуть не сорвалось ее настоящее имя.

– Люцина... Прекрасно! Тоже, конечно, не простое имя. Но все равно, пожалуйста, Люцина, скажи детям, что мы всех рады здесь видеть! А дальше отправимся на поезде в Паиячуа. Вокзал совсем недалеко, мы пойдем туда пешком. А багаж... У вас ведь его немного, правда? Думаю, вещи вы просто донесете сами. И еще раз... Очень хорошо, что вы к нам приехали!

Хелена перевела, и Миранда побежала впереди прибывших. На платформах уже можно было видеть два ожидавших их поезда. По сторонам улицы стояли школьники из Веллингтона, они пели и размахивали флажками. Маленькие эмигранты шли попарно. Улыбчивые учителя приветствовали детей. На платформе всем раздали пакеты с ужином, маленькая Катарина хихикала, впервые пробуя пенящийся лимонад.

– А здесь разве нет... паспортного контроля? – осторожно спросила у Миранды Хелена, после того как опекун о чем-то договорилась с остальными воспитателями и указала детям на их вагон.

Хелена нервно озиралась в поисках Витольда, но так нигде его и не обнаружила. В такой толчее это было и неудивительно. Хелена все равно опасалась. Если он осознает, что тут у него совершенно нет власти над

Хеленой, не захочет ли разоблачить ее как можно скорее просто из злости?

Миранда равнодушно пожала плечами в ответ.

– Понятия не имею. Они проставляли печати на каких-то документах... А у вас паспорта вообще-то при себе или их собрали?

– Собрали, – ответила Хелена. Она отдала документ сестры еще в Персии.

– Тогда вам больше не о чем беспокоиться, – беззаботно объяснила новозеландка. – Вам когда-нибудь их вернут. Или выдадут новые... А почему тебя это так интересует? Ты хочешь замуж? – хихикнула Миранда. – Моя мать расписалась с отцом в семнадцать лет, история с ее паспортом вышла весьма драматичная. Я тебе ее как-нибудь расскажу!

Казалось, Миранда уже считала Хелену подругой. Очевидно, она и не подозревала, что в разрушенной войной Европе паспорт был жизненно необходим.

В вагоне Миранда распределила детей по купе, изъясняясь на смеси английского, французского и языка жестов.

– Ваш лагерь в Паиячуа, почти в ста милях^[8] отсюда, – сказала она Хелене и попросила перевести это остальным. – Паиячуа на языке маори означает «место богов». Но там, конечно, боги не живут. Название придумал один из вождей маори, который скрывался от врагов. Бог войны указал ему путь к этому месту. Вождь смог там спрятаться и уцелел.

– И сейчас Бог посылает нас туда! – благоговейно произнесла Наталия.

Хелена уже давно заметила, что девушка была очень набожной. Она повторила ее фразу для Миранды по-английски.

Та рассмеялась.

– Это хорошая мысль. Вы сможете обсудить ее с польским священником. Он тоже живет в этом лагере. И там есть кирха, или капелла, или как там это у вас называют. Вы все католики, да? Здесь католиков почти нет, только дальше, на севере, где селились французы...

Казалось, Миранда решила как можно скорее выложить подопечным всю историю Новой Зеландии. Поток ее слов невозможно было остановить. Когда поезд наконец тронулся, Миранда вкратце поведала Хелене историю Веллингтона:

– Город – одно из самых старых мест заселения Новой Зеландии. Первые англичане прибыли сюда в 1840 году и назвали его в честь герцога Веллингтона. Поселение было довольно маленьким, меньше, чем Окленд, и все же через двадцать лет именно оно стало столицей. Этот город, в отличие от других, расположен в центральной части острова.

Когда поезд, оставив городские окраины позади, направился сначала к

холмистой, а потом и нагорной местности, Миранда принялась рассказывать о железной дороге, расхваливая участок, пролегающий через горный хребет Римутака. Это чудо инженерного искусства – путь, по которому они как раз сейчас и едут. Хелена только поддакивала ей.

Чем дальше они ехали, тем восхитительней были виды, опаснее и ненадежнее мосты и все длиннее туннели. Иногда поезд останавливался на станциях, таких как «Аппер-Хатт» или «Грейтаун», а дети радостной гурьбой стояли на платформах.

– Мы уже видели этих ребят! – удивилась Хелена.

– Да, это те же самые, – открыла ей секрет Миранда. – Они возят детей на автобусах от вокзала к вокзалу, чтобы те пели для вас. Это немного дико, но, с другой стороны, и приятно, правда? Вы же должны чувствовать, что вам здесь рады!

– Это так мило!

Казалось, Хелена теперь наконец была счастлива. Но все же она ощущала усталость и совершенно утомилась от назойливой доброжелательности Миранды. В окне поезда тем временем мелькали леса и горы, потом – фермерские поля... Хелена задремала, а когда проснулась, была уже вторая половина дня.

– Мы почти приехали! – объяснила Миранда. – Следующая станция – Пааячуа. Я с нетерпением жду приезда в лагерь, ведь я сама там еще никогда не бывала.

Последние полчаса путешествия Миранда рассказывала Хелене историю своей семьи. Лицо Наталии сияло радостью, она смотрела из окна и считала овец, которые паслись справа и слева от железной дороги. Иногда виднелись ухоженные фермерские подворья, преимущественно деревянные дома, возле которых стояли пикапы, а на лужайках – лошади.

– Собственно, я со своей семьей живу в Веллингтоне, – рассказывала Миранда. – Мой папа – профессор университета, а мама пишет книги. Но книги серьезные – романы. Любовные романы. Папа считает их отвратительными, а мой брат только... Да, в общем, все книги очень хорошие. Такие романтичные! Люди просто с ума по ним сходят.

– А твой брат служит в армии? – спросила Хелена. Она знала, что в Европе любого здорового мужчину забирали служить.

Миранда отрицательно покачала головой.

– Нет, мой брат в Греймуте, это город на Южном острове. У наших дедушки и бабушки там были угольные шахты, а Гал изучал горное дело. Теперь он работает там. Добыча угля, конечно, очень важна в военное время, поэтому брата не призвали. Я точно не знаю, что думает Гал по

этому поводу. Но мой дедушка говорит, что ни в коем случае нельзя призывать в армию человека по имени Галахад. Мама этого совсем не понимает, ведь Галахадом звали одного из рыцарей короля Артура... И все же она рада, что ему не нужно идти на войну. Хватит того, что мой двоюродный брат Джеймс там. Он не должен был идти: у его родителей огромная ферма в Кентербери, работать на которой тоже важно в военное время. Его отец категорически не хотел, чтобы сын шел в армию. Он сам был в Галлиполи, знаешь?

Хелена не знала. О битве при Галлиполи, одной из множества драм Первой мировой войны, она никогда не слышала. Для нее было достаточно уже того, что она сама пережила трудное время Второй мировой.

– Он считает, что вообще не было никаких причин затевать эту войну. Война – всегда преступление, при любых обстоятельствах. Вообще-то это неправильно... Джеймс видит все иначе. Никому не известно, чего следует ожидать от Гитлера. Хотя, я думаю, Джеймс мечтает о полетах. Джеймс просто с ума сходит от самолетов. Мы предполагаем, он сейчас служит в ВВС...

– Вы предполагаете? – неуверенно переспросила Хелена. В Европе, как она думала, в армии существовала полевая почта, дающая возможность поддерживать связь с военными, отправлять письма.

– Джеймс сбежал туда несколько месяцев назад, тайно. Как только ему исполнилось девятнадцать. Записался добровольцем. А теперь от него ни слуху ни духу. Джеймс боится, что отец вытащит его оттуда. И не зря. Дядя Джек уже задействовал свои связи и ведет поиски...

– Следующая остановка конечная: Паиячуа! – Резкий голос проводника прервал увлекательный рассказ Миранды.

Девушка тут же вскочила.

– Вот, вы слышали? Мы приехали! – радостно сообщила она. – Значит, собирайте вещи, ничего не забывайте. Последний отрезок пути придется преодолеть на грузовиках. Это не очень далеко, лагерь располагается всего в миле южнее города, так нам говорили. И, выходя из вагона, не спешите, мы никого не забудем!

На платформе маленьких эмигрантов ждала не только группа поющих школьников с флажками, но также колонна армейских грузовиков.

Миранда и остальные опекуны позаботились о том, чтобы каждому хватило места. И вот машины отъехали. Хелена переводила все указания Миранды. И вдруг она вновь увидела Витольда и остолбенела от ужаса. Мучитель лукаво улыбнулся ей, проезжая мимо на грузовике с детьми.

– Увидимся еще, Люци... – произнес он одними губами.

Хелена догадывалась, что скрывается за этой фразой.

Глава 6

Хелена и Наталия вместе с новозеландским опекуном наконец-то забрались в последнюю машину. Пока Миранда болтала с другими девочками, маленькая Катарина учила первые английские слова. Хелена узнала, что Миранда и другие опекуны, тоже очень молодые, были учителями либо студентами. Они добровольно записались на военную службу, чтобы поддержать нацию.

– Вообще-то я хотела водить трамвай, – заметила Миранда, – в Европе сейчас этим занимаются только женщины. Работать на одном из фуникулеров в Окленде... Вот было бы здорово! Но, кажется, никто из водителей не ушел в армию...

Польские девушки узнали, что в Новой Зеландии воевать отправлялись только добровольцы. Оказывается, здесь даже можно было выбирать, куда и в качестве кого отправиться в это военное время. По крайней мере, Миранда и ее подружки не относились к своей работе серьезно. Хелена уже была готова возмутиться. Лишения и потери, которые испытывали столько людей, были для избалованных молодых девушек не больше чем просто ужасными рассказами о далекой войне. И все же она чувствовала здесь облегчение. Если бы не обман, Хелена в мирной стране, скорее всего, смогла бы забыть о прошлых неприятностях.

После длившейся лишь несколько минут поездки по зеленой холмистой местности грузовики прибыли в лагерь. Машины въехали в ворота, на которых по-польски было написано: «Детский лагерь». Они тут же словно вернулись в Польшу. Хелена с улыбкой заметила, что у всех улочек с привлекательными деревянными домиками были польские названия. Вообще-то маленькие домики ничуть не напоминали казармы, где беженцам приходилось жить в последние годы. Здесь юные эмигранты могли селиться небольшими семейными группами.

Тут не было просторных общих спален. Между домами разбиты площадки, покрытые газонной травой, – игровые зоны. Забор вокруг лагеря совсем низкий и вовсе не угрожающий на вид. На деревянных воротах – простые засовы. Хелена не верила, что их кто-то охраняет.

– До этого здесь находился лагерь для интернированных, – объяснила Миранда, очевидно, совершенно не подозревая, кого и зачем здесь интернировали, – а еще раньше – ипподром...

– Это место больше похоже на деревню, чем на лагерь! – обрадовалась

Наталия.

Хелена кивнула, тешась радушным приемом. В домиках прибывших ожидали комнаты на четыре кровати со свежими постелями. В прежних лагерях беженцам в лучшем случае выдавали постельное белье, чтобы они сами застелили койки. На столах стояли вазы с яркими букетами цветов.

– Это сделали женщины из Паиячуа, – пояснила Миранда, делившая такую же комнату с другими добровольцами. – Они создали еще один дополнительный комитет, чтобы все для нас организовать. Вы пока устраивайтесь. Потом подадут еду в столовой.

На территории лагеря действительно было много кухонь, где готовили еду для детей и подростков. Хелена с облегчением заметила, что группа Витольда обедала в другой столовой. Значит, ему будет нелегко приблизиться к девушке. Она вновь вздохнула с облегчением. В этот день решалась одна проблема за другой. Только вечером, уже перед тем как отправиться в постель, Хелена снова подумала о Люцине, и в душе опять появились муки совести. Путешествие наверняка не понравилось бы сестре, но лагерь пришелся бы по вкусу...

Паиячуа – это маленькая сельская община. Фермерские домики были разбросаны по местности, в центре находились магазин хозяйственных товаров, кафе и заправочная станция. Польские дети в свободное время могли беспрепятственно ходить в поселок, но они больше любили гулять по окрестностям. Вокруг лагеря были отличные места для игр. Ребята исследовали луга, рощи, переходили вброд ручьи и пробовали удить рыбу. Если они не прогуливали школу, им никто не запрещал заниматься этим. Паиячуа оказалась тихим местечком – отсюда дети не могли далеко убежать, да и никакой опасности для них не было.

Наталия охотно гуляла по округе и пыталась выяснить, как называются незнакомые кусты, деревья и птицы. Она по-прежнему мечтала о жизни на крестьянском подворье. Для Хелены же самым большим чудом в новой стране была школа. В лагере имелись младшая, средняя и старшая. Занятия велись на польском языке! После несложного тестирования Хелену определили в восьмой класс. Это был самый старший класс в их школе, ведь из-за депортации обучение прервалось. В России некоторые жили в семейных лагерях, где проводилось нечто вроде занятий, но едва ли там можно было что-то выучить. Хелена даже не замечала, как блистает на уроках знаниями. С особым рвением девушка изучала естественнонаучные предметы. В этих областях познаний ей не хватало, а вот с английским у нее оказалось все хорошо, с французским даже лучше, чем у Миранды

Биллер. Хелена выяснила, что девушка окончила среднюю школу в Веллингтоне и хотела продолжать учебу, только пока не знала, где именно.

– Ты уже определилась, кем хочешь стать? – наивно спросила она у Хелены.

Та в ответ лишь отрицательно покачала головой. До сегодняшнего момента ее целью было «просто выжить». Теперь девушка иногда подумывала о том, что, возможно, когда-нибудь станет учительницей и матерью. Она уже спрашивала у лагерного начальства, не нужна ли помощь в воспитании маленьких детей.

Мистер Следзински, как прежде доктор Вирхов в Персии, вежливо отказал Хелене:

– Это хорошая мысль, Люцина, но ты не должна здесь работать. Сначала сама походи в школу и отдохни немного. Ты сильно отощала и выглядишь бледной... Возможно, тебе вообще стоит обследоваться. Сходи-ка завтра к медсестре.

Хелену удивило его замечание. Девушка обратила внимание, что за четыре недели в лагере она все время прибавляла в весе, платье на ее груди теперь даже чуть-чуть не сходилось. Но все-таки она нередко чувствовала усталость, которую объясняла обилием новых впечатлений и кошмарами, начавшими все чаще тревожить ее. Почти каждую ночь она видела во сне, как Люцина беспомощно смотрит вслед уезжающему грузовику, что увозит Хелену в Тегеран. Тут же после этого ей казалось, будто Витольд снова на ней и внутри нее. Девушке мерещился его мерзкий хохот. Но ей наконец удалось оставить этот эпизод жизни позади. В Новой Зеландии Витольд подошел к Хелене лишь однажды, во время перерыва, во дворе школе, где учителя попеременно следили за порядком.

– Я охотно встретился бы с тобой еще раз, Люци... – заметил он, зло усмехаясь. – Как считаешь? Не хочешь со мной прогуляться... вечером в лесочке? Это было бы так романтично, не находишь?

Сердце Хелены сразу заколотилось. Но потом она вспомнила о том, как бесстрашно и самоуверенно вела себя Миранда Биллер. Она никогда не позволила бы такое. Она бы утерла ему нос... Девушка набрала побольше воздуха в легкие.

– Это было бы не романтично, а так же омерзительно, как и во все наши предыдущие встречи, – решительно ответила Хелена. – Исчезни, Витольд, я уплатила долг! И тебе больше не удастся меня шантажировать. Ни один человек тебя не послушает, если ты станешь говорить о том, что сестры поменялись местами. И не вздумай до меня дотрагиваться!

Она резко отпрянула, когда Витольд протянул руку. А потом ей в

голову пришла идея, достойная Миранды Биллер. Чтобы окончательно избавиться от Витольда, ей следует нагнать на него страху!

– Иначе я выкину вот какой номер, Витольд, – уверенно промолвила Хелена, – закричу сейчас и скажу, что ты лез мне под юбку... Кому из нас поверят, господин учитель?

Витольд ретировался и больше не пытался приставать к Хелене. Вскоре он сделал предложение одной из новозеландских учительниц. Хелену это удивило, мисс Шерман, на первый взгляд, была совсем не в его вкусе. Коренастая, в очках, которые еще больше портили ее полное лицо. Конечно, она была милой, но Витольд и мисс Шерман даже не разговаривали на одном языке.

Хелена не могла представить, чтобы он влюбился в мисс Шерман, ценя какие-то ее душевные качества. Девушка поняла все, только когда Миранда однажды после обеда раздала всем их паспорта.

– Дело несколько затянулось. Начальство лагеря говорит, я должна за это извиниться перед вами, – объяснила Миранда. – Теперь у всех вас есть визы.

Наталия разочарованно взглянула на свой старый польский паспорт.

– Не новый? – произнесла она по-английски. – Не Новая Зеландия?

Миранда нахмурилась.

– А вы думали, вам сразу дадут гражданство? – спросила она. – Сначала это вообще не планировалось, насколько я знаю. Иначе не было смысла тратить столько денег на польских сопровождающих и польские школы. Тогда упор делался бы на то, чтобы обучить вас английскому...

– Это значит, они когда-нибудь отправят нас обратно? – спросила Хелена сдавленным голосом. Госпожа Вирхов вселила в них уверенность, что они смогут навсегда остаться в Новой Зеландии.

– Ну, вас так просто не вышвырнут из страны, – любезно поддерживая разговор, заметил майор Фоксли. Как обычно, начальник лагеря прохаживался после обеда, чтобы немного пообщаться с детьми и узнать, всем ли они довольны. – Если вы совершеннолетние и хотите остаться, может быть, получить здесь профессию или выйти замуж за новозеландца... – он подмигнул девочкам, – тогда вам дадут гражданство. А пока вам предоставляют шанс вернуться после войны к себе на родину. Возможно, там вы еще найдете каких-то родственников, которые пожелают вас принять. Мы не хотим опережать события, сначала вы должны почувствовать себя спокойно и уверенно. Поэтому не переживайте заранее!

У Хелены уже возникло такое подозрение по поводу Витольда. Он приехал в страну как опекун, а не как член группы беженцев. Наверное,

правительство Польши в изгнании платило жалование учителям, а после гарантировало работу на родине, когда их услуги здесь больше не понадобятся. Все это могло произойти очень скоро. Особенно с самыми младшими детьми, которые невероятно быстро учили английский язык. После школы Миранда и остальные новозеландские опекуны занимались с детьми в игровых группах, где говорили только по-английски. И Катарина уже бегло лепетала на чужом языке. Вскоре в польском учителе географии и математики совсем отпала бы необходимость, это касалось и сверстников Хелены. Если Витольд хотел осесть в Новой Зеландии, то брак – прекрасный шанс получить гражданство. Кажется, мисс Шерман ему не отказала.

Хелена очень жалела девушку, но испытывала непередаваемое чувство облегчения, ведь мучитель переключил внимание с нее на другую.

Замечание мистера Следзински по поводу ее бледности Хелена не приняла близко к сердцу, она попыталась больше времени проводить на свежем воздухе. В Новой Зеландии началось лето. Маленькие дети играли в футбол и регби, здесь это был национальный вид спорта. Миранда с подругами возглавляли группы следопытов. Администрация лагеря организовала мальчиков и девочек постарше для работы в огородах, чтобы обеспечить беженцев продуктами питания. Наталия попала в свою среду. Она высевала фасоль, горох и морковь, проводила эксперименты с экзотическими для нее овощами, например с кумарой.

– Сладкий картофель тут не редкость, – подзадоривала ее Миранда. – Этот вид появился здесь задолго до англичан. Маори привезли его вместе с другими растениями из Полинезии. Но кумара – единственное, прижившееся на здешней почве. Для всех других растений с южных морей тут слишком холодно. Маори из-за этого столкнулись с настоящей проблемой. Чтобы прокормить себя, они вынуждены были охотиться и в последующие столетия уничтожили множество видов животных. Выжженная пожарами почва стала неплодородной. Но это их многому научило. Сейчас они очень бережно относятся к земле, растениям и животным. Теперь, когда собирают урожай, поют каракию – что-то среднее между молитвой и заклинанием, – чтобы, так сказать, извиниться за то, что забирают у земли овощи. Мой отец мог бы вам часами рассказывать об этом... А дети уже кое-что такое даже учат.

Отец Миранды преподавал в университете традиции маори. Он увлекался историей и культурой аборигенов. Миранда так часто говорила о представителях коренного населения, словно это были члены ее семьи.

Хелена и другие беженцы пока еще не видели ни одного живого маори. Миранда рассмеялась и указала на небольшую команду регбистов. Игроки скакали по кругу, топали ногами о землю в ритм песни и строили дикие рожи.

– Что это они там делают? – спросила Хелена.

– Они танцуют хаку^[9], – объяснила Миранда. – Раньше таким образом воины пытались запугать врагов перед боем. В группах следопытов мы тоже учим традициям маори. Например, я показывала детям, как разводите огонь и устанавливаете верши для ловли рыбы.

Казалось, в Новой Зеландии колонисты и аборигены жили вместе мирно.

Хелена раньше слышала о других колониях ужасные вещи. Она и Наталия очень хотели бы узнать, как же выглядят местные жители. Наконец Миранда упростила начальство лагеря организовать для детей экскурсию в деревню маори.

– Типичных мараэ^[10] мы больше нигде не встретим, – с сожалением промолвила девушка, когда рассказывала детям, что сажают маори. – Мой отец говорит, их практически не осталось. Аборигены теперь подражают пакеха – так называют переселенцев из Европы. Отчасти они это делают добровольно, отчасти их заставляют, вынуждают детей посещать английские школы. Мой отец осуждает это...

Хелене такие рассказы очень нравились, она была одной из первых, кто внес свое имя в список, когда им предложили экскурсию в Палмерстон, где жило племя рангитане. Девушке пришлось заставить себя поехать. В последнее время ей давалось с трудом все, что раньше она выполняла шутя. Дети должны были сами поддерживать порядок в комнатах. И после занятий в школе, когда Хелена заканчивала работу по дому и в саду, она нередко уставала. Ни на что другое сил не оставалось. Кроме того, ее все чаще тошнило. Девушка решила непременно обратиться в медпункт после поездки в Палмерстон.

Возможно, ей следует принимать витамины...

Глава 7

Палмерстон, расположенный всего в нескольких милях от Паиячуа, был немного больше. Молодой учитель, сопровождавший детей во время экскурсии к аборигенам, объяснил: первые переселенцы будто бы купили землю у местных, у рангитане.

– Сначала из-за этого разгорались ссоры, потому что непонятно, принадлежала ли земля этому племени или раукава, – добавил он. – К счастью, споры разрешились мирно. Вообще-то в этом регионе крупных стычек не было даже во время войны за землю. И все же здесь теперь почти не осталось маори.

– Большинство потомков племен живут в городах белых людей, а не в своих мараэ, Миранда нам об этом рассказывала, – тяжело вздохнув, промолвила Хелена.

Хотя по пути хорошо построенной дороги почти не было поворотов, девушке стало дурно. Ее снова тошнило, Хелена предполагала, что у нее простуда. Сейчас в их «Маленькой Польше», как говорили в лагере, бушевал грипп. Миранда Биллер стала первой жертвой, поэтому в тот день и не поехала с ними. Наталия тоже не попала на экскурсию. Она не хотела оставлять Катарину одну: у сестры начался кашель и насморк. Мистер Такер, тощий молодой человек, который не смог пойти на фронт из-за болезни сердца, каждый день высказывал по этому поводу многословные сожаления.

– Да, их дома очень красивые, – кивнул он, – или когда-то были такими. Яркие, украшенные резными деталями и статуями богов. В последние годы в упадок приходит все, о чем больше не заботятся люди. В деревнях остались одни старики, молодежь едет в города работать на фабриках. Сегодня мы отправимся в мараэ возле Манавату – реки, в соответствии с названием которой именуется и регион. Поселение расположено неподалеку от Палмерстона. Люди из племени, живущие там, имеют возможность работать в городе, но все же не покидают при этом своих традиционных домов. Они ревностно придерживаются обычаев, чтобы дополнительно заработать немного денег. Они поют и танцуют для экскурсантов, показывают традиционные хака.

Хелена кивнула. Миранда и об этом им рассказывала, особо отмечая, что музыка и танцы тесно связаны с традицией племен.

«Не хватает духовного компонента, так считает мой отец, – объясняла

Миранда и смешно хмурилась, пародируя серьезное лицо университетского профессора. – Если раньше проводился обряд павгири, это связывало души гостей с членами племени. Боги и духи усмирялись. Сейчас, когда маори проводят приветственную церемонию, все проходит не столь ярко и естественно. Мой отец считает, что очень нехорошо так пренебрегать духовностью».

Автобус с польскими детьми въехал в красивые резные ворота.

– Фигуры богов, вырезанные на столбах ворот, называются тики, – пояснял мистер Такер. – Это боги-заступники. Они охраняют мараэ.

Деревня была окружена своеобразной изгородью из тростника, которой не помешал бы срочный ремонт. Часть ограды повалилась, а кое-где выломалась. Она бы точно не спасла от врагов. Хотя по этому племени нельзя было сказать, что у него есть враги, да и красть здесь особо нечего. Напротив ворот Хелена заметила большое, тоже украшенное резными элементами здание с выступающим фронтоном. Когда-то оно выглядело весьма привлекательно. Остальные постройки в деревне были примитивными деревянными хижинами с верандами и ставнями, напоминающими дома в Паиячуа, только более ухоженные. При взгляде на это мараэ складывалось впечатление, что местные жители подражают архитектуре белых людей, не зная на самом деле, как поддерживать здания в приличном состоянии. Между домами играли дети, пожилые люди вынесли на улицу стулья, словно им неприятно было проводить день в четырех стенах. Мебель выглядела жалкой, одежда стариков и детей – убогой.

Сами люди не показались Хелене какими-то особенными. Они были черноволосыми, немного более темнокожими, чем пакеха, в основном коренастыми и плотными. Но встречались и жилистые старики с иссушенной на солнце кожей. У большинства на лицах виднелись татуировки. Хелена вспомнила, что Миранда об этом тоже когда-то рассказывала. У каждого племени было свое изображение, совершенно уникальное моко, которое воины не просто рисовали на теле, а выкалывали иглой, чтобы нагонять на врагов страх. Также племена различались и по самобытному традиционному тканому узору на одежде, чего, однако, здесь не было. Жители мараэ одевались точно так же, как обычные белые люди в городе.

Перед ярко раскрашенным домом, к которому подъехал автобус, начало что-то происходить. Какая-то женщина запела, потом к ней вышли несколько парней. Они выглядели очень экзотично. Мужчины завязали длинные волосы странными узлами, на лицах красовались синие узоры

моко. Верхняя часть тела и ноги были голыми, одеждой служили только юбки из листвы, доходящие до колен. В руках парни держали копья, за поясом у них торчали ножи и другое оружие. Молодые женщины одевались более ярко. Их длинные волосы были распущены, на лбах – широкие повязки. Юбки и блузы вытканы черным, желтым и красным. Женщины пели приветственную песню и танцевали, вращая льняные шарики на длинных лентах. Селянки издавали специфический жужжащий звук, поддерживающий мелодию.

Мистер Такер высадил подопечных из автобуса, чтобы те увидели это представление. Маори улыбались им, а когда песня закончилась, к экскурсантам подошла одна из женщин. Хелене показалось, что девушке на вид лет двадцать.

– Хаэре маи! – поздоровалась она. – Это значит «Добро пожаловать!». Меня зовут Каэва, я буду рада рассказать вам сегодня о своем народе. Мы с вами будем играть на музыкальных инструментах, есть и работать. Может быть, вы сможете одним глазком заглянуть в наши души и почувствовать силу наших богов...

Несколько парней напевали «ху-у-у, ху-у-у». Одновременно внимание детей привлекли мужчины, которые исполняли боевой танец хака. Он напоминал тот танец, что в лагере разучивали регбисты. Хелене он не особо нравился. Grimасы мужчин хоть и не пугали ее, но порождали некое чувство возможной угрозы. От топота ног в такт музыке у девушки разболелась голова. Она точно нездорова.

После танцев Каэва немного рассказала о языке маори и научила гостей правильному произнесению нескольких вежливых фраз. «Киа ора» – добрый день, «хаэрэ ра» – до свидания, «ароха маи» – извините. Девушка показала странные музыкальные инструменты, игра на которых сопровождала танец. В основном это были флейты, на них аборигены умели играть даже носами. Маори были не против того, что гости осматривают и трогают инструменты, пытаются извлечь звуки. От этого развлечения лед между хозяевами и посетителями быстро растаял.

Вскоре все уже улыбались и хихикали, девочки крутили пои-пои – льняные шарики на лентах – и разучивали танцевальные движения. Мальчиков больше интересовало оружие воинов. Все рассмеялись, узнав, что страшные татуировки на лицах парней и хрупких девушек – всего лишь рисунки.

– Сейчас маори не делают татуировок на лицах, – объяснила Каэва, у которой как раз было настоящее моко. Несколько тонких синих линий вились вокруг рта, придавая девушке странный вид, но не обезобразивая

ее. – Так нам проще жить среди пакеха, тогда мы не столь сильно выделяемся. Если у мужчины моко слишком много, ему нелегко найти работу в городе. Его вид будет пугать пакеха. Мы считаем это довольно странным, ведь многие моко – просто мана, символы того или иного племени. Мы бы скорее дали работу более татуированному человеку, чем без рисунков вообще.

Каэва рассказала, что ей тату сделала бабушка. Старая Акона была тохунга, нечто вроде жрицы. Она настояла на том, чтобы внучка чтит традиции своего народа.

– А женщины делают татуировки только вокруг рта? – спросила Хелена.

– Да, – ответила Каэва. – В знак того, что в нас вдохнули жизнь боги. Пакеха говорят, все произошло наоборот: Бог вдохнул жизнь в Адама, а не в Еву, – подмигнула она. – Мы, маори, считаем это ошибкой. Для нас божество Папатуануку, мать земли, – первое женское существо на земле. А Танэ, ее сын, сотворил из глины первую настоящую женщину. Позже он зачал с ней дочь. И сыновей, конечно, тоже. Но первое человеческое существо было женского пола. Мы, маори, уверены в этом! – Девушка вновь рассмеялась. – Если вас эта история заинтересовала и вы захотите послушать другие легенды о нашем народе, богах и духах, тогда можете прямо сейчас пойти к моей бабушке. Акона охотно рассказывает гостям истории, но только тем из них, кому это действительно интересно. Ей не нравится, когда приходят целыми классами и половина детей скучает или занимается ерундой, пока она рассказывает. Поэтому я предложу, чтобы мы разделились на группы.

– Кто хочет узнать больше о нашей традиционной кухне и сельском хозяйстве, тот идет со мной, – промолвила девушка, до этого игравшая носом на флейте, и добавила: – Меня зовут Эмере. Я проведу вас по нашим полям, и вы узнаете, что такое ханги. Это особый вид приготовления еды в земляном очаге. Блюдо готовится много часов. Для приготовления мы используем вулканическую активность. Вы сможете позже попробовать мясо. В конце мы пообедаем все вместе.

– Кому интересно, как мы обрабатываем лен, – продолжила Каэва, – делаем, например, юбки пиу-пиу или шарики, тот отправляется с Аку...

Еще одна девушка вышла вперед.

– Аку покажет вам, как мы обычно делаем ткани.

Каэва окинула взглядом юных гостей и рассмеялась, когда заметила разочарованные лица мальчишек. Им она предложила вот что:

– Ну а те, кто хочет ощутить себя воином маори, пусть присоединяется

к Хоани...

Молодой воин отделился от группы и одарил детей улыбкой.

– Хоани и его друзья научат, как обращаться с копьем и боевой дубинкой. У нас есть также каноэ, в котором можно прокатиться. Кроме того, есть возможность нарисовать традиционное моко. Конечно, только если вы его заслужили храбростью в бою! – Девушка рассмеялась.

– А могу я тоже присоединиться к воинам? – спросила хрупкая девочка с черными вьющимися волосами, на вид ей было лет двенадцать.

Хелена подумала сначала, что девочку отправят, скорее, в группу ткачества. Но, к удивлению девушки, Каэва сразу согласилась.

– Наши женщины очень часто сражались с мужчинами плечом к плечу. Есть специальное оружие, которым пользуются только женщины, Хоани покажет его вам. Пока не появились пакеха, у некоторых племен были даже вожди-женщины. Но англичане их не признавали. Они отправили представительниц женского пола по домам, когда те пришли, чтобы подписать договор о Ваитанги. Собственно, непонятно, как у них самих еще совсем недавно при власти была королева... Виктория, не так ли? – Она вопросительно взглянула на мистера Такера. – Как бы то ни было, они не воспринимают наших соплеменниц всерьез, а наши мужчины использовали любую возможность, чтобы лишить власти женщин арики, – девушка нахмурилась. – Потом они отняли у них еще и право собственности, потому что пакеха не признавали женщин-землевладельцев. Что касается представительниц женского пола, тут мужчины маори и англичане быстро нашли общий язык, – горько подытожила она.

– Сейчас я научу их, как надо сражаться, – решительно заявила темноволосая девочка и отправилась с другими детьми.

Хелена не знала точно, к какой группе присоединиться. Кроме группы воинов, ее привлекали также все остальные. Впрочем, она решила, что от запахов пищи ее может сейчас стошнить. Для ткачества и плетения Хелена чувствовала себя слишком слабой. А вот истории всегда слушала охотно, поэтому и отправилась сразу с Каэвой к маленькой древней старухе, сидевшей у костра. Акона разожгла его перед своей хижинкой. Ее дом был не очень велик, он казался еще более примитивным, чем у других. Тохунга отказалась вынести стулья или скамью, как остальные пожилые люди.

Она пригласила Хелену присесть на землю под раскидистым деревом, словно это нечто само собой разумеющееся. Каэва опустилась рядом с бабушкой, и Хелена вдруг ощутила, что окунулась в жизнь маори. Этому, кроме прочего, способствовал внешний вид Аконы. Она не носила одежду пакеха, только традиционную тканую юбку и блузку в самобытной

расцветке племени. На плечи женщина накинула покрывало, хотя на улице было довольно тепло. Казалось, она мерзнет, как все пожилые люди.

– Ты привела с собой лишь одного гостя? – разочарованно спросила Акона у своей внучки. Старуха говорила на ломаном английском.

Каэва что-то объяснила на языке маори, а потом обратилась к Хелене:

– Я рассказала ей, что вы, поляки, недавно приехали в Аотеароа – это Страна Длинного Белого Облака, так маори называют Новую Зеландию. Вы, сказала я, возможно, не останетесь жить здесь, а вернетесь в Европу. Поэтому совершенно нормально, что не очень интересуетесь нашей историей. К сожалению, почти все наши гости ведут себя точно так же. Для них представляет определенный интерес наше оружие и еда. Но вникать в древнюю историю маори, понимать нас на самом деле... этого хотят обычно от силы два-три человека...

Хелена с большим интересом слушала рассказ Аконы. Старуха бросила в костер пучок душистой травы, чтобы умиловить духов и избавить девушку от головной боли. Было очень сложно следить за фабулами легенд. Иногда женщина, увлекшись, переходила на родной язык, и тогда в этот рассказ в качестве переводчика вмешивалась Каэва.

И все же за следующие несколько часов Хелена кое-что узнала о маори. Они тоже были чужаками в их новой стране. Только они прибыли сюда со сказочного, райского острова под названием Гаваики всего на семьсот лет раньше пакеха. Акона поведала о Купе, первом человеке, который ступил на землю Новой Зеландии. Он покинул свою родину, потому что украл замужнюю женщину. Старуха рассказала о сотворении мира, когда расстались двое из любящей пары – отец-небо и мать-земля, о Мауи – полубоге, поймавшем луну и пожелавшем перехитрить смерть. И наконец, Хелена узнала легенду о местности, где располагалась мараэ рангитане.

– Хау, воин, жена которого сбежала с другим мужчиной, преследовал их по реке и горам, но, увидев нашу реку, показавшуюся ему слишком широкой, чтобы пересечь ее, он почувствовал, как сердце его вот-вот остановится. Поэтому назвал ее Манавату. «Манава» означает «сердце», «ту» – «остановилось».

– И что дальше? – спросила Хелена. – Он нашел свою жену?

Каэва кивнула.

– Да, – ответила она. – Возле Паикакарики. Сначала он хотел бросить ее в море, но не решился. Вместо этого превратил жену в утес. И сегодня она по-прежнему смотрит на юг, возвышаясь над заливом Пукеруа.

– Печальная история... – промолвила Хелена. – А нет какой-нибудь

покрасивее? С хорошим концом? О людях, которые любят друг друга до конца своих дней?

Девушка уже хотела встать. Может быть, усталость и тошнота отступят, если она немного походит. Но тут же все вокруг словно завертелось... Чтобы удержать равновесие, Хелена ухватилась за ствол дерева, под которым они сидели. Анока рассказывала, что это манука – чайное дерево, его масло помогает от всевозможных хворей. Оно очень крепкое, сопротивляется ветру, холоду и огню, защищает другие растения. Деревья мануки, по словам маори, вот уже много поколений охраняют мараэ. Старые деревья умирают, а из их пепла рождаются новые...

– Вот, выпей это! – услышала девушка.

Хелена поморщилась, когда попробовала горький отвар. В глазах все еще было темно, и на секунду она испугалась, что ослепла. Потом поняла, что лежит в хижине Аконы. Каэва, озабоченно склонившись над ней, пыталась напоить ее чаем. Старуха сидела возле костра и что-то помешивала в горшке, Хелена видела это через проем открытой двери. Женщина пела каракию – все выглядело так, словно она готовила какой-то заговоренный отвар.

Хелена осторожно глотнула, жидкость была отвратительной на вкус.

– Что это? – чуть слышно спросила девушка. – И что... что со мной произошло?

– Ты потеряла сознание, – коротко ответила Каэва. – Возможно, слишком долго находилась на солнце. Акона приготовила для тебя чай, от него тебе станет лучше. Она умеет лечить, поэтому ни о чем не беспокойся. Она тебя не отравит.

Этого Хелена и не опасалась. У нее в голове роились другие мысли.

– Я еще никогда не теряла сознания, – тихо сказала девушка. – Еще ни разу. Даже в Сибири на тяжелых работах во время холодов... и от голода не теряла. А еды нам всегда не хватало. Я... я, наверное, заболела...

Акона вошла в хижину, она принесла Хелене фарфоровую чашку и, покачав головой, протянула странно пахнущий отвар. При этом старая женщина произнесла несколько слов на родном языке. Каэва сразу изменилась в лице, услышав их, и взглянула на Хелену. Она выглядела очень озабоченной.

– Ты не больна, – перевела молодая девушка маори слова старухи. – Акона говорит, ты беременна. Такое возможно?

Вокруг Хелены вновь все потемнело и завертелось.

– Нет!

Сначала ей сразу хотелось соврать. Но потом она вернулась к

реальности. Конечно. Подобное могло произойти! Хелена никогда об этом не думала. Ее месячные шли очень нерегулярно, а в Сибири, когда работа была тяжелой, а питание слишком скудным, они отсутствовали даже месяцами. В Сибири вообще ни одна женщина не забеременела, хотя Хелена знала, что охранники не раз насильовали девушек. Она сама не представляла себя женщиной, у которой могут быть дети. Все встречи с Витольдом ассоциировались у нее только со страхом, отвращением и болью. Хелена никогда не думала о чуде зачатия ребенка!

Конечно, со времени пребывания в Сибири многое изменилось, несколько месяцев подряд месячные шли регулярно. И потом Витольд вливал в нее свое отвратительное семя ежедневно много недель подряд. Нельзя было исключать, что она теперь носит ребенка!

– Акона говорит – нет никаких сомнений, – перевела Каэва и нежно погладила Хелену по лбу. – Я уже вижу, что ты не рада...

– Рада? – встрепелулась девушка. – С чего же мне радоваться? Если я действительно беременна... то все пойдет прахом! Я думала, у меня все получилось... Новая страна, школа... Я хотела учиться... а теперь... Этого не может быть, этого просто не...

– Ты его не любила? – тихо спросила Каэва.

В ответ Хелена резко помотала головой.

– Я ненавижу его! – прошептала она и повторила свои слова громче, почти крича: – Я ненавижу, ненавижу, ненавижу его!

А потом потекли слезы. Она всхлипывала громко и отчаянно, впервые с тех пор, как Витольд насильно овладел ею. Хелена выпускала наружу страх и боль в доме этих незнакомых женщин, которые, наверное, даже не понимали ее горя. Каэва только что рассказывала, что дети маори принадлежат всему племени и всегда желанны. Разумеется, аборигены не отталкивают и женщин, которые забеременели, будучи незамужними. А вот в Польше все наоборот...

Соотечественники Хелены – истые католики. В лагере были подразделения на зону девочек и мальчиков. Это делали ради детей: романы запрещались. А если теперь девочка из их Маленькой Польши забеременела... Хелена была уверена, что ее выгонят. Витольд станет все отрицать, ведь свидетелей нет. Как же ей теперь выжить здесь, в чужой стране, без друзей и родственников, с маленьким ребенком?

Обняв ее, Каэва стала гладить по волосам и повторять:

– Успокойся, успокойся, успокойся...

– Он все разрушил, – причитала Хелена. – Все, за что я боролась... Но, может, я и получила по заслугам, наверное... С самого начала все

строилось на лжи. Мне не следует быть здесь. Тут должна находиться моя сестра Люцина. Я... я не хочу... я не хочу больше жить...

Акона указала на фарфоровую чашку.

– Пей! – требовательным тоном, но ласково потребовала девушка маори. – И не говори о смерти, ты пугаешь своего ребенка. Ты молодая и будешь жить. Вы вдвоем будете жить.

Акона осторожно положила руки на живот Хелены, словно уже могла почувствовать будущую жизнь.

– Я спую каракию для тебя и твоего ребенка.

Старуха вышла из хижины, и Хелена и Каэва услышали, как сливается с треском костра ее высокий старческий голос.

Хелена отпила отвар.

– Тебе уже лучше? – спросила Каэва, когда девушка выпила жидкость из чашки. – Нам нужно потихоньку двигаться к остальным. Будет еще трапеза, а потом вас отвезут обратно в Паиячуа.

Хелена кивнула. Она постепенно успокаивалась. Голова больше не болела, но девушке казалось, будто ее набили ватой. Она теперь не могла и не хотела думать.

– Наверное, мне нужно умыться... – пробормотала Хелена.

– Река там, – Каэва махнула рукой.

Хелена вышла, шатаясь, умылась водой из реки, которая так напугала воина Хау, что у него остановилось сердце. Она хотела, чтобы и ее кто-нибудь превратил в утес, как Хау поступил со своей женой.

Само собой, такого не произошло. Вместо этого немного проголодавшаяся Хелена отправилась с Каэвой к месту сбора. Остальным гостям уже раздавали еду из большого чана. Все были радостно возбуждены. Девочки вертели пои-пои, которые они при небольшом участии маори сами сплели из льна; мальчики гордились только что нарисованными моко.

Девочка с черными волосами, Каролина (почему-то сейчас Хелена вспомнила ее имя), держала в руках боевую дубинку из крепкого дерева. На ее лице красовались воинственные рисунки, какие носили только мужчины маори. Каролина созналась, что ей нарисовали моко воинов.

– Это мое мере ракау, – восторженно сообщила она и показала Хелене дубинку. – Этим можно кого-нибудь убить!

Хелена попыталась улыбнуться.

– Ты же одолжишь мне ее при случае, правда? – тихо спросила она.

– Ты хочешь тоже стать воительницей, как я? – с сомнением спросила Каролина, оставаясь серьезной. Она гордо продемонстрировала

нарисованную на лице синюю татуировку.

– Она уже стала, – вмешалась Каэва, которая вновь догнала Хелену и принесла ей миску с мясом и овощами.

Девушка с радостью отметила, что Хелена взяла ложку и усердно принялась жевать. Блюдо было удивительно вкусным. Казалось, травы Аконы вернули ей аппетит. Каэва тут же сунула ей в руку мешочек.

– Вот, из этих трав тебе нужно заваривать чай, если почувствуешь себя хуже, так сказала моя бабушка. А вот это... – она вытащила из кармана маленькую фигурку, закрепленную на кожаных ремешках, – сделала Акона. Она должна тебя защитить...

Хелена оторопело уставилась на вырезанную из древесины мануки фигурку.

– Это Хинеахуоне, богиня плодородия. Первая женщина, которую сотворили из глины. Помнишь? Танэ, бог леса, пробудил ее к жизни...

Хелена вдруг опять ощутила дух дерева мануки. Может быть, новая страна действительно защитит ее. Она ответила Каэве хонги – традиционным приветствием маори. Полячка немного успокоилась, осторожно коснувшись носом ее лба.

– Хаэрэ ра, таина! – произнесла Каэва. – Будь здорова, маленькая сестра! Я желаю тебе удачи.

И Хелена вновь не могла не подумать о Люцине.

Глава 8

Хелене потребовалось несколько дней, чтобы осознать, что она беременна. Сначала она думала, старуха маори ошиблась, но потом убедилась – все говорило о противоположном.

У Хелены не было гриппа. Напротив: пока все в ее домике лежали с больным горлом и насморком, девушке с каждым днем становилось все лучше. Тошнота и головокружение от чая Аконы совсем прошли. Но другие изменения в теле Хелены продолжались. Раньше она отказывалась их замечать. Ее груди налились, живот вырос и стал тверже, девушка все так же прибавляла в весе. Сомнений не оставалось – это беременность, и скрывать ее долго будет нельзя. Хелена высчитала, что она примерно на третьем месяце.

Девушка не знала, когда вырастет большой живот. Времени теперь у нее наверняка немного. Нелегко было оставаться вне подозрений. Эпидемия гриппа сначала свалилась словно подарок Хелене свыше, потому что соседки по домику были заняты только собой или своими младшими братьями и сестрами. Утренняя тошнота Хелены тоже не бросилась в глаза, так как девушка почти ни с кем не общалась, была постоянно задумчива. Наверное, скоро Наталия выздоровеет, и у нее возникнут вопросы, да и у Миранды тоже.

Хелена лихорадочно соображала, что можно сделать. Первой мыслью было довериться Миранде Биллер. Она считала, та не будет слишком шокирована. Может быть, уверенной в себе Миранде придет в голову какое-нибудь решение? А если нет? Хелена не сможет попросить опекуна хранить информацию о ее беременности в тайне. Когда Миранда сообщит администрации лагеря о положении Хелены, девушку, скорее всего, тут же выгонят отсюда. Инстинкт выживания подсказывал ей, что нужно как можно дольше беззаботно жить в лагере, где есть еда и ночлег. Может, вообще удастся скрывать беременность вплоть до родов? По крайней мере, стоило попытаться.

Также стоило попробовать поговорить с Витольдом. Одна мысль об этом вселяла в Хелену отвращение. Между тем, трезво поразмыслив, девушка решила: это единственный шанс дать нормальную жизнь малышу, который рос в ней. Витольд обязан признать его и жениться на Хелене. Она сказала себе, что должна пойти на эту жертву ради ребенка. Альтернативой была жизнь под забором. Возможно, Хелену и ее внебрачного ребенка даже

отправят обратно в Польшу, как только ее страну освободят.

Когда Хелену мучила бессонница, в голове рождался один ужасный сценарий за другим. Ей чудилось, как она будет просить милостыню с младенцем на руках на заснеженных улицах Львова или Варшавы, она видела, как большеглазая маленькая девочка плачет от голода. Хелена представляла, как станет безуспешно умолять польских домохозяек дать ей заказы на пошив одежды – ведь у них самих после войны ничего не будет. Что произойдет, если ей не удастся найти настоящую работу? Тогда она станет продавать свое тело, придется делать добровольно то, к чему насильно склонил ее Витольд. Лучше уж брак с этим человеком. Вместе с ним она могла бы, по крайней мере, попытаться подать заявление на гражданство в Новой Зеландии.

Спустя неделю после экскурсии в Палмерстон Хелена неохотно отправилась к отцу ребенка. Она застала Витольда в школьной библиотеке одного – подходящее место, чтобы поговорить с глазу на глаз. Хелена сочла это добрым знаком и постаралась как можно приветливее поздороваться со своим учителем, хотя от одного вида парня девушку едва не вывернуло. Витольд тоже ей не очень обрадовался. Он бросил неодобрительный взгляд на Хелену.

– Чего тебе здесь надо? – резко спросил парень. – Покориться пришла? Значит, скучаешь по ним, по нашим маленьким играм... Жаль только, я больше ничем не могу тебе помочь. – Он с гордым видом поднялся. – Я помолвлен, моя дорогая Люцина, и скоро стану полноправным гражданином этой прекрасной страны. Могу тебя заверить: это я не променяю ни на какие твои удовольствия!

Хелена остолбенела. Он что, шутит?

– Это... это не было удовольствием для меня, – твердо ответила она. – И я не хотела, чтобы это повторилось. И все же ты не можешь жениться на мисс Шерман, потому что должен жениться на мне. Я беременна, Витольд. Ты отец моего ребенка!

Витольд удивленно взглянул на ее бледное лицо, а затем посмотрел на все еще худую фигуру.

– Это правда, – добавила Хелена.

Казалось, он вновь взял себя в руки. Испуг сменился полным безразличием, а потом губы растянулись в отвратительной ухмылке.

– Я должен на тебе жениться? – прошипел Витольд угрожающе тихо. – Ты ведь сама в это не веришь! И я не позволю навесить на себя этого ребенка. Кто знает, со сколькими мужиками ты еще переспала, кроме меня!

Я предупреждаю тебя, Лю-ци-на! Не пытайся подмочить мою репутацию! Я все еще могу рассказать, как ты сюда попала. Выдумаю отличную историю. Мне очень жаль тебя, я считал, что ты порядочная девушка... пока ты не стала меня шантажировать и утверждать, будто я овладел тобой... А когда ты будешь бегать здесь с толстым пузом, тогда все увидят, чего ты стоишь!

Хелена закусил губу. Неужели люди из администрации лагеря будут смотреть на это именно так? Сможет ли Витольд таким образом повернуть дело, доказывая свою непричастность к ней? Хелена не знала, что и сказать. А Витольд за словом в карман не лез:

– В общем, прости, Люци, поищи себе другого дурака для своих игр. Лучше будет, если ты вообще отсюда уберешься. Если сможешь достать денег для этого...

– Де... денег? – пролепетала Хелена.

– От меня ты все равно ничего не получишь! – объяснил Витольд. – Я больше ничего не хочу слышать об этой истории. Если продолжишь меня донимать, я заявлю на тебя!

Витольд бросил на стол книгу, которую листал, развернулся и вышел из комнаты. Хелена подумала о боевой дубинке маленькой Каролины и радостных словах девочки: «Этой штукой можно даже кого-нибудь убить»... Она не знала, что такого плохого пришлось пережить Каролине, но теперь и у нее самой не было бы никаких угрызений совести. В тот момент она охотно зарядила бы крепкой дубинкой по черепу Витольда!

В ярости Хелена представляла подобные картины, когда шла домой, но потом ею вновь овладела беспомощность. И в этот день, словно девушке было мало злобы Витольда, почта принесла ей очередное разочарование. В первые дни пребывания в Маленькой Польше, мучась от угрызений совести и желая высказаться и примириться, она написала письмо Люцине. Наверняка сестра, разозлившись, ответила бы лавиной упреков. Но, по крайней мере, она знала бы, что у Хелены все хорошо. В те дни девушка еще была полна оптимизма и надеялась на лучшую жизнь в лагере. Если бы она ходила в школу и училась, может, через несколько лет стала бы зарабатывать достаточно, чтобы перетащить к себе Люцину. Она просила у сестры прощения, уверяла ее в своей любви и надеялась на ответ.

В тот день письмо вернулось нераспечатанным, на нем значилась отметка почтового отделения в лагере под Тегераном: *«Невозможно доставить. Хелена Грабовски покинула лагерь № 3 по собственному желанию».*

Хелена чувствовала, что вот-вот заплачет. Наверное, Люцина не стала

терять времени. По документам старшей сестры ей еще тогда было восемнадцать, а сейчас уже и все девятнадцать. Она могла выйти замуж. Скорее всего, Люцина укатила вместе с Каспаром в будущее, которого никогда не хотели для нее родители...

Хелена плакала в ту ночь во сне. По крайней мере, в тот момент она могла не таиться. Она рассказала Наталии о письме и об исчезновении сестры.

Наталия сразу взволновалась.

– Похоже, ты для этой Хелены пустое место! – заметила она. – Иначе она хотя бы оставила тебе адрес. Или сообщила бы о своем отъезде после получения твоего письма. Начальство лагеря в Тегеране ведь знает, где ты находишься.

Но Хелена ревела и никак не могла успокоиться. Она сама прекрасно представляла, почему Люцина отказалась ее разыскивать. Тогда наверняка существовала опасность, что вся эта история станет известна госпоже Вирхов. Госпожа доктор узнала бы сестру и тут же раскрыла бы обман. Однако, без сомнения, существовали также другие возможности разыскать Хелену в Новой Зеландии. Место пребывания польских детей наверняка известно чиновникам в Тегеране. Наталия была права. Но сердилась ли Хелена на исчезновение сестры или нет – это дела не меняло. Теперь девушка осталась совершенно одна во всем мире. Единственное близкое Хелене существо – нежеланный ребенок в ее животе.

В какой-то момент Хелена совершенно вымоталась и заснула, чтобы с первыми лучами солнца вновь проснуться, дрожа от ужаса, и размышлять дальше. Но вдруг девушку осенило. Не такой уж одинокой она была в Новой Зеландии. Оставалась семья дяди Вернера в Веллингтоне. Она до сих пор не сделала ничего, чтобы связаться с другом отца. Жизнь в Маленькой Польше оказалась такой волнительной и насыщенной событиями, что у Хелены не было ни времени, ни потребности писать старому знакомому родителей или планировать визит к нему. Теперь же все обернулось иначе. Сердце Хелены колотилось отчасти от надежды, отчасти от стыда. Посчитают ли наглостью, что девушка собралась искать поддержки у Нойманнов, оказавшись совершенно без денег, беременной? Это позор для любой семьи. Или все же ей стоит попробовать? Дяде Вернеру не придется ее принимать сразу. Вероятно, он сможет некоторое время поддерживать Хелену финансово, пока та не подыщет работу. Только... где же тогда она оставит ребенка?

Слова Витольда вертелись у нее в голове: «Тебе лучше вообще

убратся отсюда»... Может, действительно существовал способ прервать эту беременность? И если да, то приемлем ли он? Ребенок должен умереть, коль скоро она этого хочет.

Хелена чувствовала, что было бы легче, если бы она сбросила с себя груз, связанный с заботой о ребенке. Можно ли вызвать выкидыш? Тогда она не ощущала бы большой вины.

Девушка пробовала долго бегать вокруг лагеря, но, кроме покалывания в боку, это не возымело никаких последствий. Сделать ли то, что предлагал ей Витольд? Просто «убратся»? По его словам, для осуществления такой цели нужны деньги. Хелена задалась вопросом, у кого бы разузнать обо всем. Но потом оставила и эту идею. У нее было недостаточно средств. Оставался только адрес Вернера Нойманна...

Следующим утром она отправилась на вокзал и поинтересовалась ценой билета до Веллингтона. Молодые эмигранты получали немного денег на карманные расходы, чтобы покупать сладости во время экскурсий или мороженое. Хелена никогда этого не делала и уже насобирала несколько фунтов. Для билета в вагон третьего класса их должно хватить.

– Но только в один конец, – лениво сообщила женщина из окошка кассы.

Хелена высыпала все свои сбережения на стойку, чтобы сосчитать их.

– Для билета туда и обратно у вас не хватает еще одного фунта.

Хелена закусила губу. Стоит ли идти на риск? И в конце концов она, решившись, кивнула.

– Тогда один билет до Веллингтона. На следующее воскресенье.

Нойманны наверняка дадут ей фунт. Даже если их возмутит просьба Хелены.

ВЫХОД

*Хай-Уиком, Англия Веллингтон, Лоуэр-Хатт, Новая Зеландия
(Северный остров) Кентерберийская равнина, Новая Зеландия (Южный
остров)*

Январь 1945

Глава 1

– Еще что-нибудь?

Артур Гаррис, старший офицер командования Королевских ВВС, очевидно, хотел сейчас побыть один. Только что закончилось совещание в бункере, офицеры получили приказы. В эту ночь они накроют ковровой бомбардировкой новые немецкие города. Будут гореть целые проспекты, погибнут тысячи людей. Гаррис всегда отстаивал необходимость ковровых бомбардировок. Они деморализовали гражданское население и войска. С тех пор как американцы и британцы высадились прошлым летом в Нормандии, вермахт смог обороняться против союзников только в полсилы. Командование воздушными войсками снова начало бомбить города. Людям, гражданским и военным, война уже просто надоела. Когда-нибудь Гитлер и его палачи осознают это, а до тех пор американцы и британцы будут продолжать свои бомбардировки.

Но, несмотря на все аргументы, Гаррис и его подчиненные переживали из-за новых бомбежек и смертей тысяч людей в таких местах скопления немецких граждан, как Рурская область. Когда он в очередной раз сухо объявил о целях на сегодняшнюю ночь, в большинстве случаев произносилось только название города^[11]. После этого Гаррис хотел побыть один. Нужно было выполнить уйму бумажной работы.

Он вошел в кабинет с намерением сразу закрыть за собой дверь. Но возле его стола нервно мялся адъютант. В душе Уилсона накопилось много чего, однако мужчина не решался высказать все начальнику.

– Есть и еще кое-что, сэр, – начал он. – У нас возникла... хм... одна проблема. Молодой человек, пилот. Один из тех новозеландцев...

Гаррис был крепким светловолосым мужчиной с открытым взглядом, овальным лицом и аккуратно подстриженными усами. Он понимающе кивнул.

– Все очень brave ребята. Они летают как сумасшедшие!

– Да... – вздохнул Уилсон. Его лицо казалось почти несчастным. – Да, именно так. То, что выделяет этот паренек... просто сумасшествие. Он летает на «Москито»...

Гаррис кивнул. Де Хэвилленд ДН. 98 «Москито» являлся многофункциональной боевой машиной, которыми располагали британские ВВС. Один или два таких аппарата были почти в каждом соединении бомбардировщиков, именно их Гаррис и отправлял в Германию. В

последние месяцы войны эти летательные аппараты использовались в основном как истребители-бомбардировщики. Их оснащение включало в себя бомбы и пулеметы, целью служили поезда, вокзалы и немецкие колонны со снабжением. В Бельгии этими маленькими маневренными самолетами была атакована штаб-квартира гестапо. Полеты на таких машинах требовали значительного летного мастерства. Пилотирование самолетов Де Хэвилленд ДН. 98 «Москито» поручали только асам.

– А этот летает как черт, – продолжил Уилсон, описывая несносного подчиненного. – На любой машине, которую ему ни доверишь. Он прошел обучение в школе пилотов британских ВВС, но умел летать еще раньше. Учителя его только хвалили.

– И что же? – нетерпеливо перебил его Гаррис. Иногда экивоки адъютанта действовали ему на нервы. – Переходите к делу, Уилсон!

– Этот пилот уже трижды вылетал на бомбардировки. Дважды он должен был бомбить вокзалы и один раз – военный конвой. Но он ни разу не сбросил бомб. По крайней мере, не в зоне цели. Первый раз он сбросил их на пустом поле, второй – прямо над каналом^[12]...

– Что? – возмутился Гаррис. – Отказывается выполнять приказ? Проявляет трусость перед врагом! Старшие командиры должны арестовать его, ему грозит расстрел...

Уилсон закусил губу.

– Не такого парня, сэр. Трусом его никто не назовет. Наоборот. Во время этих трех заданий он сбил восемь вражеских ночных истребителей. Как только его атакуют, он сразу бросается в бой, преследует немцев, стреляет из всех орудий... Как и все остальные «киви». – Это было шутовское прозвище новозеландцев. – Они, презирая смерть, идут на риск...

Гаррис умолк, нахмурившись.

– Восемь сбитых самолетов за три вылета? Заслуживает Креста Виктории.

– Так точно, – ответил Уилсон. – Парню светит либо Крест Виктории, либо военный трибунал. Вы не хотите поговорить с ним? Командир авиационного крыла Бисли привел его с собой. Он ждет за дверью.

Гаррис покорно поднялся. Темно-синяя униформа очень шла ему. На левом лацкане блестели золотом служебные знаки различия.

– Так зовите уже его сюда, ради всего святого...

Парень выглядел рослым, очень худым и неуклюжим. У него были выщипанные рыжие волосы и живые голубые глаза, в которых сейчас читалась сильная озабоченность. У входа в кабинет он вытянулся и отдал честь.

– Старший сержант авиации Джеймс Мак-Кензи, пятый бомбардировочный полк, – отрывисто отрапортовал молодой человек.

Гаррис серьезно посмотрел на парня.

– Вольно, старший сержант! – скомандовал он. – Знаете, почему вы здесь?

Мак-Кензи виновато кивнул.

– Да, сэр, – подтвердил он. – Я... я сбросил свои бомбы в море, – едва слышно ответил парень.

– И? – спросил Гаррис. – Что вы скажете в свое оправдание? О чем вы думали, когда так поступали?

Сержант закусил нижнюю губу.

– Я ни о чем не думал, сэр, – возразил он. – В общем, я этого не планировал. Я действительно хотел сбросить бомбы на цель. Я... я просто не смог.

Гаррис простонал.

– Вы не нашли гашетку? – иронично спросил командир.

Мак-Кензи провел рукой по волосам, казалось, он хочет их вырвать.

– Сэр... – измученно ответил старший сержант. – Я должен был сбросить бомбы на вокзале – в городе полно людей. Там были дети, женщины, старики... И это... это якобы военная колонна... Ну, конечно, там была пара танков. Но в основном – повозки и грузовики с гражданскими, беженцами...

Гаррис закатил глаза.

– Даже если вы сейчас говорите правду, – согласился он, ведь «Москито» предназначались, скорее, для поражения военных целей, – так в чем же проблема? Наша стратегия – деморализовать немецкое население. Наша задача – уничтожить моральный дух. Если народ перестанет поддерживать Гитлера, тот не сможет больше сопротивляться.

Джеймс снова провел по волосам.

– Я думал... – пробормотал он, – я думал, Гитлер прикажет расстрелять этих людей. Тех, что откажутся его поддерживать...

Гаррис бросил на парня быстрый взгляд.

– Значит, вы полагаете, что ковровые бомбардировки – ошибка? Вы сомневаетесь в стратегическом плане союзных войск? Считаете себя умнее наших генералов?

Молодой человек отрицательно покачал головой.

– Я не осмеливаюсь судить об этом, – быстро произнес он. – Просто... я просто так не могу... Я не могу с этим справиться. Когда летаю над городами и хочу сбросить бомбы, меня словно парализует. Я вижу перед

собой детей и...

В последний момент он заставил себя остановиться, чтобы не упомянуть о животных. Было неловко, Гаррис мог счесть, что это недостойно мужчины, если бы Мак-Кензи сделал признание: перед глазами у него стояли не только дети, старики, беременные женщины, когда он пытался протянуть руку к гашетке. Парень думал о радостных мордах овчарок на Киворд-стейшн, кошках, которые потягивались на сене в кормушках при стойлах, лошадях, запряженных в повозки беженцев. Дети и животные, да и многие взрослые тоже, не понимали, почему их родные города превращались в огненный ад. И даже если люди внизу должны были почувствовать вину за бомбардировки Лондона и Ковентри, то уже ничего не могли изменить. С тех пор как Джеймс стал совершать вылеты, он понял, почему отец, ветеран Первой мировой войны, стал убежденным пацифистом. Теперь он знал, что чувствовал Джек Мак-Кензи, когда его послали на другой конец света, на чужой пляж, чтобы там убивать людей, которые ничего ему не сделали, тех, кто не желал войны не меньше его самого.

– Я просто не смог этого сделать, – подавленно повторил парень.

Гаррис скривил губы.

– А как же с экипажами сбитых вами ночных истребителей? – язвил он. – Вам ведь известно, что люди в сбитом самолете тоже едва ли смогут выжить?

Джеймс поджал губы.

– Я не пацифист, сэр, – заявил он. – Я вызвался добровольцем и хочу сражаться за Британскую империю. Но только не против женщин и детей.

– Но вы ведь знаете, что, сбив восемь немецких истребителей, дали возможность беспрепятственно сбросить бомбы на головы вышеупомянутых женщин и детей? – продолжал допрос Гаррис, не обращая внимания на ответ Джеймса.

Молодой человек сглотнул слюну.

– Да, сэр. И я... я уже сказал, что не... что не действовал по какому-то плану. Все это глупо и нелогично... и я... Я не оспариваю вашу стратегию. Если нужно бомбить, то... то... Я просто не могу этого делать.

Он потупил взгляд.

Старший офицер вздохнул.

– Тогда пока можете быть свободны, – приказал он. – Мы подумаем, как с вами поступить. Уилсон!

Адъютант незамедлительно явился. Наверное, он ожидал за дверью. Возможно, подслушивал. Гаррис подождал, пока Джеймс Мак-Кензи

выйдет из комнаты.

– Переведите его в истребительную авиацию, – приказал он адъютанту. – Там ему выдадут истребитель «Спитфайр» и отправят для поддержки наших пехотных войск и танковых соединений. Если потребуется дополнительное обучение, пусть пройдет. О конфузе с бомбами мы умолчим, парень немного странный, но честный и умеет летать. Он принесет нам больше пользы в кабине самолета, чем в тюрьме.

Уилсон кивнул, но все еще выглядел подавленным.

– Тут еще кое-что, сэр, – заметил он и вытащил исписанный листок из папки. – Это тоже касается старшего сержанта Мак-Кензи. Вот...

Он протянул начальнику бумагу. Гаррис узнал шапку письма.

– Премьер-министр Новой Зеландии? Чем же наш сумасшедший пилот так заинтересовал мистера Фрейзера?

Гаррис поджал губы.

– Ну, молодой человек... э-э-э... кажется, у твоей семьи влиятельные связи. По крайней мере, мистер Фрейзер так вежливо просит нас освободить старшего сержанта Мак-Кензи от военной службы, насколько это возможно в требовании. Пишет, что молодого человека ждут важные военные задачи на угольных и металлургических предприятиях его семьи. Сержант Мак-Кензи уклонился от их выполнения, став добровольцем. Он не трус, как уже было сказано. Но в Греймуте без него никак не обойтись.

Гаррис нахмурился.

– Они всерьез утверждают, что работа на угольных и металлургических предприятиях всей страны зависит от того, будет ли сидеть в кабинете в Греймуте этот юнец? Или все же он будет летать у нас? Как по мне, парень абсолютно не напоминает канцелярскую крысу. Конечно, я думал, он с какой-то фермы...

Уилсон пожал плечами.

– Я ничего не утверждаю, – упрямо промолвил он. – Просто передаю содержание письма. Судя по нему, можно предположить, что молодой человек важен для семей Мак-Кензи и Ламберт в Новой Зеландии. Первое письмо было написано неким Рубеном Ламбертом из «Ламберт Коул энд Стил». Заметно, что мистер Фрейзер не желает огорчать этого человека. В общем, как мы поступим?

Гаррис покорно поднял руки и прошелся по кабинету.

– Отправьте им парня обратно, – решил он наконец. – Я меняю свое решение. От него больше проблем, чем толку. Ах да, и подумайте, как ему об этом сообщить. Выходит так, что он сбежал из дому, чтобы пойти добровольцем, а семейство решило... Возможно, старшему сержанту Мак-

Кензи впервые в жизни захочется сбросить бомбы на головы мирных жителей...

Джеймс Мак-Кензи ожидал приговора в доме офицеров, комнаты здесь выглядели совсем по-граждански. Штаб-квартира ВВС в Хай-Уикоме была хорошо замаскирована: наземные помещения выглядели как жилые дома. Поэтому дом офицеров размещался в одном из красивых фермерских особняков, окруженных старыми деревьями. Пожарная охрана напоминала деревенскую церковь. Большинство комнат для совещаний и центральный командный пункт находились в бункерах.

Джеймс нервно помешивал чай ложечкой – кофе в Англии был, по его мнению, отвратительным, – и тут на него налетел командир авиационного отряда Бисли. Офицер отмахнулся, когда Джеймс вскочил, чтобы отдать честь.

– Сидите, Мак-Кензи. Уже все равно...

Мак-Кензи нахмурился.

– Что все равно? – спросил он. – Это значит, меня разжалуют? Или... или я предстану перед военным трибуналом? Я знаю, что совершил ошибку, я...

– Ну, только не начинайте все сначала, – устало произнес Бисли. – Вы мне уже все детально растолковали, вашим делом занимался лично маршал Гаррис. Он бы вас просто перевел. А тут как раз пришло это ходатайство с самого верха...

Джеймс Мак-Кензи взбесился, когда Бисли рассказал ему о возможном отстранении от полетов и отзыве в Новую Зеландию.

– Это совершеннейшая чепуха, сэр! Это жалкий трюк! И довольно старый, со времен Первой мировой войны: слугу моего двоюродного деда точно так же отозвали с фронта! Об этом ловком приеме мой отец рассказывает и поныне. И сейчас он хочет еще раз проверить его, только со мной! Я вообще не имею никакого отношения к горному делу! И родом я не из Греймута. Я с Кентерберийской равнины. У нас там овечья ферма! – Глаза Джеймса заблестели.

Бисли пожал плечами.

– Предполагаю, она очень большая, – заметил он. – Иначе ваши родители не обладали бы таким влиянием. Почему, собственно, ваш отец против того, что вы служите? Думаю, ему пришлось перевернуть все вверх дном, если он задействовал самого премьер-министра.

– Мой отец – пацифист, – рассерженно объяснил Джеймс. – По его мнению, войну вообще нельзя вести ни при каких обстоятельствах. Нужно

договариваться или что-то в таком роде. Помогла ли бы такая тактика в случае с Адольфом Гитлером, он не знает, но и этот довод не изменил бы его мнения. Отец заявляет, что он фермер, а не политик. Война не дает возможности выбора...

Командир авиационного отряда Бисли потер лоб.

– Он очень набожен, что ли? – спросил офицер.

Джеймс покачал головой.

– Нет. Не особо. И он не всегда был таким. Он участвовал в Первой мировой войне. Очень храбро сражался, даже получил какой-то орден. Я не знаю, какой, он никогда не рассказывал об этом. Он его пропил.

Бисли удивленно поднял брови. О том, чтобы пропивали боевые награды, ему еще не доводилось слышать.

– Может, это был знак отличия за ранение, – предположил Джеймс. – Моего отца тяжело ранило. Во время последнего наступления в Галлиполи.

– Ох... – Бисли все понял.

Осада Галлиполи считалась одним из величайших провалов Первой мировой войны. Корпус АНЗАК, военное соединение новозеландских и австралийских солдат, пытался занять турецкий полуостров Галлиполи, чтобы овладеть плацдармом для штурма столицы Османской империи Константинополя. Несколько месяцев турки и анзаки сидели в окопах друг против друга. Снова и снова предпринимались безуспешные атаки с обеих сторон. Более ста тысяч солдат пролили свою кровь на этом красивом пляже. Цель так и не была достигнута. Позиции турков они не взяли. В конце концов последние четырнадцать дивизий анзаков тайно эвакуировали. Если отец Джеймса Мак-Кензи пережил эту драму от начала до конца, становилось понятным его отношение к войне.

– Мне очень жаль, дружище, – покорно промолвил Бисли. – Я читал о Галлиполи. Это, наверное, было ужасно... и бессмысленно. Лишь сам Господь знает, кто приказал высадить новозеландцев. На самом деле, одного взгляда на пляж было бы достаточно, чтобы прийти в отчаяние...

Джеймс кивнул.

– Мой отец все время говорит об этом. Галлиполи невозможно было захватить. А защищать полуостров оказалось слишком просто. Турки имели полное обеспечение, против них можно было бы посылать хоть миллионы солдат. Ничего не помогло бы. Но сегодня... сегодня все иначе! Я хочу сказать, что сейчас люди принимают здравые решения. Стратегии союзников...

Парень осекся и поджал губы. Станут ли через пару десятков лет осуждать эти бомбардировки как преступление против человечества и

считать такими же бессмысленными, какой сегодня кажется высадка на Галлиполи?

– Мы ведь победим в этой войне, правда? – тихо спросил он. – Даже если я вернусь обратно в Новую Зеландию?

Бисли похлопал его по плечу.

– Дружище, мы уже в ней победили! – ободряюще промолвил он. – Это должен понять только тот сумасшедший в Берлине. Она продлится еще несколько месяцев, но скоро все равно закончится. С вашим участием или без него. Обещаю это вам, Мак-Кензи. Поэтому поезжайте и передавайте привет отцу, который, в общем-то, прав. Если тут наконец все закончится, мы все наверняка никогда больше не захотим войны!

Глава 2

В этой поездке Хелена не замечала красот Новой Зеландии, мимо которых проезжал поезд, ее не охватывал приятный трепет от тоннелей и мостов на железной дороге в Римутаку – все не так, как по пути из Веллингтона в Маленькую Польшу. Девушка сидела, погрузившись в мысли, напрасно пытаясь побороть в себе страхи и дурные предчувствия. До сих пор все шло очень хорошо. Утром она уведомила начальство лагеря, что хочет повидаться со знакомыми в Палмерстоне. Лишних вопросов никто не задавал. Кроме того, она заявила о своем намерении навестить Каэву. Наталии Хелена сказала правду, просто так, бесследно, девушка исчезать не хотела. Если по пути с ней что-нибудь случится, должен же кто-то знать, куда она поехала. Конечно, подруга очень взволновалась, услышав, что у Люцины есть знакомые в Веллингтоне, и, естественно, спросила, почему девушка не хочет сначала написать им письмо. Хелена объяснила: она уже пыталась, но письма возвращались.

– Вероятно, номер дома неправильный, – как можно беззаботнее добавила Хелена. – Но дядя Вернер – зубной врач. Наверняка его на улице кто-нибудь знает.

К счастью, Наталии в голову не пришла идея, что и почтальоны точно знали бы, где он принимает больных. Она лишь от всего сердца пожелала подруге удачи.

Миранда наверняка начала бы задавать ненужные вопросы, однако опекун только-только оправилась после болезни и в это воскресенье у нее намечалась встреча. Она проводила выходные вместе с семьей, планировала забрать из порта родственника, вернувшегося с войны. Хелена снова колебалась: не рассказать ли девушке о своей тайне или хотя бы о семье Нойманнов? Миранда точно одолжила бы ей денег на обратную дорогу. Но уже ничего нельзя было изменить. Хелена должна справиться сама. Девушка могла надеяться лишь на то, что Элизабет-стрит, на которой до войны жили Нойманны, не была слишком длинной и находилась недалеко от вокзала.

С последним Хелене повезло. Подойдя к газетному киоску, она спросила, где находится эта улица, и дружелюбный продавец сразу показал ее на карте города.

– Она не то чтобы рядом, но вы спокойно можете дойти до нее пешком, – сказал он. – Она в двух милях отсюда, и вы ее точно не

пропустите. Идите просто вдоль порта до Кент Террас, дальше направо, потом налево.

Хелена поблагодарила его и отправилась в путь. Погода соответствовала ее настроению: моросило. Хелена плотнее укуталась в шаль, непромокаемой куртки у нее не было. Пока она добиралась до Элизабет-стрит, промокла почти до нитки и замерзла.

Мимоходом девушка с любопытством заметила, что в гавань Веллингтона в тот день прибыл военный транспорт. Но с борта судна сошли не беженцы – в основном, раненые. Теперь и они бежали от войны, только виды на будущее у них, в отличие от Хелены, были не такими мрачными. Девушка больше не думала об этом – она сконцентрировалась на поисках.

Элизабет-стрит оказалась тихой улочкой с жилыми домами. Располагалась она не прямо в центре, но дойти до нее можно было быстро. Для зубоврачебной практики это место казалось идеальным. Улица растянулась на четыре или пять кварталов. Наверняка Хелена что-нибудь разузнает здесь. Девушка не сомневалась, что номер дома Нойманнов состоял из двух цифр. И она начала с дома под номером десять, медленно осмотрела его, прочитав все имена на табличках дверных звонков или почтовых ящиков.

Спустя непродолжительное время Хелена привлекла к себе внимание.

Когда девушка изучала фамилию на почтовом ящике, пожилая дама открыла дверь.

– Могу ли я вам чем-нибудь помочь? – сдержанно, однако приветливо спросила она.

Хелена смущенно улыбнулась.

– Да, я... я ищу семью Нойманнов. Доктора Вернера Нойманна, он зубной врач. Он живет на этой улице, вот только номера дома я не знаю.

Женщина кивнула.

– Нойманны жили вон там, – уверенно сказала она и указала на красивый дом в колониальном стиле на другой стороне улицы. – Очень милые люди.

Хелена закусила губу. Эта новость была плохой.

– Они... они переехали? – разочарованно спросила девушка. – Может, вы знаете, где они сейчас?

Женщина вновь кивнула, но на сей раз нахмурилась.

– Они на острове Сомс, детка, в лагере для интернированных. Они ведь из Германии... Но с ними там хорошо обращаются. Это верх несправедливости, если вам интересно мое мнение! Миссис Нойманн так

горько плакала. Она ужасно боялась: они же евреи. И теперь их хотели запереть вместе с немцами...

– Что значит запереть?

Вокруг Хелены снова все завертелось. К счастью, кровообращение в этот момент не сыграло с ней злую шутку, ей нужно было догадаться прихватить с собой из лагеря какой-нибудь еды.

Женщина, внимательно взглянув на Хелену, поняла: с ней что-то не так.

– Войдите-ка сначала в дом, детка, – любезно пригласила она девушку. – Вы такая бледная. Вы из их родственников? Из Германии? Нет же, ведь тогда бы вы тоже находились на острове Сомс... Я сперва заварю вам чаю.

Вскоре Хелена сидела в теплой кухне-студии дома миссис Диверс за чаем и слушала историю Нойманнов в Новой Зеландии.

– Их семья бежала из Германии, как только власть там захватили нацисты. Доктор Нойманн купил дом напротив и там основал практику. Газеты как раз в то время шумели о переселенцах из Германии, говорили, что наш рабочий рынок переполнится врачами, в том числе дантистами, если мы станем принимать всех евреев. Это была, конечно, ерунда, не так-то их много и приехало. Нойманны здесь хорошо прижились, женщина милая, дети ходили в нашу школу. Вначале им пришлось немного тяжело с языком, но когда молод, то быстро учишься. Вскоре детей Нойманнов невозможно было отличить от местных. Все шло замечательно, пока не началась война и у правительства не появилась идея, что все немцы в стране – потенциальные шпионы, преступники, предатели либо еще черт знает кто. Поэтому их всех надо срочно интернировать, чтобы они чего не натворили. Доктор Нойманн пытался протестовать: у него уже давно было новозеландское гражданство, а немцы не выносили евреев. Но ничего не помогло. Сначала Нойманнов отправили в Палмерстон, а потом – на остров Сомс. Рассказывали ужасные вещи о том, что творили немцы с евреями... С чего бы после такого еврею шпионить в их пользу? И что мог выведать доктор Нойманн? Едва ли Адольф Гитлер интересовался состоянием зубов гражданского населения Новой Зеландии.

Миссис Диверс, ненадолго умолкнув, заметила пустой взгляд Хелены.

– Ну, не стоит так отчаиваться, мисс Люцина. С ними, наверное, все хорошо. Миссис Нейлз, соседка, дружила с Ирэнной Нойманн. Они поддерживают связь. Она точно даст вам их почтовый адрес. Все мы приглядываем за их домом. Нойманны смогут въехать обратно, как только закончится эта неразбериха...

Хелена потерла лоб, голова ее вновь начала болеть. У Нойманнов наверняка было все хорошо, но эта информация никак не помогла девушке. Она заставила себя съесть пару кексов, тарелку с которыми миссис Дивер поставила на стол. Девушка пока еще не представляла, как вернуться в лагерь, но, по крайней мере, не хотела упасть в обморок посреди улицы.

Хелена провела еще полчаса с дружелюбной, однако очень любопытной соседкой Нойманнов и, набравшись мужества, рассказала о своей собственной судьбе и Маленькой Польше. Хелена даже задумалась, не попросить ли у миссис Диверс денег на обратный билет, но потом постеснялась.

Распрощавшись с соседкой Нойманнов, она печально пересчитала оставшиеся шиллинги. На эти деньги девушке следовало ехать в сторону Палмерстона настолько далеко, насколько это было возможно. Или остаться в Веллингтоне прямо сейчас...

Хелена задумалась о том, каковы шансы найти работу в столице. Пока ее беременность не станет очевидной для других людей, работа рано или поздно найдется. Наверное, так даже будет лучше, чем дожидаться, когда ее вышвырнут из Маленькой Польши. Читая в газете о рабочих вакансиях в Пааячуа, Хелена думала, что в изданиях Веллингтона таких объявлений наверняка больше. Нужно только где-то раздобыть газету.

Сначала она отправилась обратно к вокзалу. Может, доброжелательный продавец из киоска, подсказавший ей дорогу, даст без денег одним глазком взглянуть на газету. А она могла бы запомнить или записать адреса. Время близилось к обеду. До завтрашнего утра Хелена едва ли успела бы обратиться по какому-нибудь объявлению. Хватит ли у нее денег на ночь в недорогом отеле? Конечно нет. Но, может быть, в хостеле? Хелена вдруг лихорадочно сообразила, что у нее нет с собой документов. Паспорт остался в шкафчике в ее комнате в Пааячуа.

Девушка вновь ощутила, как тошнота подкатила к горлу. И снова отличный на первый взгляд план провалился. Она наверняка смогла бы одна выжить в Веллингтоне, но только легально.

На вокзале Хелену ожидало следующее разочарование. Один билет на север стоил дороже, чем билет туда и обратно. Значит, ей не удастся добраться до Грейтауна или еще дальше, как она намеревалась. Оставшейся пары монет хватило только на билет до Аппер-Хатта, маленького городка, находившегося лишь в двадцати милях от Веллингтона. А это даже не четверть дороги до Пааячуа. И все же Хелена купила билет. Главное – покинуть Веллингтон. Из сельского района Аппер-Хатт она точно сможет доехать на попутных грузовиках, которые следуют на север.

Пока ей совсем не хотелось об этом думать. Собственно, думать она вообще ни о чем не хотела. Хелена должна была признаться себе в том, что все ее планы потерпели крах. Надежды больше не было. Теперь она могла лишь попытаться скрывать беременность до самого конца, родить ребенка где-нибудь в лагере и подбросить его под двери медпункта... Выйдет ли у нее это?

Хелена сидела на корточках в углу купе и удрученно смотрела в окно. Теперь ей не хотелось ни размышлять, ни планировать что-то. Больше всего девушка хотела умереть.

– Вам нужно выходить на следующей...

Проводник проверил билет Хелены и отвлек ее от мучений, указав на название станции: «Аппер-Хатт».

Хелена грустно кивнула. А время уже приближалось к пяти часам, было холодно, снова заморосил дождь. Сонный сельский городишко Аппер-Хатт окутала серая пелена дождя – вид совсем неприветливый. Хелена робко вышла из поезда и отправилась к главной улице, оказавшейся абсолютно пустой. Ни пешеходов, ни машин и уж точно никаких грузовиков, которые ехали бы в Палмерстон или Паиячуа. Девушка вздохнула, завязала потуже шаль на плечах и пошла на север. С тех пор как умерла мать, она еще никогда не чувствовала себя такой безнадежно одинокой. Хелена медленно шагала и всерьез размышляла над тем, чтобы покончить со своей жизнью и жизнью ребенка. В романах, с волнением и дрожью прочитанных ею в далеком прошлом, женщины, беременность которых была нежелательной, бросались под поезд или топились. Топиться у Хелены желания не было: ей хватало воды, лившей сверху. А от железной дороги она теперь отошла далеко. Девушка горько усмехнулась. Снова упустила свой шанс...

Вскоре в душе Хелены забурили прежние угрызения совести. Конечно, она пережила муки лагеря в Сибири не для того, чтобы потом покончить с собой. Она цеплялась за жизнь, стараясь спасти Люцину. Это было ее задачей, этого ждала от нее мать и, возможно, Бог. В тот момент, когда Хелена предала сестру, удача оставила ее...

Девушка шлепала по очередной луже. Ее обувь уже промокла насквозь, ноги постепенно превращались в ледышки. Может, в этом форсированном марше и заключался выход. Если она от изнеможения упадет и замерзнет, то наверняка потеряет ребенка. Или если станет голодать по возвращении в лагерь. Выкидыш точно случится до того, как мать умрет с голоду... Аборт, как можно скорее, пока еще ничего не видно

со стороны, – это последний шанс. Вдруг она вспомнила о соседке из Львова. Дора Хомбски потеряла ребенка, когда ее сбила машина! Несчастный случай, который легко можно устроить самой. Конечно, был риск погибнуть при этом.

Дора тоже тогда чуть не рассталась с жизнью. Хелена медленно плелась дальше. Вскоре совсем стемнеет. Чем сильнее возрастали усталость и отчаяние девушки, тем больше она хотела провернуть задуманное. Но по той Богом забытой улице не проехало пока ни одной машины! Однако затем, казалось, Господь внял всем молитвам и упрекам Хелены. Девушка услышала шум подъезжающего автомобиля. Она оглянулась. Позади виднелся поворот, за которым водитель заметит ее в самый последний момент. Хелена нащупала маленькую фигурку богини плодородия, с утра того дня висевшую у нее на шее. Она надеялась, что Хинеахуоне принесет счастье ей, а может, и им обоим. Ей и ребенку. Визит к Нойманнам мог бы изменить ее судьбу. Но теперь все это в прошлом. Тонкая кожаная ленточка порвалась, когда Хелена в отчаянии рванула за нее. Она сжала в кулаке маленькую хей-тики, звук мотора нарастал. И тут она бросилась на дорогу.

Глава 3

Миранда Биллер водила автомобиль примерно так же, как ее двоюродный брат Джеймс летал на самолете: всегда рискованно и на полной скорости. Вот уже около часа Джеймс сидел возле нее на месте пассажира «Астон Мартин „Ольстера”», вцепившись в обивку сиденья.

Когда корабль причалил, Джеймс сошел на берег живой и здоровый, остальные пассажиры были ранеными военными. Он впал в отчаяние. Лучше бы его расстреляли в Германии, чем отправили в Новую Зеландию! Это унижительно.

Но стиль вождения Миранды заставил его быстро позабыть обо всем. Джеймс не хотел умирать, уж точно не на обочине проселочной дороги где-то на окраине Ловер-Хатта, если автомобиль кузины врежется в какое-нибудь дерево.

Казалось, Миранда совершенно не замечала его настроения. Она не обращала внимания ни на уныние Джеймса, ни на то, что он думает о стиле ее вождения. Миранда ожидала кузена на причале в отличном настроении и радостно обняла парня. Девушка кричала, что вся семья чертовски рада его видеть. В ответ на гневные реплики двоюродного брата по поводу уловок его отца кузина лишь пожала плечами:

– Но ты ведь сбил несколько вражеских истребителей! Значит, внес свой вклад. Тебе же сразу дали орден!

От злости у Джеймса перекошило лицо. Крест «За лётные боевые заслуги», которым его наградили за храбрость перед лицом врага, он считал утешительным призом. Командир авиационного отряда Бисли тут же пустил в дело ходатайство о награждении, пока пилота еще не отправили домой. Джеймс упрямо проворчал, что способен был сделать и больше. Миранда напомнила кузену – при этом он мог и погибнуть.

Потом она усадила Джеймса в свой новенький красивый автомобиль – ярко-красная гоночная машина стала подарком матери на двадцатый день рождения – и сказала, что сначала повезет его погостить к своей семье.

– В Крайстчерч на этой неделе больше не отправляется ни один корабль. Впрочем, ты можешь запросить в ВВС, а вдруг они подвезут тебя самолетом. Или просто оставайся на пару дней у нас и отдохни. Мои родители сейчас в Ловер-Хатт. Сможешь с моей мамой покататься верхом или немного покопаться в земле с папой...

У Биллеров был в горах загородный дом. Когда в женском журнале

выходила очередная статья о писательнице Лилиан Биллер, автор всегда упоминал, что Бренду Болейн – псевдоним Лилиан – вдохновляют на новые произведения восхитительные ландшафты.

Матери Миранды оставалось лишь смеяться над этим. Ей не нужно было никакого вдохновения. Лилиан могла бы писать свои мелодраматические романы на железнодорожной платформе. Когда она погружалась в собственный сказочный мир, все окружающее меркло в одночасье. Она купила дом в Ловер-Хатте, чтобы можно было держать двух лошадей в сельской местности и с удовольствием кататься на них по Веллингтонскому городскому парку. Основным побуждением купить именно этот коттедж послужила археологическая находка. Железнодорожники как раз наткнулись в той местности на старое маорийское па – деревню с оборонительными сооружениями. Она оказалась целехонькой: по каким-то причинам племя оставило ее без боя. С того времени Бен Биллер загорелся идеей выяснить причины этого и надеялся найти сенсационные артефакты раннего периода заселения Аотероа. Во время каникул между семестрами он всегда рылся в окрестностях вместе с двумя-тремя студентами. Лилиан посчитала, что ночевки мужа в палатке в дикой местности слишком рискованны, ведь профессор Бенджамин Биллер был довольно не приспособленным к жизни человеком. Мать Миранды не без оснований опасалась, будто он может устроить лесной пожар, готовя на примусе, или, устанавливая палатку на горе, вызвать оползень.

Загородный дом находился всего в миле от места раскопок – в нем и заключалась надежная альтернатива. Бен спал на обычной кровати, каждое утро по-человечески завтракал и, прихватив инструменты, отправлялся к па.

– Кроме того, мама следит за порядком и приглядывает, чтобы папа по недосмотру не свалился в какой-нибудь старый варочный чан и не поджарился! – Миранда довольно непочтительно рассказывала об этом.

Вот наконец и Ловер-Хатт. В этот серый, безрадостный день Джеймс безропотно присоединился к Миранде. Последним, о чем он мог сейчас думать, был самолет от ВВС, летавший на Южный остров. Как бы парень объяснил это товарищам из авиационной эскадрильи? Хорошего пилота в период заключительной, самой напряженной фазы войны в отпуск точно не послали бы.

Миранда не обращала внимания на мрачное настроение кузена. Она весело болтала обо всем и с жаром расписывала свою важную работу во время войны в лагере польских сирот. Машину девушка вела как бы

«попутно». При каждом повороте у Джеймса все сжималось внутри, и, когда вдруг какой-то человек показался перед ними на обочине дороги, парень инстинктивно пригнулся, ожидая столкновения. Миранда даже и не подумала убрать ногу с педали газа, когда прохожий внезапно бросился на проезжую часть. За долю секунды Миранда вывернула руль юркой спортивной машины. Девушка иногда вела себя по-женски легкомысленно, но водитель из нее был отменный. Автомобиль слетел с дороги, на миг потеряв контакт с землей. Удивительным образом машина приземлилась всеми четырьмя колесами на обочину и на полной скорости запрыгала в сторону рощицы. Казалось, автомобиль совсем вышел из-под контроля, но Миранда нажала на тормоза и в конце концов остановилась перед кустами рата.

– Ой, – спокойно обронила кузина. – Что это было?

– С тобой все в порядке? – Джеймс не мог поверить в то, что никто из них не пострадал.

Теперь они обернулись назад, где на дороге на корточках сидел человек.

– Это молодая девушка! – воскликнула Миранда. – Что она здесь делает? Я ведь не наехала на нее?

– Она плачет, – промолвил Джеймс, – мне кажется, она плачет.

Хелена беспомощно всхлипывала. Она так надеялась на столкновение, хотела этой катастрофы – а маленькая красная машина пролетела в сантиметре от нее. Дрожа от страха, девушка наблюдала за тем, как приближаются водитель и какая-то женщина. Разумеется, он станет упрекать Хелену. Возможно, машина вообще разбилась, и в этом была виновата она. Тогда ко всем прочим несчастьям добавится также счет за починку автомобиля.

Молодой человек добежал до Хелены первым, схватил ее за плечо и развернул к себе. Вид у него был скорее обеспокоенный, чем сердитый. Хелена взглянула на узкое лицо с веснушками на кончике носа. Парень ей кого-то напоминал... И тут Хелене показалось, что это какой-то сон: женщина, прибежавшая вслед за молодым человеком, оказалась той самой Мирандой Биллер.

– Это же Люцина! – в изумлении воскликнула она. – Что ты здесь делаешь? Люцина – одна из тех польских сирот из Паиячуа, – сообщила она парню. Хелена же, ничего не ответив, рыдала не переставая. – А это мой двоюродный брат Джеймс, – представила молодого человека Миранда и обняла беспомощную Хелену. – Ну, скажи наконец хоть слово, Люцина!

Как ты здесь оказалась? Совсем одна и совершенно промокла... Куда ты брела?

– Очевидно, назад, в Паиячуа, – предположил Джеймс. – По крайней мере, направление совпадает. Вы были... ты была... в Веллингтоне, мисс... э... Люцина?

Джеймс не знал, как обращаться к девушке. Миранда назвала ее сиротой, но ее подопечная точно уже не была ребенком. Когда он наконец рассмотрел ее, то увидел хоть и заплаканное, однако очень симпатичное личико девушки лет восемнадцати на вид с каштановыми волосами. Утром она, конечно, тщательно заплетала косички и укладывала их, но теперь они промокли и расплелись. На одной не было ленточки. Парня тронул вид отчаявшейся молодой полячки. Смирившаяся, загнанная, испуганная и потерявшая надежду... В громадных фарфорово-синих глазах как будто отразилась вся ее история.

– Не Люцина... – всхлипывала девушка. Джеймс подумал, что она хочет поправить произношение Миранды, но затем прозвучало совсем иное: – Я не Люцина. Я... Хелена. Люцина – моя сестра. А я... я...

Джеймс растерянно переглянулся с кузиной.

– Ты что-нибудь поняла? – спросил он у нее.

– Нет, – отрицательно покачала головой Миранда. – Это, без сомнения, Люцина или, по крайней мере, та девушка, которая зарегистрировалась в лагере под именем Люцины Грабовски. Сейчас мне, впрочем, все равно. Как бы там ее ни звали, нужно увести бедняжку с улицы куда-нибудь в сухое место. А что все это значит, она нам сможет рассказать позже. Люцина, мне показалось, что ты намеренно бросилась под мою машину. Это так? – серьезно спросила Миранда.

Хелена лишь всхлипнула в ответ, но ничего не ответила.

– Сейчас мы отвезем тебя в загородный дом моих родителей, – решительно заявила девушка. Она попыталась поднять и поставить на ноги дрожащую Хелену, но потом это сделал ее сильный кузен. – Помоги ей, Джеймс, а я пока подгоню машину. Надеюсь, больше у меня проблем на дороге не будет.

– Скажи-ка еще раз, как тебя зовут? – попросил Джеймс, держа Хелену за руку и помогая ей встать на ноги. – И не волнуйся. Не имеет значения, каково твое настоящее имя, откуда ты и куда шла. Все будет хорошо.

Хелена взглянула в приветливые карие глаза. Молодой человек действительно так считал. Но она сама не верила в это. Девушка не хотела брать его за руку, она вообще не желала больше прикасаться к мужчине.

– Зачем вам это? – вдруг рассерженно спросила Хелена и попыталась

подняться. – Вы же меня совсем не знаете. Вам абсолютно неизвестно, какой поступок я совершила и что со мной произошло...

Хелена зашаталась и позволила кузену Миранды подхватить ее. Но все же после она отпрянула.

Джеймсу было приятно, что девушка находится так близко. В тот момент ему очень хотелось отвести волосы от ее лица. Хелена выглядела такой хрупкой, такой уязвимой! Парень почувствовал это, когда обхватил ее рукой, чтобы поддержать. Хелена же не хотела этих прикосновений, она не нуждалась в помощи. Джеймс взглянул ей в глаза и попытался говорить как можно увереннее.

– Хелена... – начал он. Парень выговаривал ее имя медленно и с заметным английским акцентом. – Возможно, с тобой произошли ужасные вещи, и, вероятно, ты совершила что-то плохое, но идет война – такое случается. Иногда за это просто нельзя осуждать. Один человек, например, утверждает, что сбрасывать бомбы на города – хорошо, потому что война быстрее закончится; другой говорит, это преступление и на ход военных действий вообще никак не повлияет. Так кто же прав? Ты можешь рассказать о том, что с тобой случилось, что ты натворила, мне либо Миранде. Или Миранде и ее родителям. А можешь оставить все как есть и просто называться Лю... Хеленой. Лично мне имя Хелена кажется более красивым... – Сердце Джеймса забило быстрее, когда на заплаканном лице девушки появилась робкая улыбка. – И могу тебе обещать: что бы ни произошло, – продолжал он, – ты здесь и сейчас находишься в абсолютной безопасности... Я не причиню тебе вреда, только поддержу тебя теперь немного.

– Если они в лагере обо всем узнают, то вышвырнут меня, – прошептала Хелена. – Моя смерть была бы решением...

– Это наверняка не так! – отрицательно покачал головой Джеймс. – А что касается всех остальных... Возможно, все будет не так плохо, как ты думаешь, – промолвил он и улыбнулся.

Миранда, как раз вырулив на дорогу, остановила автомобиль возле них. Джеймс взял Хелену за руку.

– Что это у тебя тут? – осторожно спросил парень, когда нащупал в ее пальцах маленькую фигурку.

Хелена машинально сжала кулак, словно Джеймс собирался забрать амулет. Но он успел рассмотреть вещицу.

– Ох, это хей-тики! – воскликнул парень. – Вот видишь, кому ты должна быть благодарна, что аварии не произошло. Это твой талисман на удачу! – Он подмигнул Хелене. – У меня тоже есть один такой, – признался

Джеймс и вытащил из-под рубашки свою фигурку божества. – Это подарок одной подруги...

Хелена взглянула на фигурку из нефрита. У маленького бога были крылья, как у птицы.

– Это ману, воздушный змей, а такая особенная форма называется *birdman* – человек-птица, – объяснил он. Обычно людей-птиц делают крупнее, изготавливают из коры или же из листьев. Маори в нужное время отпускают их летать, чтобы они доставили послания богам. Этот летал со мной и приглядывал...

Хелена задумалась: не ждет ли кузен Миранды, что она расскажет о своем хей-тики. Девушка смущенно молчала. Казалось, этот молодой человек хорошо разбирался в богах маори. Если бы Хелена принялась рассказывать о Хинеахуоне, наверное, Джеймс сразу бы понял, что с ней случилось.

– Залезай-ка в машину, – скомандовал он, не спрашивая дальше. – А ты, Миранда, попытайся вести автомобиль немного спокойнее! Хелена и так напугана, да и с меня на сегодня хватит острых ощущений...

Миранда, не восприняв увещания кузена всерьез, конечно, использовала малейшую возможность разогнаться.

Загородный дом Биллеров показался через милю, и дорога стала грунтовой. Миранде приходилось очень внимательно следить за тем, чтобы не чиркать днищем спортивной машины с низкой посадкой. Поэтому ехала она относительно осторожно.

Спустя еще полмили они добрались до усадьбы. Светло-голубой деревянный дом с верандой и балконом по всему периметру второго этажа был опоясан резными украшениями. Виднелись стойла; рядом, на лугу, в сумерках можно было разглядеть двух низкорослых крепких лошадей. Отсюда открывался прекрасный вид на горы.

– У вас здесь лошади... – тихо промолвила Хелена. В свое время во Львове они рисовали в учебниках лошадей и мечтали, что когда-нибудь прокатятся верхом.

Миранда кивнула.

– Это Винс и Валери, – указала она на животных. – Тебе нравятся лошади? Если хочешь, можем завтра прокатиться, прежде чем отвезем тебя обратно в Паиячуа. У нас славные лошадки.

Хелена затосковала, но потом подумала, что падение со скакуна тоже может вызвать выкидыш. Винс – рыжей масти, Валери – гнедая, они не казались уж такими норовистыми и вряд ли сбросили бы всадника с седла.

– Миранда, Хелена, вероятно, родилась в городе, поэтому совсем не

умеет ездить верхом! – заметил Джеймс. Он, обернувшись к девушке, которая устроилась на заднем сиденье, улыбнулся. – Так ведь мы же абсолютно ничего о тебе не знаем...

Она уже выболтала кое-что о своей истории и хотела до конца облегчить душу разговором, но тут решила промолчать. Хелене хотелось спать. Она совершенно вымоталась.

– Входите же в дом! – воскликнула Миранда, припарковав машину возле хлева. – Мама наверняка уже ждет. Конечно, она нас надеялась увидеть раньше.

Джеймс задавал себе вопрос, как тетка вообще могла быть спокойна, если Миранда водит машину таким образом. Но он тут же позабыл обо всем, когда они вышли из автомобиля, а дверь дома распахнула Лилиан Биллер.

– А вот и вы, наконец-то! Джеймс, мальчик, я поверила в то, что ты вернулся, только когда увидела тебя собственными глазами! Твоя мать чувствует то же самое, уже три раза звонила!

Лилиан не давала Джеймсу и слова вставить, она вприпрыжку спустилась по лестнице с веранды и обняла племянника. Когда Хелена взглянула на Лилиан, ей показалось, что Миранда – точная копия матери. Лилиан тоже была худощавой, рыжеволосой и грациозной, такого же невысокого роста. Джеймс был на голову выше тетки.

– Вы хорошо добрались? Я, честно говоря, думала, доедете быстрее. Но по такой погоде быстро ездить на машине опасно. Хорошо, если ты аккуратно водишь, Миранда!

Джеймс промолчал и поморщился.

– А кто это у нас здесь? – Лилиан, заметив Хелену, улыбнулась, протягивая ей руку для приветствия. – Джеймс, неужели ты нашел себе подружку прямо на пирсе? Я знаю, вы, мальчики из ВВС, зря время не теряете. Миранда должна была забрать тебя просто с корабля, чтобы ты никуда не убежал! – она в шутку погрозила племяннику пальцем.

Хелена покраснела.

Миранда хотела представить девушку, но Джеймс ее опередил:

– Это одна из польских беженок, которых опекает Миранда. Мы ее подобрали по дороге.

Лилиан Биллер нахмурилась. Она не только была творческой и спонтанной дамой, но и быстро соображала.

– Подобрали? Так далеко от Пааячуа? – Лилиан пристально взглянула на Хелену. – Дитя мое, ты же промокла до нитки, – заметила женщина. – Мы тебя сначала обогреем и обсушим, а потом ты нам расскажешь, как

тебя сюда занесло.

– Сперва нам нужно позвонить в Паиячуа и предупредить, что Люцина... то есть Хелена... у нас, – разумно добавила Миранда. – Я ведь не знаю, предупреждала ли ты опекунов о том, куда хочешь поехать, Лю... Хелена. Как бы там ни было, в семь часов ты должна быть в лагере, ты же знаешь. Если тебя не будет, начнутся поиски и на тебя рассердятся.

Хелена пожала плечами.

– Это случится и так... – пробормотала она, но не стала возражать, когда Миранда уверенно зашагала к телефону после того, как вошла в дом.

Миранда в двух словах и без лишних подробностей сообщила администрации лагеря, что Люцина Грабовски проведет эту ночь в доме семьи Биллер. Если повезет, секретарша в Паиячуа не догадается даже о местонахождении загородного дома Биллеров. Миранда рассказала о случайной встрече, словно та произошла в Палмерстоне, и о приглашении от своих родителей, как будто это нечто само собой разумеющееся.

Немного успокоившись, Хелена отправилась вслед за Лилиан в большую жилую комнату, занимавшую почти весь первый этаж дома. Кроме нее, на этаже располагалась просторная кухня.

В жилой комнате Биллеров уютное тепло распространялось от камина, в котором в этот мрачный день полыхал огонь, хотя на дворе стояло лето. Позже Хелена узнала, что одна семейная пара присматривала за домом и лошадьми, когда Биллеры жили в Веллингтоне. Комната была уютно обставлена массивной деревянной мебелью. Здесь могла бы жить обычная семья фермеров, если бы все свободное место не было заставлено разными маорийскими артефактами. Хелена рассматривала музыкальные инструменты, статуи богов и оружие. На стене висели образцы ткачества и один из воздушных змеев, напоминающий хей-тики Джеймса.

– Мой отец собирает такие штуки, – объяснила Миранда.

Лилиан рассмеялась.

– А я сметаю с них пыль! – мелодраматично заметила она. – А сейчас, Хелена, быстро устраивайся возле камина, я велю приготовить для тебя ванну. Нет ничего приятнее, чем горячая ванна в серый ненастный день. А ты, Джеймс, отправляйся к телефону и позвони матери! Глория и Джек места себе не находят.

Джеймс хотел что-то возразить, однако Лилиан перебила его:

– Я знаю, что ты злишься. Можешь отругать отца от моего имени по телефону или сделать то, что тебе заблагорассудится. Главное, теперь ты в безопасности!

Глава 4

Когда Хелена погрузилась в облака душистой пены, возвышавшиеся в ванне Лилиан Биллер, ей показалось, будто она попала в прекрасный сон. Девушка не могла поверить, что у мамы Миранды была своя собственная ванная.

Лилиан однозначно называла роскошную ванную комнату «моя ванная», и в нее можно было попасть только из спальни хозяйки – такого же предмета мечтаний. Хелена когда-то читала о кроватях с балдахином, но ничего подобного не видела еще ни разу.

В комнате красовалась только кровать, застеленная покрывалом и усыпанная множеством подушек. К тому же с балдахина свисали плотные светло-синие занавески.

Хелена выкупалась в теплой воде, наслаждаясь тонким розовым ароматом и оглядывая обстановку ванной. Мягкий, приглушенный свет элегантных, причудливых торшеров из стекла Тиффани наполнял комнату. На полу перед ванной и умывальником лежали пушистые золотистые коврики, на крючках висели толстые купальные полотенца такого же цвета. Раковина, несомненно, была сделана из мрамора, а на столике стояли всякие дорогие духи в разноцветных флаконах. Должно быть, семья Миранды состоятельная, раз содержит такой дом. Неужели обычный университетский профессор в Новой Зеландии зарабатывает столько? Потом Хелена вспомнила, что мать Миранды – известный романист. Вероятно, именно она обеспечивала семью и, очевидно, без колебаний, за собственные деньги окружила себя такой роскошью.

Хелене мать Миранды показалась симпатичной, хотя и несколько странной. Лилиан Биллер общалась с дочерью, скорее, как с младшей сестрой. Для Миранды она была авторитетом. Лилиан выглядела намного моложе и грациознее, чем мать Хелены, когда та еще была здорова. До депортации Мария Грабовски считалась человеком серьезным. Пожалуй, она шутила только с Люциной и проявляла теплые чувства лишь в узком семейном кругу.

Лилиан Биллер, наоборот, вела себя с Хеленой уже как с членом семьи. Девушке стало неловко, когда она взглянула на мягкую фланелевую пижаму и пушистый банный халат, которые мама Миранды положила на табурет возле ванной.

– Платье совсем мокрое и грязное, нам придется его постирать, –

сообщила она с улыбкой, прежде чем оставить Хелену в ванной одну. – А мои вещи или вещи Миранды тебе не подойдут. Поэтому сразу надевай пижаму, мы же здесь все свои.

Хелена задавала себе вопрос, прилично ли будет показаться в ночном белье перед совершенно незнакомыми людьми. С другой стороны, она больше мечтала завернуться в уютный банный халат, чем надеть на себя какое-нибудь платье.

Пока Хелена отмокала в ванне, мылась душистым мылом и полоскала волосы розовой водой, жизненные силы постепенно возвращались к ней.

Девушка снова начала трезво размышлять, и опять на нее навалилась тяжесть забот и чувство вины. Как бы хорошо ей теперь ни было, она должна тщательно продумать, какие моменты своей истории рассказать Биллерам. Хелена ни в коем случае не хотела открывать самую страшную тайну – о растущем в ее животе ребенке. Она выболтала Миранде и ее двоюродному брату свое настоящее имя... Сейчас ей нужно рассказать, что она попала в группу эмигрантов вместо сестры. Хелена все не могла решиться и сделать признание в предательстве. От одной мысли о том, как эти люди посмотрят на нее, когда откроется то, что она бросила сестру, сердце девушки беспокойно забилося.

В раздумье она медленно выбралась из остывающей воды, завернулась в мягкое банное полотенце, расчесала волосы перед зеркалом Лилиан, обрамленным рамкой из разноцветного стекла. Когда девушка надела пижаму, а потом запахнула белый банный халат, то уже точно знала, о чем скажет, а о чем умолчит, хотя Хелену мучило осознание того, что она не полностью открыта в ответ на сердечное гостеприимство этой семьи. Девушка обула немного маловатые домашние туфли, которые ей тоже заботливо оставила хозяйка, и отправилась вниз.

Винтовая лестница из светлого дерева вела в коридор и в жилую комнату Биллеров. Спустившись, Хелена тихо вошла в комнату. Тем временем там зажгли множество ламп, которые освещали обеденный стол, кресла и диван. Перед камином сидели Джеймс и какой-то мужчина постарше. Хелена предположила, что это отец Миранды. Мужчины пили виски, Миранда накрывала на стол. Через открытую дверь на кухню девушка заметила, как Лилиан вынимала из духовки ароматную запеканку.

– Надеюсь, она не подгорела, – довольным тоном промолвила хозяйка. – Миссис Баркер трижды мне объяснила, как долго ее нужно готовить. Она считает, я совершенно ничего не смыслю в домашнем хозяйстве.

Хелена позже узнала, что миссис Баркер – это домохозяйка Биллеров.

Она поставила в печь запеканку, а потом ушла с мужем, очевидно, оставив Лилиан на кухне одну.

– Я, в общем-то, умею готовить, – уверяла женщина, ставя запеканку в центр обеденного стола. – Когда я еще жила с Беном в Окленде, то всегда готовила сама. Правда, Бен? И все было прекрасно!

Бен Биллер, тощий рослый блондин с поредевшими волосами, но симпатичным, слегка вытянутым лицом, приветливо взглянул на Хелену.

– Мы тогда были так влюблены друг в друга, – сказал он, уходя от ответа.

Миранда хихикнула.

Лилиан глянула на дочку и мужа и притворилась, что обиделась.

– Еще одно слово, Бен, и я расскажу историю, которую ты написал для меня в то время!

Теперь уже рассмеялся Джеймс. В этой семье, очевидно, Бен Биллер славился поэтическим даром, причем с плохой стороны. В этот момент Лилиан заметила Хелену.

– Хелена, хорошо, что ты спустилась! И ты выглядишь уже намного лучше. Бен, это наша юная гостья из Польши. Подруга Миранды из лагеря для беженцев. Она каким-то образом оказалась поблизости. Но об этом ты нам расскажешь позже, Хелена. Сейчас мы сначала поедим, проходите все к столу. Джеймс, садись напротив Хелены...

Хелена заняла свое место, все еще стесняясь неподходящего для такого вечера наряда. Джеймс Мак-Кензи по-джентльменски придвинул ей стул, словно она была королевой, а потом сел сам. Он снова улыбнулся девушке, и на этот раз в его взгляде промелькнуло не только дружелюбие, но и, похоже, восхищение. Хелена застенчиво и озабоченно потупила взор. Неужели этот молодой человек считает ее симпатичной?

Девушка нервно собрала волосы в пучок и на скорую руку попыталась заплести косичку.

Джеймс заметил это, подмигнул и с заговорщицкой улыбкой протянул ей кольцо от салфетки.

– Ты можешь оставить волосы как есть, – промолвил он затем. От его дружелюбного, спокойного голоса Хелена просто теряла рассудок – она не могла врать. – С распущенными волосами тебе очень идет. Ты выглядишь как... как девушка на картине...

Миранда озадаченно глянула на кузена, а Лилиан горячо поддержала Джеймса.

– Он прав, – добавила женщина. – Взгляни-ка, Миранда, она в самом деле немного похожа на Мону Лизу.

Хелена покраснела.

– Или на те старые изображения мадонн в христианских церквях, – заметил Бен Биллер после того, как внимательно пригляделся к девушке.

Хелена не знала, куда отвести взгляд, но профессор Биллер смотрел на нее с интересом, приветливо, так он, казалось, встречал любое живое существо. Сексуальный интерес мужчины проявлял только к единственной женщине – своей Лилиан. А вот в глазах Джеймса Мак-Кензи мелькали предательские искорки, из-за которых Хелена не смела поднять на него взгляд.

– Оставьте ее наконец в покое, пусть поест! – прервала Миранда спор о внешности Хелены. – Это же неприятно, когда тебя сравнивают с какой-то женщиной на старой картине. Хелена ведь современная девушка. И наверняка очень голодная...

Она, взглянув на Хелену, положила ей щедрую порцию. При виде запеканки у той потекли слюнки. Лишь теперь она поняла, насколько голодна – пришлось сдерживаться, чтобы не так жадно наброситься на еду.

Пока Хелена не съела с удовольствием вторую и даже третью порцию запеканки, Биллеры ее не беспокоили. Джеймс тоже ел примерно с таким же аппетитом. Питание в ВВС и еда на корабле, наверное, были ему не по вкусу.

Только позже, когда уже убрали посуду, Миранда больше не смогла сдержаться от любопытства. Мужчины снова уютно устроились возле камина, а Хелена, Миранда и Лилиан уселись на подушки в углу дивана. Миранда внимательно наблюдала за Хеленой.

– Ну, теперь рассказывай! – потребовала девушка. – Как же ты попала из Паиячуа на проселочную дорогу, ведущую в Ловер-Хатт, и почему тебя вдруг зовут не Люцина, а Хелена? Что такого ужасного с тобой произошло, что ты... – Миранда осеклась в последний момент, чуть не растрюбив всей семье о попытке самоубийства Хелены, – что ты плакала навзрыд? – закончила она фразу.

Гостья вздохнула.

– Меня зовут Хелена, – ответила она. – Люцина – моя младшая сестра.

Девушка честно рассказала о том, как объявили об эмиграции в Новую Зеландию, а из-за того, что ей восемнадцать, ее признали слишком взрослой для этого.

– Я так хотела новой жизни, а Люцина нет...

– И тогда вы просто обменялись паспортами! – весело предположила Миранда. – Умно! И все, кто вас знал, держали язык за зубами!

Хелена кивнула, радуясь, что Миранда избавила ее от лишнего вранья.

Потом она, запинаясь, тихо рассказала о Витольде. Девушке было очень стыдно. Никогда она не могла даже представить себе, что будет об этом кому-то говорить, тем более в присутствии мужчин. Хелена не поднимала глаза и покраснелась, когда наконец закончила историю. И тем более девушка удивилась тому, что Биллеры не были шокированы ее рассказом. Их возмутила непорядочность Витольда, они очень сочувствовали Хелене.

Лишь Миранда покачала головой, удивляясь ее наивности.

– Хелена! – простонала она. – Вы ведь были уже в Бомбее! Парень мог рассказывать все, что угодно, никто не отправил бы тебя обратно и не подумал бы проверять его слова. Я бы хладнокровно отшила его. Или донесла бы на него, как только он сделал бы первое непристойное предложение. Этот тип быстро бы поджал хвост, уж поверь мне!

У Хелены на глазах заблестели слезы, и Лилиан в утешение взяла ее за руку.

– Хелена запаниковала, Миранда! – объяснила она дочери менторским тоном. – Ты себе не можешь этого представить. Ты же никогда не оказывалась в подобной ситуации. Мы ведь точно такие же... Только вообрази, что пришлось пережить ей! Депортация, Сибирь, принудительные работы, смерть родителей, путешествие на корабле в Персию, лагерь... Это совершенно нормально, что ты боишься, Хелена! Не стоит себя в чем-то винить!

По щекам девушки опять потекли слезы.

– Я не виню, – всхлипывала она. – Я... я хотела все забыть. И я все забыла бы. Он оставил меня в покое, когда мы приехали в Маленькую Польшу. Сейчас он хочет жениться на новозеландке, чтобы получить местное гражданство. И все было бы в порядке, только...

– Только? – спросил Джеймс сочувствующе и наивно.

Лилиан понимающе посмотрела на живот Хелены.

– И когда ты об этом узнала? – тихо спросила она.

– Две недели назад, – прошептала девушка. – Вот уже две недели я знаю, что у меня будет ребенок.

Супружеская чета Биллеров и Джеймс и эту новость восприняли с удивительным спокойствием.

Лишь Миранда снова проявила темперамент.

– Я бы все равно заявила на того парня даже сейчас! – взволновалась она, когда Хелена рассказала о реакции Витольда по поводу беременности. – Какая наглость бросить тебя одну в таком положении!

Лилиан подняла брови.

– А чего ты ожидала? – усмехнулась она. – Что у этого подлеца

внезапно проснутся отцовские чувства? Или появится ответственность? Хелене еще очень повезло, что он ничего больше не сделал. Ты ведь не хотела всерьез выходить за него замуж, Хелена? Но что касается заявления в полицию... В общем, мое чувство справедливости говорит мне, что это было бы правильно. С тобой наверняка ничего не произойдет, Хелена, ты...

– Это усложнит положение, – вмешался Бен Биллер. Он как раз набил трубку и задумчиво пускал клубы дыма. – Тогда тебе придется объяснять, чем он тебя шантажировал. Вскроется обман с поддельными документами.

– Ну и что? – горячо возразила Лилиан. – Не запугивай ее снова! Ты говоришь так, будто ее кто-то решится отправить обратно...

– Она ведь даже не имела права уходить из лагеря, – продолжал Бен размышления вслух, не обращая внимания на вспышку темперамента жены. – Конечно, она смогла бы получить документы, возможно, даже новозеландские...

– Вы в этом уверены? – спросила Хелена и потерла глаза. – Звучит так, словно новый паспорт получить довольно просто. В Европе... в Европе люди умирают, потому что у них нашли фальшивые документы. Или вообще никаких не нашли... Это постоянно контролируется. И нужно иметь...

– Свидетельство о рождении, – добавил Бен снова совершенно спокойно. – И уже здесь я вижу проблему. Если Хелене, – собственно, мы должны вас называть, наверное, мисс Грабовски... – если молодой даме уже восемнадцать лет...

– Девятнадцать, – пробормотала Хелена. – Мне в конце года исполнилось девятнадцать. – Этот день рождения никто не отмечал.

– В общем, если у мисс Грабовски и есть свидетельство о рождении, то наверняка оно принадлежит ее сестре. Чтобы получить подлинное, нужно сначала написать в Персию, связаться с Люциной и попросить ее отправить нужные документы... на все это понадобится много месяцев.

«Это вообще невозможно», – хотела добавить Хелена, у девушки вновь появилось чувство, что земля уходит из-под ее ног. Люцина с Каспаром уже давно покинули Тегеран. Найти их было совершенно невозможно.

– Это так, – согласилась с отцом Миранда. – И до тех пор Хелена не сможет выбраться из Маленькой Польши. Ей придется родить ребенка там.

– Тогда все об этом узнают, – прошептала Хелена. – И обо мне и Витольде. И... и что будет, если мне не поверят? Витольд станет все отрицать...

– Этот парень может даже сказать, что Хелена всю историю выдумала,

чтобы очернить его. – Лилиан не могла справиться с бурными писательскими фантазиями. Она и не заметила, как сильно напугала Хелену этой фразой. – А нужно как-то объяснить беременность и получить пособие на ребенка. Стоит только упомянуть о «предложении руки и сердца», которое ты ему сделала, Хелена. Твои слова против его слов. В качестве доказательства могла бы послужить фотокарточка в твоём паспорте. Надеюсь, вы с Люциной похожи.

У Хелены в памяти вновь всплыло лицо сестры, и она зарыдала.

– Самое простое – оставить сейчас все как есть, – Бен снова включился в беседу со свойственным ему спокойствием. – Мисс Грабовски останется жить по документам сестры, будет хранить молчание о преступлении, а затем покинет польский лагерь до того, как узнают о ее беременности.

– И куда же я пойду? – тихо спросила Хелена. – Я... я постараюсь, конечно, найти работу. В Веллингтоне или еще где-нибудь. Если... если получу разрешение на работу... Только вот... Что же я буду делать, когда ребенок появится на свет?

– Ты не станешь искать работу. Ты отправишься со мной на Киуордстейшн, – вмешался в спор Джеймс. Его заявление стало таким неожиданным, что все удивленно застыли.

– Киуордстейшн – это ферма моих родителей, – объяснил он Хелене. – На Южном острове, очень далеко отсюда. Там тебя никто не знает. Там никого не будет заботить, зовут тебя Хелена или же Люцина. А что до беременности, – он ненадолго задумался и обратился ко всем присутствующим: – Она просто может сказать, что была замужем, мужа ранили на войне, и он умер! Моим родителям, конечно, нужно рассказать правду, но они наверняка с пониманием отнесутся к этой истории, особенно если не нужно защищать при этом родину...

Джеймс переводил взгляд с одного собеседника на другого, словно требуя признания и аплодисментов, но дольше всего смотрел на Хелену, которая вмиг перестала плакать. Сможет ли она бежать от создавшейся сложной ситуации? Существует ли выход из этого положения? Она округлившимися глазами глядела на кузена Миранды как на спасителя.

– А как я выберусь... из Маленькой Польши? – спросила девушка. – Если... если я действительно на это соглашусь... получится ли. – Она потерла лоб.

– Уйти из лагеря – это самое простое, – самоуверенно заявила Лилиан. – Я завтра могу поехать с тобой, и мы все выясним. Мы скажем, что предлагаем тебе работу горничной или что-то вроде того...

Хелена и Миранда одновременно отрицательно покачали головами.

– У нас сейчас нет права работать, – объяснила Хелена. – Нам нужно как можно дольше ходить в школу. Я хотела закончить университет...

– И ты должна это сделать! – поддержал ее Джеймс. – То есть... Я считаю, что наверняка такая возможность будет в Крайстчерче...

Миранда закатила глаза.

– Джеймс, в данный момент речь ведь идет не о продолжении ее учебы, первым делом Хелену нужно вытащить из лагеря, – девушка лукаво рассмеялась. – Если ты при виде ее совершенно теряешь разум, то почему просто не женишься на ней?

Хелена потеряла дар речи.

– Только если по-другому нельзя будет решить проблему! – упрямо ответил Джеймс и сразу покраснел, когда осознал смысл своих слов.

Лилиан при этом нервно улыбнулась, Бен удивленно нахмурился.

– Он влюбился, он влюбился, я так и знала, он влюбился! – глупо дразнилась Миранда и хихикала.

– Ерунда! – махнул рукой Джеймс. – Конечно, я ничуть не влюбился. Я просто хочу помочь. Я хочу что-то сделать, Миранда. Что-то настоящее для людей во время этой войны, а не притворяться, как ты. Воспитательница детей в Маленькой Польше... Это мило, да, но для войны решающего значения не имеет...

– А женитьба на Хелене имела бы для войны стратегическое значение? – озадаченно спросил Бен.

Лилиан закатила глаза.

– Если я уже больше не могу сражаться на фронте, – горячо продолжал Джеймс, – то, по крайней мере, тут буду делать все от меня зависящее, я...

– Вы не должны приносить себя в жертву ради меня, – тихо произнесла Хелена.

В тот вечер ее попеременно обуревали различные чувства. Джеймс оказался таким милым, но теперь, похоже, речь шла совсем не о ней, а о каких-то высоких целях.

– Я бы охотно так поступил! – заявил молодой человек, продолжая смотреть на Миранду.

Сердце Хелены екнуло. Очевидно, здесь просто разыгрывалась ссора между Мирандой и ее кузенком, а она всего-навсего оказалась в центре событий. Хелена вновь потупила глаза.

Лилиан в утешение обняла девушку.

– Вы оба сейчас же прекратите нести всякую ерунду! – решительно бросила она Миранде и Джеймсу. – Хелена и так смущена. Не воспринимай

их всерьез! Никто не хочет приносить себя в жертву, а если кто-то и влюбился, то об этом не узнает ни одна живая душа, кроме участников нашего разговора. Не беспокойся, Хелена. Завтра я поеду с тобой в Паиячуа и поговорю с администрацией лагеря. И конечно, тебя отпустят, даже без свидетельства о браке, – она ободряюще улыбнулась.

Но все же Хелена была впечатлена. Ей не понравилось, что снова другие люди вместо нее брались решать ее судьбу. А Джеймс... У Хелены не сложилось мнения насчет него. Люди в Новой Зеландии казались совершенно другими, чем в Европе. Они были более открытыми и... возможно, поверхностными. Девушка спрашивала себя, что ее ждет на Южном острове, на ферме.

Глава 5

Разумеется, не понадобилось устраивать никакой свадьбы, чтобы забрать Хелену из Паиячуа. Следующим утром Лилиан отправилась вместе с Хеленой и Мирандой в лагерь и попросила переговорить с майором Фоксли и мистером Следзински. Женщина велела Хелене подождать в коридоре перед кабинетом. Она ободряюще улыбнулась ей, прежде чем войти. В то утро мать Миранды выглядела очень элегантно. На ней был черно-белый костюм с узором пейсли: узкая юбка и пиджак, подчеркивающий талию, а также шелковые чулки и черные туфли на шпильках. На заколотых рыжих волосах красовалось произведение шляпного искусства – что-то среднее между беретом и докторской шапочкой.

Мистер Следзински просто поедал глазами мать Миранды, когда та вошла. О чем точно говорила Лилиан Биллер с новозеландским и польским чиновниками, Хелене узнать не довелось. Девушка полчаса сидела в коридоре как на раскаленных углях и даже ничего не поняла, когда Фоксли и Следзински, улыбаясь, проводили мать Миранды и протянули на прощанье руки Хелене. Оба пожелали «Люцине» счастья на новом жизненном пути. Слова майора Фоксли прозвучали приветливо, а поляк Следзински был сдержан. Хелене показалось, он осуждающе смотрел на ее все еще стройную фигуру. Вероятно, Лилиан упомянула что-то о ребенке. Похоже, она даже не собиралась ничего объяснить Хелене.

– Ну, вот мы все и уладили! – весело заявила женщина и положила руку на плечо Хелены. – Забирай свои вещи и прощайся с подругами.

Хелена вышла из здания администрации лагеря, словно в трансе, и побежала к своему прежнему дому. Из подруг была только Наталия, которая чуть не лопнула от любопытства. Хелена рассказала ей часть правды. Она сообщила о Нойманнах и наврала, что встретила Миранду и Джеймса в порту Веллингтона. Они и подвезли ее к Биллерам. В конце концов было решено, что Хелена останется у них домработницей, живущей на правах члена семьи Мак-Кензи, а не в лагере. В этой истории были, конечно, логические нестыковки, которые заполнила буйная фантазия Наталии.

– Парень тебя увидел и сразу захотел забрать к себе домой? Слушай, Люцина, это невероятно! А его родители богаты? У них есть ферма? Ох, почему это произошло не со мной? Он симпатичный? Ты в него тоже

влюбилась?

На щеках Хелены выступил румянец.

– К влюбленности это не имеет никакого отношения, – заверила она подругу. – Это просто...

– Люцина просто похожа на его погибшую сестру, – вмешалась Миранда, которая только что подошла, разыскивая Хелену.

Хелена потерла лоб. Миранда хотела помочь ей, но сделала только хуже.

– И он считает, что это может утешить мать... – бесстрашно фантазировала дальше Миранда. – В общем, если бы рядом был кто-то похожий на... э-э-э... Эллен.

Наталия нахмурилась.

– Значит, ты, грубо говоря, должна послужить заменой умершей девочки? Что себе думает этот парень? Даже если Люцина выглядит, как та Эллен, это ведь все равно не оживит девушку! Это сделает его мать только еще более несчастной, если она сейчас... Тебе нельзя так поступать, Люцина! Оставайся здесь!

– Думаю, нам уже пора идти, – пробормотала Хелена. Она быстро упаковала свое нехитрое добро в узелок. – Все не так, как ты думаешь, Наталия. Это... Ах, я не могу этого объяснить. Так будет правильно!

Закончив говорить, она встала, порывисто обняла подругу и вышла из дома прежде, чем Наталия успела что-то ответить.

– Я напишу тебе! – крикнула Хелена, обернувшись.

Миранда следовала за ней.

– Моя мать умеет придумывать истории лучше меня, – извинилась она.

Хелена вздохнула, но очень быстро позабыла о неловкой сцене. Она теперь думала о Лилиан Биллер, которая ждала ее в машине.

Миранда собиралась остаться в лагере и выполнять служебные обязанности. Наталия наверняка продолжит засыпать ее вопросами, однако Хелене было все равно. Девушка села в автомобиль к Лилиан и покинула Маленькую Польшу. В ее жизни начался новый этап. Опять она пребывала в неведении: что же готовит ей будущее? Но в сердце Хелены, как и прежде, тлела искорка надежды на счастье.

В последующие дни Джеймс Мак-Кензи делал все, чтобы Хелена не боялась и не смущалась. Корабль в Литтелтон-Харбор отправлялся только в пятницу. Лилиан обоим заказала два билета по телефону, следовательно, Джеймс и Хелена провели в Ловер-Хатт почти неделю. Девушка все это время жадно читала романы Лилиан Биллер, которые находила

занимательными, но иногда со слишком уж надуманным сюжетом. Джеймс всячески старался приободрить гостью и показывал ей окрестности возле загородного дома. Поселок Ловер-Хатт именовали в соответствии с названием местной реки. Он располагался в ее устье на берегу Тихого океана. Дом Биллеров стоял дальше от берега, вблизи ущелья Таита, через которое река пробивала себе путь между высоких холмов. Местность сильно заросла лесом, дороги были узкими и неудобными для прогулок. Джеймс недолго думая оседлал лошадей Лилиан и устроил Хелене экскурсию.

– Это не так опасно, как поездка на автомобиле, когда за рулем Миранда, – заверил он девушку, заметив ее озабоченность. – Поездка верхом – лучший способ осмотреть окрестности, если не считать полета на самолете.

Мерин Винс действительно спокойно брел за Валери, своей подругой по стойлу. Хелену очаровала природа, и девушка совсем забыла, что намеревалась упасть с лошади и вызвать выкидыш. Вернее, она волновалась наедине с Джеймсом.

Молодой человек разрушил все ее предубеждения, вел себя ненавязчиво и дружелюбно. Он обращался с Хеленой как с сестрой или кузиной и даже не имел намерения сблизиться с ней. Сидя верхом на лошади, Хелена совсем расслабилась. Джеймс рассказывал ей о растительном мире Новой Зеландии и вел себя так безобидно, насколько это вообще было возможно. Местный лес очень отличался от дубрав, сосновых боров и вязовых рощ Польши и уж тем более от хвойных лесов Сибири. В Новой Зеландии были такие растения, которых Хелена никогда раньше не видела. Она дивилась могучим зарослям папоротника и густому красному цветку кустарника рата, произраставшим в лесах вместе с пальмами и южными плетущимися растениями. Девушка видела деревья со стволами, обвитыми лианами, на берегу реки рос раупо – вид тростника, из которого маори плели циновки и пой-пой. Из высушенных листьев раупо танцовщицы делали юбки, издававшие жужжащий звук при движении. В этих лесах произрастали и деревья манука. Хелена очень гордилась тем, что самостоятельно узнала их. Из мануки добывают масло, сообщил Джеймс, обладающее лечебными и дезинфицирующими свойствами.

– Каждому солдату австралийской армии обязательно выдают бутылочку с таким маслом, – объяснил он. – По крайней мере, во время Первой мировой войны было так. Мой отец рассказывал об этом. Масло не очень-то помогло в битве при Галлиполи, но его применяли от водянок на ногах во время маршей и для лечения других мелких ран.

Хелена рассказала Джеймсу, что ее хей-тики сделан из дерева мануки. Парень этому очень удивился.

– Обычно хей-тики изготавливают из поунаму – нефрита, как мой талисман, или из кости, – ответил он. – О подвесках из дерева мануки я еще никогда не слышал. Эта старая женщина вырезала его специально для тебя?

Хелена кивнула.

– Это так мило с ее стороны, правда?

Парень согласился.

– Наверное, у него есть какое-то предназначение, – предположил Джеймс. – Такие хей-тики не вешают просто так, потому что они красиво выглядят. Традиционно тохунга придает большое значение изготовлению амулета. Поют каракию или проговаривают молитвы, призывают богов... После этого обладатель будет находиться под их особой защитой.

– Как крестик, которым благословляют? – спросила Хелена. У матери был такой в Сибири, но в конце концов его выменяли на хлеб.

– Возможно, – кивнул Джеймс. – Как бы то ни было, поклоняться никаким богам не следует. А о дереве манука тебе лучше расскажет Бен...

Хелена кивнула, повертела в пальцах фигурку, висевшую на шее, и дотронулась до дерева мануки, проезжая верхом мимо него. Грубая кора под рукой показалась теплой, словно девушку вновь приветствовал дух, присутствие которого она ощутила впервые в мараэ у рангитане.

– А теперь я покажу тебе дерево каури.

По словам Джеймса, деревья каури аборигены считали священными. Маори неохотно рассказывали пакеха, где растут такие деревья. Бен Биллер обнаружил одно неподалеку от па, и Джеймс провел Хелену едва заметной тропинкой сквозь заросли папоротников, лиан и сухих стволов, устилавших землю в этих нетронутых лесах. Парень и девушка несколько часов ехали на лошадях, поэтому Хелена очень измучилась. Но страдания стоили того. Посреди поляны стояло дерево каури.

– Оно же громадное! – от восхищения Хелена с трудом подыскивала слова.

Окружность ствола точно составляла не меньше восьми метров.

– Да. Деревья каури достигают пятидесяти метров в высоту, – пояснял Джеймс, – у них достаточно времени, чтобы вырасти. Возраст самых старых насчитывает более двух тысяч лет...

Хелена не могла представить себе такого срока. Она ощущала себя маленькой и незначительной вблизи дерева, от которого, казалось, исходило невидимое свечение.

– Когда летаешь, тоже чувствуешь себя маленьким, – открылся ей

парень, когда девушка решила высказать свою мысль. – Можно увидеть, насколько велика земля. И хотя ты над ней и летаешь, землю невозможно «подчинить», как это записано в Библии! У маори очень верное представление об этом, они относятся к природе с большим почтением, не так, как мы.

Хелена кивнула, а вечером с интересом слушала подробные истории хозяина дома, Бена Биллера, о культуре маори. У Бена на этой неделе гостили два студента, помогавшие при раскопках, и в вечерние часы досуга он с удовольствием читал познавательные лекции. О хей-тики Хелены он тоже кое-что рассказал.

– Тохунга, наверное, почувствовала в тебе силу и величие дерева. Его духи – защитники, они охраняют, оберегают и лечат...

– Возможно, дерево должно защищать обладателя этого хей-тики... – предположил один из студентов.

Бен кивнул.

– Всегда совершаются действия давания и забираяния, – поучал профессор. – Маори постоянно видят обмен между человеком и природой, миром реальным и миром духов...

Лилиан Биллер была менее одухотворенным человеком. Она обладала более практичным умом и на третий день пригласила Хелену поехать за покупками в Ловер-Хатт. Девушка спрашивала себя, что же там можно купить, и была приятно удивлена.

Ловер-Хатт оказался на удивление растущим и полным жизни поселком, если не посещать его в дождливый субботний вечер. Лилиан пригласила Хелену и Джеймса. Тот тоже присоединился к женщинам. Они вместе пообедали в ресторане с видом на устье реки. Потом Лилиан призналась, что намерена купить Хелене несколько платьев.

– Не беспокойся, ничего дорогого и экстравагантного приобретать не будем, – заверила она девушку, когда та стала отказываться. – Для этого нам пришлось бы поехать в Веллингтон. Но в таком виде я не могу отправить тебя в Киуорд-стейшн. Глория решит, будто я скупердяйка...

Лилиан позвонила Джеку и Глории Мак-Кензи, родителям Джеймса, и предупредила о приезде Хелены. Мать Миранды заверяла, что Хелене все обрадуются, но девушка все равно побаивалась встречи. Она надеялась, родители Джеймса не сделают таких же выводов из ее приезда, как Наталия! Хелене было бы очень досадно осознать, что Джеймс во всем помогает ей только благодаря ее женской привлекательности...

Лилиан потащила Хелену в местный магазин, рекламировавший

женскую моду и товары для приданого.

Они купили простой темно-синий костюм, две подходящих блузки и вызывающую шляпку. Она очень гармонировала со светло-голубым платьем с высокой талией, которое Лилиан выискала для Хелены, кроме всего прочего. Платье выглядело весьма привлекательно, в нем девушка казалась совсем юной, к тому же оно будет скрывать беременность еще два-три месяца. Также было куплено теплое пальто. Хотя в Новой Зеландии все еще стояло лето, однако зима, по мнению Лилиан, на Южном острове могла оказаться довольно холодной.

– Но не такая же, как в Сибири... – тихо ответила Хелена.

Лилиан, улыбнувшись, обняла девушку.

– К счастью, нет! – сказала она. – И все же это повод надеть на себя что-нибудь теплое! Теперь нам еще нужно выбрать несколько комплектов нижнего белья и чемодан, чтобы все упаковать. А потом мы отправимся на поиски Джеймса. Ты не знаешь, куда он мог запропасться?

Парень отделился от женщин, когда те отправились за покупками. Хелена с облегчением вздохнула. Джеймс все время немного льстил девушке: то отмечал, как Хелена красиво заколола волосы, то говорил, что она прекрасно смотрится в седле, одетая в старый костюм для верховой езды, доставшийся ей от Миранды. Хелена не знала, как на это реагировать. Она еще никогда так не смущалась, как в тот вечер в маленьком кафе-мороженое, где они отыскивали Джеймса.

– Вот, – сказал он и робко придвинул к ней пакет через стол. – Мне пришло в голову, что тетя Лилиан не подумает об этом, а мою мать я не хотел бы просить во время встречи в Литтелтоне. Ну и к тому же из Киворд-стейшн нужно ехать в Халдон. По сравнению с тем захолустьем, Ловер-Хатт – город мирового значения. Там все друг друга знают. Поэтому мы могли бы устроить все сейчас...

Хелена удивленно слушала объяснения Джеймса. Девушка с любопытством открыла пакет, чтобы понять, что же все-таки было внутри. Увидев маленькое золотое кольцо, она залилась краской.

– Это... это же...

– Обручальное кольцо, – подтвердил Джеймс ее догадки. – Мы же договорились, что ты притворишься, будто была замужем еще в Польше...

– Когда я уезжала из Польши, мне было всего четырнадцать, – прошептала Хелена.

Лилиан улыбнулась.

– Не имеет значения, – объяснила она. – Тебе не придется предъявлять какие-либо подробности. Джеймс абсолютно прав. Это упростит твое

положение в таком маленьком городке, как Халдон. Люди будут думать, что ты беременна от героя войны. Хорошая идея, Джеймс. Сколько стоила такая вещица? Я верну тебе за нее деньги.

От подобного предложения парень раскраснелся.

– Это... это совсем необязательно, я... в общем, мне было приятно это сделать, оно должно быть похоже на...

Лилиан рассмеялась.

– Говори уже. Никто не должен подумать, что наша Хелена была замужем за скрягой или нищим. Выглядит так, словно ты нафантазировал себе, каким обязан быть подходящий муж, – поддразнивала она парня. – Тебе следует детально описать его нам... прежде всего Хелене!

Девушка не знала, куда девать глаза. При этом она радовалась, что смогла предстать перед Джеймсом в новой одежде. Лилиан настояла, чтобы Хелена сразу же надела ее.

– Старая подойдет только для работы на кухне, – вынесла она свой вердикт, – или для хлева. Если Глория возьмет тебя под свое крыло, кухню ты будешь видеть редко. Надеюсь, овцы тебе нравятся не только в жареном виде.

Хелена не была уверена, нравятся ли ей овцы, она никогда не имела с ними дела. Пока девушка только поняла, что у семьи Джеймса этих животных довольно много, а к тому же несколько сотен бычков, псарня и конезавод. Последнему Хелена обрадовалась. Ей не хотелось расставаться с Винсом и Валери.

– Там ты встретишь их родственников, – утешала ее Лилиан. Ей сразу понравилось, что лошади полюбились девушке. – Мать Валери, Вики, была родом с Киурд-стейшн, а Винс – это сын Валери. Джеймс, мне когда-нибудь понадобится сменить лошадей. Передай Глории и Джеку, чтобы они подыскали для меня красивую кобылу. Если возможно, пусть это будет потомство Принцессы.

От Принцессы – матери Вики – на Киурд-стейшн родилось много жеребят. Она стала первой лошадейю Глории Мак-Кензи, и, естественно, на ферме содержались ее дети и внуки.

Миранда попросила в лагере еще один выходной, чтобы проводить Джеймса и Хелену на корабль.

Хелена вынуждена была признать: прогулка верхом на смирном Винсе не могла сравниться с адской поездкой на машине.

– Вот погоди, Джеймс тебя еще на самолете покатает! – обиделась Миранда, когда Хелена взвизгнула от страха на особенно резком

повороте. – По сравнению с тем, как он летает над горами, я вообще покажусь тебе хромой уткой.

Хелена оторопело глянула на Джеймса: она только сейчас узнала, что у семьи Мак-Кензи в Киурд-стейшн есть свой самолет. Парень гордо пояснил, что они владеют самолетом «Пайпер J-3 Каб», который он ласково называет Пиппа.

– Личный самолет на овечьих фермах – дело вполне обыденное, – заверил Джеймс Хелену, заметив испуганное выражение на ее лице.

Девушка к тому моменту поняла, что семья Мак-Кензи была вовсе не бедной, но наличие собственного самолета Хелене показалось чем-то уже почти запредельным.

– У нас просто очень много земли, где свободно пасутся овцы, – пытался оправдать свое приобретение Джеймс. – С воздуха за ними проще следить, сгонять на стрижку или в зимние стойла. Раньше это делали на лошадях, и всякий раз требовались невероятные усилия, чтобы выгнать животных на пастбища, а осенью найти их в горах и вернуть. К тому же это небезопасно. В горах может начаться внезапная метель. А на своем Пиппе я отгоняю скот практически один, и от моего взгляда не скроется никакая овца, не то что от группы людей на лошадях.

– Значит, так ты и научился летать? – удивленно спросила Хелена.

Она все еще не могла поверить, что для сидящего рядом молодого человека свой самолет – нечто само собой разумеющееся, а полет словно поездка на трамвае.

– Конечно. Мой отец тоже летает, но наша птичка его так не заводит, – кивнул Джеймс. – У него «Пайпер» быстро ломается, особенно при посадке. Если захочешь, можешь как-нибудь сама попробовать полетать. Это не так уж сложно...

Хелена робко кивнула. Ее тошнило от поездки на автомобиле, девушка надеялась, это из-за своеобразной манеры вождения Миранды, а не из-за повышенной чувствительности при беременности. Коль это все же последнее, то морское путешествие обещало быть весьма неприятным.

И все же плавание с Северного острова на Южный оказалось самым лучшим путешествием по морю, которое Хелена когда-либо совершала. В проливе Кука между островами штормило, и Хелену, как и многих других пассажиров, стошнило. Путь пролегал вдоль побережья Южного острова. Океан был спокоен, поэтому пассажиры могли наслаждаться видом зеленых холмов и темных пляжей. Хелена завороченно наблюдала за дельфинами, сопровождавшими корабль. А когда в районе полуострова Каикоура прямо перед носом судна показался кашалот, девушка испуганно

отпрянула от поручней.

– Они такие громадные, – удивленно пробормотала она, увидев также китов-горбачей и нарвалов. – Они точно не едят людей?

– Нет, – рассмеялся Джеймс, – киты очень мирные. У большинства из них даже зубов нет. Они только весьма любопытны. Посмотри, как близко подплывают.

Это путешествие стало для Хелены настоящей сказкой, но она снова страдала от угрызений совести, ведь на ее месте должна была быть Люцина. Какие возможности открылись бы для ее красивой сестры в этой удивительной стране!

Когда Хелена сравнила приветливого и опытного Джеймса с грубым и немного глуповатым Каспаром... девушка сразу представила счастливую пару, их зажиточную жизнь, женщину, которую любят и опекают... Джеймс наверняка влюбился бы в Люцину...

Хелена не позволяла себе задумываться о том, что она сама могла казаться Джеймсу симпатичной, хотя парень был с ней подчеркнuto обходительным. Он дни напролет разговаривал с Хеленой на палубе, а вечером водил ее ужинать в ресторан на борту судна. Девушке нравились вкусные блюда из рыбы. После ужина играл небольшой оркестр. Тут Хелена впервые услышала джаз – увлекательное направление музыки, под которую сразу же хотелось танцевать. Джеймс тут же пригласил ее, но Хелена ответила отказом. Ее все еще смущали мужские прикосновения, а кроме того, девушка вообще никогда не танцевала. Она наверняка лишь опозорилась бы, все люди пялились бы на нее и смеялись. В памяти снова всплыл образ сестры. Люцина точно никого бы не стеснялась на танцплощадке, наверное, и здесь оказалась бы в центре всеобщего внимания. От мысли об этом на лице Хелены заиграла улыбка, но девушка сразу припомнила, по чьей вине с Люциной никогда не случится такого. Хелена печально опустила голову и не заметила, что Джеймс ответил на ее улыбку.

Глава 6

После двухдневного путешествия корабль пристал в Литтелтоне. С набережной открывался идиллический вид красивого городка, раскинувшегося на холмах вдоль бухты. Здесь была естественная гавань, где могли маневрировать и становиться на якорь даже крупные суда.

– Город Крайстчерч намного больше и важнее, – объяснил Джеймс, когда Хелена удивилась тому, что при столь значительном порте – такой маленький поселок. – Он располагается в семи милях к северу отсюда. В Крайстчерче гавань небольшая. Корабли, направляющиеся туда, причаливают в Литтелтоне. Со временем Крайстчерч и Литтелтон наверняка сольются, земли между ними активно заселяются. Раньше города соединяла опасная дорога через горы. Ее называли «Bridle Path»^[13], потому что люди не могли проехать по ней без посторонней помощи. Каждой лошади или мулу выделялся сопровождающий, он держал животное за недоуздок. Наша прародительница Гвинейра, приехав сюда в прошлом веке, не знала об этом. Она оседлала лошадь, пережившую трехмесячное путешествие, и поехала по тому пути. Ее собака Клео одна пасла двадцать или сорок овец – приданое Гвинейры. Прародительница приехала в Новую Зеландию, чтобы выйти замуж за Лукаса Уордена – наследника Киурдстейшн. Никогда прежде Гвинейра не видела этого человека и так и не стала с ним счастливой... История ее путешествия по «Bridle Path» – одна из самых старых наших семейных легенд. Мисс Гвин уже сама стала легендой. Я, к сожалению, совсем ее не помню. Она умерла в библейском возрасте. Мне было три года, а ей уже исполнилось более девяноста лет.

Джеймс окинул взглядом постройки в порту, когда корабль швартовался, и показал на женщину, ожидавшую рядом с припаркованным у пирса пикапом.

– Вон там, смотри. Это моя мать!

Миранда была очень похожа на Лилиан, и Хелена предполагала, что у Глории Мак-Кензи тоже рыжая шевелюра, тонкая талия и острый нос. Но на самом деле девушка, впервые увидев мать Джеймса, никогда бы не сказала, что Глория и Лилиан – родственницы. Видимо, Глория пошла в совершенно другую ветвь семьи. Она была крепко сложена. Хоть женщина и просияла улыбкой, увидев сына, черты ее лица все равно оставались серьезными. Она показалась не такой открытой и отзывчивой, как Миранда и Лилиан. У Глории были голубые близко посаженные глаза, тонкие и

четко очерченные губы. Густые светло-каштановые волосы коротко подстрижены, прическа очень подходила к стилю одежды. Глория носила джинсы и клетчатую рубашку, а поверх – кожаную куртку. С дальнего расстояния ее даже можно было принять за мужчину. Мать Джеймса не казалась уродиной, но обладала специфической красотой, которую замечали не с первого взгляда. Присмотревшись, Хелена заметила, что женщина была не одна. Возле нее сидела длинношерстная черно-белая собака, преданно смотревшая на хозяйку. По крайней мере, до тех пор, пока не услышала голос Джеймса.

– Эйни! – радостно вскрикнул парень. Казалось, молодой человек больше радовался встрече с собакой, чем с матерью.

Животное тоже сразу потеряло интерес к Глории Мак-Кензи, тут же подлетев к Джеймсу, который поспешил навстречу, как только спустили сходни.

Когда они встретились, Эйни с визгом запрыгнула на Джеймса, а парень выкрикивал имя любимицы, трепал ее шерсть и был счастлив. Он смеялся во все тридцать два, казалось, и собака улыбается тоже: уголки ее рта оттянулись в стороны, обнажая зубастую улыбку.

Хелена взяла свой чемодан и подхватила заплечный мешок Джеймса. Парень просто бросил его, увидев Эйни. Девушка последовала за ним медленно, в напряжении ожидая встречи с его матерью. Глория Мак-Кензи неторопливо пошла к сыну. Она радовалась, но сдержанно. Очевидно, импульсивность Миранды и Лилиан была не свойственна этой женщине. Она даже не пыталась мешать радостной встрече сына с собакой, когда подошла к ним. Вместо этого Глория улыбнулась Хелене и протянула руку. Наверняка она заметила девушку возле перил рядом с Джеймсом.

– Нас обеих, стало быть, отправили в отставку, – заметила Глория, указывая на Джеймса и собаку. – Это Эйни, любимица сына, – представила она животное. – Он сам ее воспитывал. Они не расставались ни на минуту, пока он не пошел воевать за других людей. Меня зовут Глория Мак-Кензи. А вы мисс... Грэбауски? – она исковеркала польскую фамилию, насколько это было возможно.

Хелена смущенно ответила на рукопожатие.

– Грабовски, – поправила девушка. – Но, пожалуйста, называйте меня просто Хелена.

Мать Джеймса улыбнулась и забрала у нее заплечный мешок.

– Хорошо. И как здорово, что ты говоришь по-английски. Я уж боялась, придется вспоминать свой школьный французский. Кто-то мне рассказывал, что в Польше многие изучали его как иностранный.

Хелена, кивнув, коротко рассказала, что ее мать работала учительницей английского. Женщина по-прежнему была сдержанна.

– Это Хелена, – наконец представил девушку Джеймс. – Она именно из тех людей, которые не могут вести войну за себя.

Казалось, парень готов сразу начать привычное семейное сражение.

Глория вздохнула.

– Поспори со своим отцом, – сдержанно ответила она Джеймсу. – Я не могу судить, просто счастлива, что снова вижу тебя. И тебе, Хелена, я тоже рада. Добро пожаловать к нам! Молодежь всегда желанна на нашей ферме. Вероятно, мы сможем внести собственную лепту и сделать этот мир лучше, не отправляя сына на убой.

– У Хелены не было выбора, – парировал Джеймс, готовый к дальнейшему спору. – Ее родители умерли...

Хелене не нравилось, что она стала причиной спора между сыном и матерью. Девушка гладила Эйни.

– Она летает... в твоем самолете? – попыталась отвлечь внимание и указала на собаку. – То есть... ты же говорил, сгоняешь овец... А она ведь пастушья собака...

Глория Мак-Кензи улыбнулась, очевидно, испытывая благодарность за то, что девушка сменила тему.

– Она помогает их потом распределять, – пояснил Джеймс, парень тоже не мог не улыбнуться. – Но она не боится высоты. Я беру ее с собой, когда летаю.

– Что кажется мне очень уместным, – криво ухмыльнувшись, добавила Глория. – Когда в кабине Эйни, он летает намного осторожнее. В конце концов, Джеймс ведь не хочет, чтобы с собакой что-нибудь произошло. Ах, Джеймс, я знаю, ты сердисься на нас, и все же как хорошо, что ты снова здесь! Вы проголодались? Может, нам стоит пообедать где-нибудь в Крайстчерче? И если ты хотела сделать покупки...

Хелена отрицательно помотала головой.

– Мы хорошо позавтракали на корабле, – ответила девушка. – И я... у меня есть все необходимое. – Она указала на свой новый чемодан.

– Хорошо, – довольным тоном ответила Глория. Очевидно, походы за покупками не относились к ее любимым занятиям. – Тогда мы отправимся прямо на Киуорд-стейшн. Хелена, дорога займет пару часов. Раньше требовался целый день, чтобы добраться из Халдона в Крайстчерч или даже в Литтелтон. К счастью, с тех пор как появились автомобили, расстояния уменьшились...

Мать Джеймса села за руль тяжелого семейного пикапа, прямо как

Лилиан и Миранда за руль их спортивного авто. Глория водила быстро, но осторожно. Хелена чувствовала себя с ней намного увереннее. Хотя и сейчас ей приходилось бороться с тошнотой, причем дело усугублялось тем, что в машине пахло собакой и еще немного овцами.

Сначала дорога шла через горы, и Хелена обрадовалась, когда Джеймс настоял, чтобы они проехали мимо смотровой площадки.

– Отсюда переселенцы впервые видят Крайстчерч и Кентерберийскую равнину, – сказал он. – Сто лет назад город был, конечно, намного меньше...

Город Крайстчерч по новозелендским меркам считался довольно крупным, он стоял на берегу реки. Хелена, заметив множество красивых зданий из камня, предположила, что это постройки при церкви. Иначе зачем тогда называть город Крайстчерч?^[14] Джеймс подтвердил догадки девушки:

– Первыми переселенцами стали глубоко верующие англиканцы. Вскоре здесь возвели как англиканские, так и католические соборы. Ты сможешь туда сходить на службу, если верующая. Ты же ведь католичка, правда?

– Да, – Хелена кивнула, не вдаваясь в подробности.

– Этот город назван не в честь самого Христа, а в честь колледжа «Крайст Чёрч» в Оксфорде. Не знаю, кому в голову пришла такая мысль, но, наверное, этот человек очень любил свою alma mater, – Джеймс улыбнулся. – Здесь тоже сразу основали университет. Университетский городок – точная копия Оксфорда. Ты должна это увидеть собственными глазами. Прогулявшись по Крайстчерчу, можно и в Англию потом не ездить, так говорят. Другой достопримечательностью считается трамвай! Здесь это настоящая сенсация, а в Европе уже есть даже метро...

Так, болтая, он собрался отвести Хелену назад к машине, но девушка захотела еще немного постоять и насладиться видом города, раскинувшегося внизу. За ним – море зеленой травы, а дальше – заснеженные шапки гор. Небо затянуло тучами. Джеймс уверял: стояла бы ясная погода, вид был бы еще восхитительнее.

– А где-то там находится ваша ферма? – Хелена указала на равнины позади города.

Глория оживилась и закивала, хотя до этого без особого интереса слушала рассказ Джеймса о Крайстчерче.

– Вот уже около ста лет, – с гордостью промолвила женщина. – Она всегда была собственностью семьи, хотя в ее истории случались неожиданные повороты. В целом, это овцеводческое хозяйство, земля

подходит лишь для серьезного занятия скотоводством. Для возделывания под сельскохозяйственные культуры здесь слишком мало дождей и почва не очень подходит. Тут сплошные кочкарники^[15]. Но когда разрушается луговая дернина, совсем тяжело. Поэтому там и выпасают овец, держат их в основном ради шерсти, однако у нас есть и мясная порода. Вот уже несколько десятков лет мы, кроме них, держим бычков. Дополнительно. Как раз сейчас, во время войны, на этом можно неплохо заработать – мясо экспортируется. Киурд-стейшн славится своими колли, – Глория показала на Эйни. – Самые популярные сторожевые собаки в стране. Их появлению мы обязаны нашей бабушке Гвин из Уэльса. Люди до сих пор вспоминают Клео и Пятницу... Вы не хотите снова сесть в машину? Дорога еще долгая.

Казалось, Глории совсем не нравится бездельничать на обзорной площадке. Вместо этого она и преимущественно Джеймс всю последующую дорогу рассказывали гостям истории о легендарной Гвинейре Мак-Кензи, первый муж которой, Лукас-младший, стал известным художником...

– Этот талант передался его правнучке, – добавил Джеймс и указал на Глорию. – Моя мать отлично рисует. А я вот, к сожалению, совсем не умею.

– Если он на самом деле был моим прадедом... – возразила Глория. – Бабушка Гвин говорила когда-то, что Лукас – сводный брат деда Пола. Отец Лукаса так разозлился на своего сына как на продолжителя рода, что предпочел взять дело воспроизводства наследников в собственные руки...

– Ты имеешь в виду... что он и мисс Гвин?.. – удивленно спросил Джеймс. Об этом повороте семейной истории парень, очевидно, тоже слышал впервые.

– Изнасилование, – сообщила Глория.

От таких подробностей Хелене стало не по себе, но, с другой стороны, девушка почувствовала облегчение. Она была не единственной, кому пришлось мириться с подобным позором.

– Потом Лукас исчез, – продолжала Глория, – он погиб на западном побережье.

– А Гвинейра нашла свою настоящую любовь и вышла замуж! – поведал парень о счастливом конце. – Джеймс Мак-Кензи известен в Новой Зеландии как Робин Гуд. Он воровал скот. Это мой дед по отцовской линии. Меня назвали в его честь. Поэтому нечего удивляться, что я не такой любитель мирной и спокойной жизни, как отец.

Казалось, Джеймс снова хочет продолжить семейную ссору, но Глория Мак-Кензи не поддавалась на провокацию. Она была миролюбива от природы.

– Расскажи немного о своей семье, Хелена, – предложила женщина гостю.

Девушка описала жизнь во Львове, рассказала о родителях и немного о Люцине. Глория, в отличие от своей кузины Лилиан, не заинтересовалась вопросом, могла ли шестнадцатилетняя девушка сама решать свою судьбу. Она просто приняла тот факт, что Люцине больше захотелось остаться в Персии. Конечно, мать Джеймса до конца не понимала, каких шансов лишилась Люцина из-за подмены документов Хеленой. Права, которые предоставлялись женщине в Новой Зеландии, были для Глории, Лилиан и Миранды чем-то обыденным и естественным.

Пока Хелена говорила, Глория повернула пикап в сторону бескрайних пастбищ. Дорога «Bridle Path» закончилась, и на много миль раскинулась Кентерберийская равнина. Целое море колышущейся на ветру травы, в котором изредка встречались рожицы деревьев, поросшие камышом русла ручьев или утесы, словно случайно забредшие на эту низменность. Ферм почти не было видно, лишь таблички с указателями. Джеймс объяснил: тут практически нет маленьких предприятий. Как правило, в стороне от этого пути располагались лишь богатые большие хозяйства. Туда вели частные, хорошо мощенные дороги.

Они добрались до Киуорд-стейшн уже во второй половине дня. Глория свернула на частную дорогу, проходившую сначала мимо маленького озера, а потом вокруг холма. А затем... У Хелены перехватило дыхание, когда она вдруг увидела дом. Усадьба Киуорд-стейшн ничем не напоминала ферму. Скорее, она походила на английское поместье, родовое гнездо лордов или баронов, как их описывают в английских романах. Поместья Мандерлей в романе «Ребекка» или Торнфилд-холл в «Джейн Эйр». Здание возвели из серого песчаника. Хелена заметила эркеры и большие окна, кое-где балконы. Подъезд был широкий, очевидно, запланированный для экипажей и конных повозок. Девушка увидела ротонду, возле которой можно было бы посадить много роз. Но семья Мак-Кензи, казалось, уделяла мало внимания внешнему виду этого павильона, и вокруг него буйно разрослись кусты рата.

– Ну, что скажешь? – усмехнулся Джеймс.

– Все такое... красивое... – выдавила из себя Хелена.

– Все такое вызывающе роскошное, – прокомментировала Глория. – Наш предок Джеральд Уорден любил выставлять богатство напоказ, чтобы сравняться с английской аристократией. Поэтому он и хотел, чтобы его сын связал свою судьбу с Гвинейрой. Она была из Силкхэмов... Это старый знатный род из Уэльса. Собственно, отец Гвинейры имел намерение выдать

ее за какого-нибудь настоящего лорда, а не за новозеландского овечьего барона. И помолвка с Лукасом состоялась благодаря карточной игре блекджек. Уорден и Силкхэм играли на заключение брака с Гвинейрой. Ее отец не воспринимал это всерьез, бабушка Гвин ведь могла бы и отказаться. Но она и не подумала этого делать. Переселение в Новую Зеландию было приключением всей ее жизни, а приключения она любила.

Глория рывком распахнула водительскую дверцу пикапа, которую немного заклинило. Джеймс сначала выпустил Эйни, а потом вылез сам и, придерживая дверцу, помог выбраться Хелене.

– Только не смотри на все так благоговейно, швейцара мы не держим, – подтрунивал он над девушкой. – Зато я сам с удовольствием поднесу тебе чемодан.

Хелена, нервничая, поднялась за Джеймсом по ступеням, после чего прошла через входной портик, за которым открывалась просторная гостиная. Изначально эту комнату делали напоказ, но теперь вид у нее был несколько неряшливый. Казалось, члены семьи Мак-Кензи сваливали здесь все покупки, а потом забывали, в каком месте дома их применить.

– Иногда мы превращаем гостиную в сарай, – извиняясь, заметила Глория Мак-Кензи и лениво повесила кожаную куртку на вешалку, где уже болтались друг на друге непромокаемый плащ и куртки.

Дальше эта комната напоминала кабинет. Вдоль стены стояли шкафы, заполненные папками. Печатная машинка делила письменный стол со счетами, записками, карандашами и банкой печенья.

– Раньше гостиная была тут, – объяснила Глория. – Бабушка Гвин потом переоборудовала ее. Кому нужен склад для визитных карточек? Мы используем эту комнату в качестве кабинета, она находится близко от главного входа. Это очень удобно, когда приезжают и платят поставщики. Здесь же мы выдаем зарплату. Официальная атмосфера также помогает, если нужно распечь какого-нибудь работника.

Глория Мак-Кензи виновато улыбнулась. Распекание работников, видимо, не было ее коньком.

Из кабинета они перешли в салон, уставленный массивной мебелью в староанглийском стиле. Все, несомненно, антикварное, довольно потертое. Отсюда широкая лестница вела на второй этаж, по бокам располагались двери в комнаты. Из одной можно было попасть в кухню, служившую столовой, и в другую – жилую.

– Раньше здесь была комната мужчин, – сказал Джеймс, проводя экскурсию для Хелены, пока Глория на минутку заглянула в кухню и о чем-то переговорила с прислугой. – Сейчас мы используем ее как жилую

комнату, особенно зимой. Салон просто невозможно прогреть нормально.

Здесь тоже красовалась английская мебель: большой угловой диван и громадные кресла. Перед камином стояло кресло-качалка, рядом лежала собачья подстилка. Но собака разлеглась на диване и соскочила с виноватым видом только после того, как вошли Джеймс и Хелена.

– Среда! Постыдилась бы! – шутливо отругал ее Джеймс. Он не мог злиться на маленькую трехцветную колли и приветствовал ее почти так же, как и Эйни. – Она на сносях, – объяснил он Хелене. – Поэтому считает, что теперь ей все позволено...

Хелена тут же покраснела, а Джеймс смущенно добавил:

– Ну, это... хм... конечно, ей позволено... Я имею в виду, будущую мать можно... в общем, немного побаловать.

Хелена смущенно повертела обручальное кольцо, которое она добросовестно носила с тех пор, как они покинули Веллингтон.

– Давай теперь я покажу твою комнату, – быстро промолвил Джеймс и провел девушку вверх по лестнице.

Здесь из коридора двери вели как в одиночные, так и в многокомнатные спальни. Хелена потеряла дар речи, когда Джеймс распахнул дверь в выделенную ей комнату.

– Это... это же... – она попыталась улыбнуться. – Вот это... я точно называю баловством!

Большая, залитая солнцем комната была обставлена изящной светлой мебелью, на стенах – светло-желтые обои. На окнах висели темно-розовые шторы, разумеется, очень старые, но хорошо сохранившиеся. На кровати лежали желтые подушки и покрывало такого же цвета. На прикроватном столике кто-то оставил несколько книг – романы Бренды Болейн, однако был здесь также иллюстрированный фолиант об искусстве маори. Из спальни еще одна дверь вела в гардеробную со множеством зеркал, шкафами и проходом к маленькой, но элегантной ванной комнате.

Кроме того, имелся небольшой салон с эркером. С кресел возле чайного столика можно было любоваться видом сада, который больше напоминал заросшие джунгли, чем парк. Тут росли в основном местные растения. Между ними прочищали только дорожки. Они вели к стойлам и хозяйственным строениям.

– Что скажешь? Тебе нравится?

– Это великолепно! – ошеломленно прошептала Хелена. – Однако мне совсем не нужна... такая огромная комната...

Джеймс пожал плечами.

– Спальня принадлежала бабушке Гвин, – объяснил парень. – Это,

кстати, она.

Он привлек внимание Хелены к портрету, висевшему на стене возле чайного столика. На нем была изображена очень красивая рыжеволосая женщина с лазурными глазами – Миранда и Лилиан, отметила девушка, похожи на нее как две капли воды, немного отличались лишь цвет глаз и тон волос. Миранда больше походила на мисс Гвин, чем Лилиан. Наверное, Гвинейра была примерно в том же возрасте, когда писали этот портрет. Она позировала в одном из кресел, сейчас стоявших в салоне, и ей явно не хватало терпения.

– Первый портрет нарисовал Лукас Уорден. А в основном она предпочитала фотографироваться. У нее было мало времени для позирования, в связи с чем это единственный портрет мисс Гвин, написанный маслом. Ей больше нравилось, когда рисуют лошадей или собак. С тех пор как бабушки Гвин не стало, семья использует эти комнаты для гостей, и, в некотором смысле, все... все считают, что это хорошо, ведь ее дух витает здесь.

Парень виновато улыбнулся девушке.

– Это хорошее объяснение, – быстро ответила Хелена.

– У моих родителей своя многокомнатная спальня, – продолжал Джеймс. – С видом на въезд. Изначально там проживал хозяин – Джеральд Уорден. Я жил в бывшей комнате Лукаса, а впрочем, дом стоит пустой. Здание громадное, Хелена. Вероятно, старик Уорден планировал его для семьи в десять человек. Так что не обращай внимания. Устраивайся поудобнее. В семь вечера подают ужин. Я могу зайти за тобой, чтобы ты не заплутала.

Хелена не опасалась этого: она отлично ориентировалась. Ее беспокоили другие вещи.

– Мне для этого нужно переодеться? – озабоченно спросила гостя. – То есть... у вас ведь есть кухарка...

Дом производил впечатление дворянского родового гнезда, и Хелену не удивило бы, если бы жильцы спускались к ужину в вечерних платьях и смокингах.

Джеймс рассмеялся.

– Кухарке абсолютно все равно, во что ты оденешься, – ответил парень. – И моим родителям тоже. Мне очень жаль, что тебя так напугал дом. Мы совершенно нормальные люди. Конечно, у нас есть домашняя прислуга: кухарка и две горничных. Моя мать не смогла бы следить за таким громадным особняком, да она этого и не хочет. Мама управляет фермой, Хелена. Разумеется, вместе с отцом, но по всем документам

Киурд-стейшн принадлежит ей. Ее мать являлась официальной наследницей, однако совершенно не занималась хозяйством. В свое время она была всемирно знаменитой певицей, думаю, выступает даже сейчас. Кура-маро-тини Мартин, возможно, ты слышала о ней. Однако это было давно... Теперь она живет в Соединенных Штатах. Она всю жизнь хорошо зарабатывала, иначе наверняка бы продала Киурд-стейшн. Для бабушки это был многолетний кошмар. Но, когда мои родители поженились, певица переписала ферму на Глорию. С тех пор мы больше ничего о бабушке не слышали, только читали иногда заметки в газетах о ее концертах. Думаю, она даже никак не отреагировала на мое рождение. Наверное, ей не нравилась мысль, что она уже бабушка. Она была необычайно красива. Стареть, конечно, не входило в ее планы.

Хелена хорошо понимала, как настрадалась в детстве Глория Мак-Кензи с такой матерью. Нелегко жить рядом с одаренным членом семьи. Хелена снова подумала о Люцине.

– Ну, так сказать, почувствуй себя как дома! – крикнул ей Джеймс и оставил девушку одну.

Хелена быстро разложила все свои вещи по шкафам. Потом она присела у окна в эркере, но смотрела не на сад, а на портрет молодой женщины на стене.

Гвинейра Уорден тоже забеременела после изнасилования. Было ли у нее такое же ощущение запятнанности? Обвиняла ли она в этом отчасти себя? И как вышло, что второй муж любил ее, несмотря на все случившееся?

Глава 7

Джеймс постучал в дверь Хелены ровно в семь часов. Парень выглядел взволнованным. Очевидно, он только что встречался с отцом и поссорился с ним.

– Мне просто не нужно было возвращаться домой, – ворчал молодой человек, сопровождая Хелену по лестнице. – Следовало поехать в Греймут и найти работу на горном предприятии. Тогда бы они увидели, что натворили!

Хелена никак не отреагировала на эту вспышку досады. Насколько она поняла Глорию Мак-Кензи, родителям Джеймса было в принципе все равно, где он проведет остаток времени до окончания войны: на западном побережье Северного острова или в Австралии. Главное, его никто не убьет.

– Но тогда юная леди здесь совсем заскучала бы, – промолвила девушка и указала на Эйни, что следовала за Джеймсом по пятам и просто заглядывала ему в глаза.

На перекошенном лице парня заиграла улыбка.

– Тут ты права, – заметил он, и Хелена сразу же успокоилась.

Сердитые слова Джеймса сначала смутили ее. Такая быстрая смена эмоций подтвердила прежние догадки девушки: Джеймс Мак-Кензи мог мгновенно вспылить, но был отходчив. Родители обидели его, однако наверняка он скоро помирится с ними.

Джек и Глория Мак-Кензи уже заняли свои места за столом, когда молодые люди спустились. Отец Джеймса еще раз из вежливости встал, приветствуя гостью. Хелене он показался вполне симпатичным. Это был высокий спокойный стройный мужчина с темно-рыжими курчавыми волосами и каре-зелеными глазами. Цвет лица у него был заметно темнее, чем у сына. Лицо, немного угловатое, испещрили морщинки, большинство из которых казались мимическими. Но Хелена уже знала: этот человек пережил тяжелые времена. Джек Мак-Кензи оставлял впечатление добродушного и спокойного хозяина. Он предложил Хелене присесть за стол рядом с Джеймсом и, пока подавали еду, старался вести любезную беседу. Блюда выносила молодая девушка в темном платье и фартуке, но без чепчика на длинных черных волосах. Вероятно, у нее в роду были маори, однако Хелена не питала в этом уверенности, впрочем, как и в том, имела ли девушка белокожих предков.

– Спасибо, Анна, – сказала Глория, когда служанка поставила суп.
«Это совсем не маорийское имя», – подумала Хелена.

– Значит, вы прибыли из Польши, Хелена? – поинтересовался Джек Мак-Кензи. – Откуда же конкретно?

Она опустила ложку. Разумеется, хозяин дома старался казаться милым, но девушке все еще было трудно рассказывать о своем утраченном доме во Львове.

– Из Львова, – наконец промолвила она. – Это название, наверное, немного трудно произносить, можно говорить просто: Лемберг. Знаете, у города было немало разных имен, потому что там есть много национальностей. В основном, все жили мирно.

Хелена с трудом заставила себя проглотить ложку супа с бататом. На вкус он был великолепен, однако воспоминания оставляли горький привкус.

– Львов находится в Восточной Польше^[16], – объясняла она дальше. – Там всегда было намешано много разного народа: белорусы, украинцы, евреи, поляки... Теперь, наверное, еще и русские, после... после нашей депортации... – Хелена потерла лоб. Как только она думала об этом, аппетит тут же пропадал.

И Мак-Кензи не хотел обременять ее лишними расспросами.

– Львов – очень старинный город, – спасала себя девушка, не желая распространяться об ужасных подробностях, и продолжила рассказ о культуре и архитектуре: – Там очень много разных церквей, музеев, театров. Знаменитая опера. Мои... мои родители иногда водили нас туда, если мы обещали сидеть тихо во время представления... – Хелена нервно рассмеялась.

– У тебя большая семья? – спросила Глория.

– Много теток и дядьев, – тихо ответила она, – двоюродных братьев и сестер. Но жили мы только вчетвером: отец, мать, сестра и я. У нас... у нас был красивый дом в центре города. Отец рядом устроил практические занятия, ученики приходили прямо к маме домой. Мы с Люциной, в общем-то, никогда не были... одни.

Голос Хелены сорвался, и она ничего не смогла с этим поделать. Теперь и Глория Мак-Кензи заметила, что их любопытство по поводу родного города гостю совсем не радовало девушку.

– Если не хочешь, можешь не рассказывать об этом, – с пониманием промолвила хозяйка и позвала Анну, чтобы та убрала тарелки из-под супа. – Иногда от воспоминаний щемит в груди, даже если они хорошие... Как там дела у Биллеров, Джеймс? Миранда наконец определилась, что

будет изучать? А Гал все так же увлекается горным делом?

Джеймс пока не проронил ни слова и молчал в течение всего ужина. Он добросовестно, хотя и односложно, давал ответы на выстраданные вопросы Глории о родственниках, живущих на Северном острове. Парень, собственно, мог бы и заметить, что все это были одни лишь попытки прервать напряженное молчание. Лилиан в последние дни и так много говорила по телефону с кузиной. Поэтому Глория хорошо знала, как идут дела у Лилиан, Миранды и Бена на Северном острове, а также у Галахада в Греймуте.

В конце концов Джек решил перевести разговор на совершенно безобидную тему.

– В последние дни уже приятно похолодало, – прокомментировал он погоду. – Осень на Южный остров приходит раньше...

Но попытка была провальной. Джеймс использовал любой шанс, чтобы направить беседу в русло военной темы.

– Если ты это называешь холодом, спроси у Хелены про Сибирь!

Девушка смущенно опустила глаза. Она как раз не считала, что на Кентерберийской равнине холодно.

– Вас там интернировали^[17], да? – по-дружески спросил Джек. – Это был трудовой лагерь?

Хелена кивнула.

– Работа на шахтах, – коротко ответила она. Девушка неохотно рассказывала о своей жизни во Львове, но еще больше давались ей воспоминания о годах, проведенных в Воркуте. – А нас, девушек, часто отправляли в лес. Рубить сучья сваленных стволов. Это была не такая уж... тяжелая работа...

– Мне кажется, для подростка она очень трудна, – пораженно заметил Джек. – К тому же в снегу и на холоде. Ваши родители погибли там?

Хелена снова кивнула. Об этом она уж точно не желала говорить. Но Джеймс хотел припереть отца к стенке и сделал это.

– Вот видишь, что случится, если не победить Гитлера! – торжествовал он. – С этими парнями нужно покончить. И важен каждый человек! Каждый мужчина, способный держать в руках оружие!

Такая речь звучала очень патетично. На угловатом лице Джека МакКензи промелькнула усмешка.

– Но это все делал Сталин, ведь по его приказу вас депортировали, правда, мисс Хелена? – спросил хозяин подчеркнуто дружелюбно. – Если я правильно понимаю, Гитлер ввязался в войну, нарушив пакт о ненападении, подписанный с Россией. Сталин сразу нашел союзников, и сейчас его

войска сражаются на той же стороне, что и королевские ВВС...

Джеймс покраснел.

– Что, конечно, может быстро измениться, – спокойно продолжал Джек. – Немцы на данный момент почти разбиты, поэтому мы сразу же могли бы продолжить искоренение зла на земле, например, разбомбить Москву. Совершенно иные воздушные маршруты, Джеймс. Тебе наверняка понравилось бы...

Джеймс хотел вскочить, но тут в спор вовремя вмешалась Глория. Она решительно сменила тему:

– Джеймс сейчас полетит на своем Пиппе в горы и поможет согнать овец. Я решила их забрать с нагорья пораньше, Джек. Все прогнозы погоды говорят о том, что будет ранняя и холодная зима. Я думаю, мы закончим собирать скот самое позднее через четыре-пять недель. Ждать дольше рискованно. А завтра, Джеймс, ты покажешь Хелене ферму. Лилиан рассказывала, тебе понравились конные прогулки. Меня это радует, Хелена. Мы подыщем для тебя смирную лошадь...

Хелена поджала губы. Она не считала, что ей стоит все это принимать как должное.

– Я... я хотела бы не только ездить верхом... читать... и отдыхать. Конечно, я очень рада, что у меня красивая комната, миссис Мак-Кензи... – тихо промолвила девушка, – но я хотела быть чем-нибудь полезной. Если бы вы могли поручить мне какую-нибудь работу...

Глория улыбнулась.

– Ну, что-нибудь всегда найдется, – объяснила женщина. – Сначала ты немного осмотришься, ты же еще ни разу не бывала на ферме. Без работы здесь никто никогда не сидит, ее здесь слишком много!

И это было именно так. Ночью Хелена спала беспокойно, несмотря на усталость. В детстве, во Львове, у нее не было своей комнаты, и сейчас ей не хватало посторонних шумов. Когда на следующее утро девушка проснулась и вышла из дома, то быстро поняла, что работа на ферме не оставляла Глории Мак-Кензи совершенно никакого времени для ведения домашнего хозяйства. Овец во дворе и на лугах вокруг виднелось мало, большинство паслись по нагорью. Но и с бычками работы хватало. Их нужно было напоить и накормить. Много времени уходило на чистку стойл. Когда Джеймс и Хелена отправились осматривать подворье, Джек Мак-Кензи сидел уже на тракторе, а Глория занималась овцами. Большие загоны, где летом откармливались животные, освобождались для скота, который предназначался для разведения и пастись в горах. Хелена заворуженно наблюдала, как собака помогала в этом Глории. Женщина

отдавала колли короткие команды. Джеймс свистнул, и Эйни пришла на помощь хозяину, покусывая отбившихся баранов за ноги.

– Вы можете отвести лошадей на домашнее пастбище, – крикнула Глория Джеймсу и Хелене. – Питеру и Араме нужно вычистить хлев. Поезжайте верхом и заберите с собой овец до кольца каменных воинов...

Хелена радовалась хоть каким-то поручениям матери Джеймса, но не думала, что сможет чем-то серьезно помочь, выгоняя овец. Ей так и не пришлось что-то делать.

Джеймс и его Эйни вместе с еще одной собакой по кличке Среда справились с заданием сами. Хелене снова досталась старая спокойная лошадь, трусившая за крепким меринком Джеймса. Ею даже можно было особо не править. Девушка наслаждалась спокойной ездой. Джеймс следовал за собаками, гнавшими стадо овец. Хелена спрашивала себя, каким образом они находят дорогу. Здесь не было узких извилистых троп, как в Ловер-Хатте, – одни бесконечные пастбища. Неужели Джеймс ориентировался по солнцу?

– Ах, просто повсюду есть дорожные указатели, – рассмеялся парень, когда Хелена задала ему этот вопрос. – Вон, рошица, например, это южные буки, которые здесь часто встречаются. То тут, то там виднеются скалы. Вон те мы называем «кольцом каменных воинов».

Он указал на виднеющееся прямо перед ними необычное скопление утесов. Овцы в этой местности могли пастись свободно.

– Их там кто-то специально поставил? – спросила Хелена. Громадные валуны образовывали круг, словно гномы, окаменевшие в танце.

– Нет, – покачал головой Джеймс, – они стоят тут уже тысячи лет. – Парень спрыгнул с лошади и помог спутнице слезть со своего жеребца. – Такое название придумала бабушка Гвин. Маори именуют это место иначе. Для них это священная земля. Они молятся своим богам и духам в камнях и реках...

– И это их кладбище? – поинтересовалась девушка. В ротонде между валунов она увидела надгробные камни.

– Нет. – Парень провел лошадь между валунами к могилам. – Оно, скорее, наше. Тут покоятся Джеймс и Гвинейра Мак-Кензи. Маори разрешили бабушке Гвин похоронить здесь ее мужа. Он всегда был им добрым другом, говорил на их языке, что тогда считалось редкостью... Погребение – весьма деликатная штука. Конечно, на Киуорд-стейшн есть семейное кладбище, но бабушка Гвин не желала хоронить мужа рядом с Джеральдом Уорденом, и сама она хотела лежать возле Джеймса. Вот почему мои родители, когда она умерла, попросили на это разрешение. На

сей раз получить его было проще. Мисс Гвин пережила Тонгу, а Коуа хотел только денег...

Хелена спрашивала себя, кто такие Тонга и Коуа, однако позабыла об этом, стоило ей подойти к могилам. Она странным образом ощущала близость с похороненной здесь женщиной и немного с мужчиной, могила которого находилась рядом. Маори оказались правы: это место действительно было магическим. Хелену еще никогда в жизни так не брал за душу вид могил. Даже когда хоронили родителей, девушка чувствовала лишь печаль и пустоту. А здесь ощущалось присутствие высшей силы или просто доброго духа.

– Овцы ничего не поломают тут? – спросила Хелена, озабоченно глядя на животных, которые разбрелись рядом с кругом камней и мирно пощипывали травку. – То есть... я хочу сказать, что они могут опрокинуть надгробные камни, если станут здесь пастись...

– Тут с овцами происходит странная штука, – промолвил Джеймс и присел на траву. – Бабушка Гвин много лет не выпасала здесь скот, потому что местные вожди маори были против. Тонга строго придерживался традиций и говорил: кольцо каменных воинов – это тапу^[18]. На самом деле он лишь хотел проявить власть. Бабушка Гвин и Тонга ссорились всю жизнь из-за того, кто должен распоряжаться этой землей. Спор уладили только мои родители. У моей матери – маорийские предки, она долгое время жила возле нгаи таху^[19] и знакома с их обычаями. Она смогла доказать Тонга, что половина святылец на Киурд-стейшн на самом деле не тапу. С тех пор на этой земле снова можно пасти скот. Однако траву внутри каменного круга животные сами почему-то не трогают. Не знаю, с чем это связано. По утверждению Моаны, они ощущают там нечто духовное, но я этого понять не могу. Может, просто место такое. На каждом пастбище есть подобные. На них трава почему-то животным не нравится.

– Кто эта Моана? – поинтересовалась Хелена, когда Джеймс придержал лошадь, чтобы девушка могла сесть в седло.

Наверное, влезать на жеребца будет проще, если носить бриджи, как у Глории. Но Хелена до войны никогда еще не видела женщин в брюках, а в Персии и в Индии тем более. В маленьком городке Паиячуа таких женщин тоже не было. Только в Веллингтоне девушка заметила несколько светских дам, носивших элегантные широкие брюки.

– Просто подруга, – уклончиво ответил Джеймс. – Дочь Коуа.

– А кто такой Коуа? – снова спросила Хелена.

– Нынешний вождь, – объяснил парень. – Это арики^[20] нашего

местного племени маори. Хапу^[21] нгаи таху.

Хелена кивнула. Она все поняла: в конце концов, девушка целыми днями слушала истории Бена Биллера. Нгаи таху – племя, к которому относились почти все маори на Южном острове. На Северном же было много племен. В основном их представители жили на одной территории, очень большие племена разделялись на несколько тапу. Изначально у каждого тапу была собственная мараэ. Сейчас многие люди одного племени живут за пределами своих исконных территорий.

– Здесь есть какая-то мараэ неподалеку? – спросила Хелена, решив блеснуть полученными знаниями.

Джеймс кивнул и свистом подозвал собак. Настало время возвращаться домой.

– Да, в непосредственной близости, – ответил он. – Раньше нгаи таху жили прямо на территории Киуорд-стейшн, у маленького озера, сбоку от подъездной дороги. Потом они переселились на собственную землю. Маори живут на бывшей ферме О’Кифи, граничащей с Киуорд-стейшн. И оттуда их никто не может прогнать, неважно, сколько требований выпишут в Халдоне...

– Почему все не хотят, чтобы они жили здесь? – испуганно спросила Хелена. Она вспомнила маори из Палмерстона. – То есть... они ведь никому не мешают.

– Так это воспринимают, – пожал плечами Джеймс. – Многие люди из деревни злы на них. А мы ладим с ними вполне хорошо, если не принимать во внимание ссоры с Тонга. Есть ведь еще родственные связи. Моя прабабка по материнской линии – из этого племени, кроме Кура-маро-тини, у нее были другие дети. То есть у Глории есть еще дядья и тетки в мараэ, а у меня двоюродных и троюродных братьев и сестер столько, что и сосчитать не могу. У моего отца всегда были друзья в племени, и поговаривают, моя мама едва не вышла замуж за Вирему – старшего брата Коуа... Я мог бы тебе еще столько историй рассказать, но сейчас мы отправимся верхом к ангару, и я покажу тебе Пиппу!

По правде говоря, Хелену очень увлекли семейные истории Мак-Кензи. Они были намного интереснее, чем ярко-желтая одномоторная летающая машина, ожидавшая своего пилота в гараже из гофрированного металла. Джеймс восторженно описал все функции и готов был немедля совершить с девушкой обзорный полет.

Наступило время возвращаться на ферму. Джек и Глория ожидали от Джеймса помощи: нужно было накормить животных. Парень оказался очень совестливым. Хелена тоже старалась ему помогать, хоть мышцы у

нее побаливали после долгой езды. Девушке сразу понравилось подкладывать сено в кормушки и для подстилки лошадям, такая работа радовала ее: животные ржали в нетерпении и били копытом о землю, когда замечали Хелену с ведром овса.

– Они на самом деле понимают людей! – в восхищении рассказывала она за ужином.

Беседа шла заметно непринужденнее, чем вчера вечером. Даже Джеймс перестал молчать и отвечал на вопросы, касающиеся овец и фермы. И наконец темой разговоров опять стали маори.

– А где, собственно, Моана? – поинтересовался Джеймс у матери, лакомясь бататом и бараниной. – Обычно она приходила к нам после обеда почти каждый день.

– В Данидине, – ответила Глория. – На учительском семинаре. Ты же знаешь, она устроилась на работу. Вскоре после того, как ты уехал, ей пришел положительный ответ. Я не имею представления, были у нее каникулы между семестрами или нет. Может, она осталась с семьей Вирему...

– Но... – Хелена вспомнила историю Бена Биллера по поводу одного из романов Лилиан, главной темой которого стала жизнь дочери вождя. – Разве не ты говорил, что Моана – дочь арики? – обратилась девушка к Джеймсу. – Как же она могла уехать? Я думала... Собственно, профессор Биллер считает, что дочери вождей для племен вроде жриц. Что они имеют большое... эм... спиритуалистическое значение. – Хелена запнулась на новом для нее слове.

Присутствующие за столом рассмеялись.

– Бен живет немного в другом мире, – пояснил Джек. – В царившем примерно лет сто назад. Тогда семьи вождей подчинялись строжайшему табу, существовало много вещей, которые они обязаны были делать, другими словами, что им предписывалось... Бен может говорить на данную тему часами, и это очень интересно. Нгаи таху уже не так сильно придерживались традиций, когда основали Киуорд-стейшн. Они относились к переселенцам из Европы более терпимо, чем племена на Северном острове. С одной стороны, потому что вскоре чужаков стало больше, чем их, а с другой – они просто считали это выгодным. Культура, которую они привезли с собой из Полинезии, не выручала их во многих жизненных ситуациях в Новой Зеландии, особенно на Южном острове. Люди замерзали в традиционной одежде, у них практически не было домашних животных, племена жили только охотой и немного земледелием, потому что традиционные овощи здесь росли плохо, за исключением

кумары. А потом пришли белые люди и привезли с собой овец и крупный рогатый скот, у чужаков была теплая одежда, одеяла, вещи домашнего обихода, различные семена... Нгаи таху сразу стали вести с ними торговлю. Маори, конечно, часто подвергались обману, очень многие дельцы выменяли тысячи гектаров земли на несколько одеял и предметы быта...

– Не говори так плохо о наших предках! – вмешалась Глория. – Джеральд Уорден тоже был из таких «дельцов», – объяснила она Хелене.

– Но он не из моих предков, – заметил Джек и усмехнулся. – Это только твои предки, любимая.

Глория улыбнулась в ответ.

– Бабушка Гвин позже выплатила племени компенсацию, – продолжала хозяйка. – Однако Джек все-таки прав: вождей, проводивших кровавые ритуалы и отправлявших воинов племени на битвы при помощи девственных дочерей, больше не существует. Я думаю, у нгаи таху уже давно нет ни времени, ни энергии на эту ерунду: у них достаточно забот, связанных с поиском средств пропитания. В определенном смысле Моана все же пытается поддержать духовное начало своего народа. Она придерживается традиции арики тапаиру... И в обязанности тохунга входит также учеба.

– В европейских королевских домах принцессы сейчас даже машины сами ремонтируют... – добавил Джек, имея в виду занятия наследницы британского престола, обусловленные военным временем. – Почему бы и нашим дочерям вождей не пойти учиться?

Хелена, как и Глория, заметила, что Джек тем самым намекал на военную тему, но Джеймс и не попытался воспользоваться шансом, чтобы затеять новый внутрисемейный спор. Мать Джеймса подмигнула девушке, когда та попрощалась и пошла наверх спать.

– Доброй ночи, Хелена. Очень хорошо, что ты сейчас с нами!

Миражи

*Кентерберийская равнина, Новая Зеландия (Южный остров), Паиячуа
(Северный остров)*

Январь – июнь 1945

Глава 1

Когда Джеймс несколько дней назад уговорил Хелену сделать обзорный полет на своем Пиппе, девушка никому не обмолвилась и словом, насколько она боится. Глория, казалось, заметила, что это написано у нее на лбу.

– Ограничься обзорным полетом, – уговаривала она сына. – Не сгоняй пока овец в долину, хотя я знаю, у тебя уже руки чешутся. Иначе девочка больше никогда и никуда с тобой не полетит!

Если бы Хелене было известно, что для сгона овец с воздуха нужно выполнять смелые маневры, она, наверное, умерла бы от страха. Но Глория, возможно, беспокоилась только о том, чтобы девушку не стошнило. Сразу после взлета, как только Джеймс вошел в лихой вираж, Хелене действительно стало дурно. Она сидела на узком пассажирском кресле позади пилота. Маленький самолет сильно накренился. Ее вжало в сиденье, и девушка едва сдержалась, чтобы не закричать. Потом постаралась сконцентрироваться на видах, а не на возможных опасностях, связанных с полетом. Хелена смотрела на дали Кентерберийской равнины, где даже громадный дом на усадьбе Киуорд-стейшн казался крошечным, словно кукольным. Джеймс показал ей реки Ваимакарири, Ракаию и Селуин, на берегах которых паслись овцы и бычки. С высоты птичьего полета можно было легко рассмотреть соседские овечьи фермы с пастбищем, как будто подстриженным ножницами. Изредка встречались бедные хижины и домики.

– Раньше это были мараэ, – вполголоса комментировал Джеймс. – В них больше никто не живет. Теперь они разрушаются...

У Хелены возникло много вопросов, но из-за шума пропеллера нормально поговорить не получалось. Джеймс кричал ей в ответ. Они как раз пролетели над маленьким городком Халдон, и парень что-то объяснял ей про шахты, однако Хелена не все поняла. Потом он взял курс на горы. У девушки перехватило дух, стоило им достигнуть отрогов Южных Альп. Покрытые снегом вершины лежали перед ними как на ладони. Хелена разглядывала ущелья внизу и высокие скалистые гребни. Конечно, Джеймс не смог сдержаться, когда в предгорьях они заметили первых овец. Парень в восторге спикировал на них, чтобы согнать животных с пастбищ на склонах в котловину. Джеймс вспомнил о своей робкой пассажирке, только услышав испуганный крик Хелены.

– Это неопасно! – заверил он ее, но больше не повторял таких маневров.

Восхищаясь горными озерами и чарующими видами, Хелена вскоре вновь позабыла о страхах.

– Ну что, было красиво? – торжествующе спросил Джеймс, когда они наконец приземлились.

Хелена сдержанно кивнула. Красота Альп и ландшафты Южного острова очаровали ее, и все же девушка была счастлива снова почувствовать твердую почву под ногами. Привязанная в ангаре Эйни тоже обрадовалась их возвращению. Она уже приветствовала Хелену как еще одного из членов семьи, и у девушки от этого сразу потеплело на душе. Животные на Киуорд-стейшн обогащали жизнь людей, живущих там. Уже спустя несколько дней, проведенных на ферме, Хелена всем сердцем привязалась к собакам, кошкам и лошадям. У ее семьи никогда не было домашних любимцев. Вспоминая о войне, она была этому только рада. После их депортации животные умерли бы от голода в пустой львовской квартире. А теперь девушка наслаждалась общением с четвероногими созданиями и гордилась, что изо дня в день приносит все больше пользы на ферме.

Завтраки, обеды и ужины у Мак-Кензи проходили в очень непринужденной атмосфере. В тот вечер Джеймс рассказывал о полете. При этом он похвалил Хелену за ее смелое поведение. Девушка покраснела.

– Что ты говорил о шахтах в Халдоне? – спросила она, чтобы отвлечь от себя всеобщее внимание. Джеймсу нужно было в один из следующих дней поехать туда и закупить материалы для ремонта. – Я тебя в самолете не поняла. Здесь на самом деле есть горные предприятия?

– Есть несколько, – ответил Джек. – Но их времена давно прошли. В середине XIX века в регионе Маунт-Хатт, Маунт-Сомерс были различные рудники. В основном угольные шахты, однако несколько оптимистов искали также золото. Здесь открыли большие залежи каменного угля, как на западном побережье. Шахтеры наводнили эти места. Недалеко от нашего сонного городка Халдон тоже были шахты, благодаря им некоторое время город бурно развивался. Была работа, основывались фирмы, Халдон рос. Но потом уголь иссяк. Шахты закрывали одну за другой, сейчас сохранились только одна или две на весь регион, да и те скоро прекратят существование. Их просто невыгодно больше развивать. На западном побережье при тех же затратах можно добывать угля втрое больше.

– И золота тут никогда не было в достаточном количестве, – добавила Глория.

– Здешним городкам это не пошло на пользу, – продолжал Джек. – Часть работников переселилась, когда шахты закрыли, многие тут основали семьи, сроднились с этими местами и не покинули их. Население Халдона сейчас намного больше, чем до строительства шахт. Причина всех бед – безработица...

– Но такого быть не должно! – вмешался Джеймс. – Теперь ведь идет война! Если бы все мужчины пошли добровольцами...

Джек Мак-Кензи закатил глаза.

– Тогда бы в городе ко всему прочему прибавилось бы еще вдов и сирот, о которых пришлось бы заботиться, – заметил он.

– И все же Джеймс прав, – промолвила Глория, прежде чем сын успел отреагировать и ввязаться в ссору с отцом. – В Новой Зеландии не должно быть безработицы. Мужчины могли бы отправиться в большие города на индустриальные предприятия. На фабриках уйма работы, по крайней мере, она появилась с началом войны. Местные овощи и мясо перерабатываются в стране и затем отправляются в Европу. И этим парням в Халдоне, шатающимся без дела, я не особо сочувствую. Когда люди хнычут, за их жалобами кроется бездеятельность. В любом случае...

Хелена задумалась над тем, что могли бы значить последние слова, но считала, что лучше сменить тему. Отец и сын общались значительно продуктивнее, говоря о собаках или лошадях.

На следующей неделе Хелена сопровождала Джеймса в поездке в Халдон, Глория Мак-Кензи составила для них длинный список покупок.

– Вы не хотели бы поехать сами? – смущаясь, спросила Хелена у хозяйки, когда заметила в списке туалетные принадлежности и одежду.

Конечно, выбор шерстяных свитеров в маленьком городском магазинчике был не очень велик, поэтому девушка не могла промахнуться в вопросе моды и вкуса. Несмотря на это, женщины, как правило, выбирали себе вещи сами. Выезд в город для них был событием, особенно если они безвылазно сидели на фермах, как Глория Мак-Кензи.

Глория покачала головой, сославшись на массу работы, и свистом подозвала собак. Только Эйни запрыгнула в пикап к Джеймсу.

– Моя мать не любит ездить за покупками, – объяснил парень, когда они отъехали. – Она вообще не любит куда-нибудь выбираться. И то, что она забрала нас в Литтелтоне, – это уже большое достижение. Обычно приезжал папа, но мама, наверное, боялась, что на обратной дороге мы с

ним растерзаем друг друга. Однако можешь поверить, она предпочитает оставаться на Киуорд-стейшн. Наверное, мама благодарит небо за твое появление. Без тебя ей пришлось бы самой отправиться в этот ад...

Хелена нахмурилась.

– А что такого опасного в магазинах Халдона? – поинтересовалась девушка.

– Если бы ты спрашивала у меня, я бы ответил «ничего», – пожал плечами Джеймс. – Владелица магазина, точно сплетница, стала бы выпрашивать все у мамы и смотреть искоса: мама, если и решится поехать в город, то никогда не наденет платье. Для матери это все – сплошной ужас. Она просто нелюдима. Может быть, такая черта характера связана с воспоминаниями детства. Вместе с тетей Лилиан мама воспитывалась в большом английском интернате. Лилиан было очень весело, а вот маме – наоборот. Она вернулась на Киуорд-стейшн, только когда окончилась Первая мировая война. Родители забрали ее в Америку, где жили в то время... Я не знаю, что там случилось, она неохотно говорит об этом. Но, вероятно, мама сделала все возможное, чтобы каким-то образом возвратиться домой через Австралию. И теперь никуда не уедет.

Хелене все это показалось странным, однако она промолчала. Дороги здесь лишь частично были асфальтированными, между тем пара добралась до Халдона быстро. Городок действительно оказался абсолютно невзрачным. Магазин деревянных и скобяных изделий, мелочная лавка, почта, столярная мастерская и кузница. Но по-настоящему тут процветала лишь торговля спиртными напитками. Хелена насчитала три пивных, все открытые, несмотря на утреннее время.

– Мужчинам нечем заняться, – неодобрительно бросил Джеймс, когда заметил удивленное лицо девушки.

Безусловно, он разделял мнение матери о безработице в Халдоне. Ее влияние было заметно не только в вопросе пабов. Вокруг лавки скобяных изделий, где Джеймс припарковал пикап, слонялись без дела несколько довольно молодых мужчин.

– Обрато вернулся, Мак-Кензи? – заговорил один из них с Джеймсом. – Всех нацистов застрелил?

Остальные мужчины расхохотались.

– Или ты здесь кому-то понадобился? – спросил другой. – Тут шушок прошел, будто домой тебя забрал папочка. Оказывается, ваша Киуорд-стейшн – это важное военное предприятие!

Снова раздался хохот.

– Может, вам нужны еще несколько работяг, если все так хорошо? –

поинтересовался один из парней.

Джеймс покачал головой, очевидно радуясь возможности дать хоть какой-то предметный ответ. Но он не пришелся по вкусу.

– Мне очень жаль, Джеб, у нас достаточно работников. Может статья, матери потребуется несколько помощников для сгона скота в следующем месяце, но речь идет только о людях с опытом. Как бы то ни было, спроси у мисс Глории.

Хелене это тоже показалось странным, однако девушка уже привыкла, что хозяйку фермы все знакомые и работники называли мисс Глория. Очевидно, по аналогии с ее предшественницей – знаменитой мисс Гвин.

– Мисс Глория набирает только маори, – бросил мужчина, шутивший о военном значении фермы Киурд-стейшн. – Она без ума от этих дикарей. Может, просто потому, что они дешевле...

Казалось, Джеймс хотел что-то ответить, но снова сдержался.

Хелена вспомнила: до сих пор близко познакомилась лишь с одним работником на Киурд-стейшн – Мааккой, старшим рабочим. Действительно, он был маори и тесно дружил с Джеком Мак-Кензи. Других помощников девушка знала лишь по именам. Она припомнила Питера – вполне английское имя – и Араму.

Джеймс поздоровался, весело сказав «киа ора» служащему скобяного магазина – маори. Оба обменялись несколькими фразами на языке аборигенов. Хелена уже знала, что Джеймс говорит на нем бегло.

– А это миссис Грабовски, – представил он девушку, перейдя на английский, чтобы и другие покупатели знали о госте Киурд-стейшн.

Хелена сразу покраснела и неуверенно глянула на обручальное кольцо, которое она в тот день снова надела. Джеймс специально лишней раз напомнил девушке, чтобы она о нем не забыла.

– Миссис Грабовски – полячка, военная беженка, – добавил парень. – Ее муж погиб на войне.

Хелена поджала губы. Она надеялась, люди не станут ее расспрашивать.

Молодой маори кивнул.

– Хаэрэ маи, мадам. Меня зовут Кори. Приношу соболезнования по поводу вашего мужа. Надеюсь, вам нравится в нашей стране.

Потом они с Джеймсом говорили о гвоздях и болтах. После того как сделка состоялась, Хелена помогла Джеймсу погрузить покупки в пикап. Кори и не подумал прийти на выручку. Так же безучастно стояли мужчины, до этого интересовавшиеся работой.

– А маори могут попроситься добровольцами в армию? – спросила

Хелена, когда они с Джеймсом шли в универмаг на другой стороне улицы.

– Конечно, – кивнул молодой человек, – они сознательные граждане. По крайней мере, теоретически. На практике в последние годы культуры смешиваются редко. Вероятно, могли бы возникнуть проблемы, если бы маори стали служить вместе с пакеха. Британцы создают специальные маорийские батальоны. О них очень хорошие отзывы. Маори ведь испокон веков считаются воинами. При необходимости они дерутся, как берсерки^[22]. Но маори неохотно идут в армию. В общем-то, это понятно. После того, как с ними обращались белые...

Джеймс покосился на один из пабов, из которого как раз вышвырнули двух маори. Хозяин не показывался, однако посетители вели себя грубо до тех пор, пока маори не ушли. Еще один маори разгружал ящики с выпивкой из грузовой машины и заносил их с черного хода в бар. В универмаге работала девушка маори, расставлявшая товар по полкам.

– Побыстрее, Река, ты заснула, что ли! – раздался требовательный голос после того, как девушка обменялась приветливым «киа ора» с Джеймсом. – Если не следить за этой девчонкой, она словно спит с открытыми глазами, – виновато заметила женщина, глядя на Джеймса и Хелену. – Такая же глупая и ленивая, как и младшая, работавшая у меня до нее...

Она говорила так громко, что Река все слышала. Хелену это неприятно задело. Полячка надеялась, Джеймс защитит молодую девушку. Но парень пренебрег этим и обратился со своими вопросами к тощей хозяйке магазина.

– Миссис Бойсен, позвольте вам представить миссис Грабовски!

Хелена попыталась не раскраснеться, когда Джеймс рассказывал историю о якобы ее муже, погибшем на фронте.

– Миссис Грабовски поживет у нас несколько месяцев, будет оказывать помощь матери, – продолжал Джеймс. – Пожалуйста, помогите ей со списком, который написала моя мама. – Он улыбнулся и Хелене, и миссис Бойсен. – И включите это все просто в наш счет.

Миссис Бойсен, в тот же миг превратившись в самую любезность, провела Хелену к текстильным товарам, по пути ругая Реку, которая собирала другие покупки.

Девушка маори молча взяла список. Очевидно, она умела читать, значит, была не такая уж и глупая.

– Я тогда зайду пока в кузницу, – попрощался Джеймс. – Как только справлюсь, заберу тебя.

Миссис Бойсен сразу начала пробовать на зуб «польскую квартирантку

Мак-Кензи», как она сама выразилась. Хелена тем временем поняла, почему Глория не любит ездить в Халдон. Это нельзя было назвать просто беседой – это был допрос. Но девушка держалась смело. Она притворялась, будто не понимает вопросов, если те оказывались слишком личными. Коротко рассказав о депортации семьи в Сибирь, утверждала, что там познакомилась с мужем, который после освобождения тут же вступил в только что созданную польскую армию.

– Он вскоре погиб, – подытожила Хелена и повертела кольцо на пальце, надеясь выглядеть более естественно.

– Значит, вы не с Джеймсом Мак-Кензи?.. – дерзко спросила миссис Бойсен, глядя при этом на живот Хелены.

Девушке снова это не понравилось. Ее беременность еще совсем не была заметна, но миссис Бойсен, казалось, обладала магическим взглядом.

– Нет, конечно нет, – покачала головой девушка. – Джеймс ведь был в Англии. А я находилась в Персии. А потом в Паиячуа. Меня познакомила с Джеймсом Миранда Биллер, это его кузина.

Такая информация, видимо, удовлетворила любопытство хозяйки магазина.

Хелена выбрала для Глории синий свитер и две рабочие рубашки в клетку, которые, по мнению девушки, пошли бы матери Джеймса. Миссис Бойсен, разумеется, знала размер Глории. Недолго думая Хелена решила купить также рубашку своего размера и смело спросила о бриджах. Хозяйка магазина с отвращением скривила губы в ответ.

– Это же сделает вас совершенно некрасивой, дитя мое, – предупредила она Хелену, но все же показала несколько пар, скроенных на парней и с очень широкими раструбами штанин.

Хелена попросила принести рабочие штаны и рубашку в сине-желтую клетку, потом подошла к зеркалу. Девушка в отражении показалась Хелене совершенно незнакомой. Она больше не была тощей, фигура приобрела женственные формы. Причиной тому являлась беременность. Теперь Хелена не походила на девчонку, за которую могла сойти еще несколько месяцев назад, но от этого она не стала менее привлекательной. Девушка внимательно смотрела на свое пухлое лицо и блестящие, связанные в хвост волосы, потом на грудь, стройную талию и почти плоский живот. Едва ли миссис Бойсен могла заметить, что покупательница беременна! Бриджи хорошо сидели на ее длинных ровных ногах... Хелена улыбнулась своему отражению, и в тот же миг в магазин вернулся Джеймс.

Она смущенно заметила, как блестят глаза парня. Неужели она ему нравится? Хелена ожидала от него хотя бы комплимента. Но Джеймс

сдержался.

– М-м-м, ты подражаешь моей матери? – равнодушно спросил он. – Что ни говори, это будет удобно: ты станешь надевать штаны для верховой езды.

– И... и для работы на конюшне. Возможно, я могу...

Хелена вдруг осознала, что без спроса хотела включить эти вещи в счет Мак-Кензи. Она бы потом предложила Джеймсу отработать потраченные деньги. Но, прежде чем девушка успела произнести хоть слово, парень улыбнулся ей.

– Конечно, ты можешь взять эти вещи. Ты непременно должна купить их. Миссис Бойсен, как уже было сказано, включите все в счет Мак-Кензи. Мой отец оплатит это, как всегда, в конце месяца. Ты справилась, Хелена?

Девушка покраснела, когда Джеймс сказал о счете.

– Да... только мне еще нужно переодеться...

– Как по мне, ты можешь идти прямо в этом, – пожал плечами Джеймс. – Запакуешь ее вещи, Река? Это было бы очень любезно с твоей стороны.

Он улыбнулся девочке маори и поставил подпись под счетом, который принесла миссис Бойсен. Хелена робко последовала за парнем на улицу. Она опасалась, что мужчины из бара станут делать недвусмысленные замечания. Но этого не произошло. Только две дамы, встретившиеся им на пути, поздоровались с Джеймсом и взглянули на девушку с любопытством и неодобрением. Женщины тут же исчезли в магазине.

– Сейчас они там тебе все кости перемоют, – заметил парень, открывая дверцу пикапа со стороны водителя. Потом его равнодушный взгляд сменился одобрительной улыбкой. – Ты вообще выглядишь... То есть, надеюсь, я не слишком навязчив, но ты выглядишь просто сногшибательно!

Глава 2

– Куда мы теперь? – спросила Хелена, когда Джеймс на перекрестке не поехал из Халдона в Крайстчерч, к Киуорд-стейшн, а свернул раньше.

Пикап подпрыгивал на сплошных выбоинах дороги: она не была асфальтированной.

– К деревне маори, – ответил парень и затормозил перед ручьем, перерезавшим дорогу.

Джеймс медленно переехал через русло.

– Чтобы договориться насчет помощников для сгона скота? – догадавшись, спросила Хелена.

– Ты права, – ответил он и улыбнулся. – Мы предпочитаем нанимать маори, а не таких тунеядцев, как Джеб Гарденер.

– И так поступают все, да? – заметила девушка. – В магазине скобяных изделий... У миссис Бойсен...

Джеймс удивленно взглянул на нее.

– Ты же не станешь сравнивать нас с такой змеей, как миссис Бойсен!

Хелена тут же в испуге поджала губы.

– Конечно нет... – замялась она. – Я... я просто хотела сказать... В общем, миссис Бойсен ведь не лучшего мнения о своих работниках... Почему же она не наймет кого-нибудь из белых, если ей так не нравятся маори?

– Потому что белые работают не лучше, а денег требуют больше и не терпят тумачков и оскорблений! – ответил Джеймс. – Она отвратительно ведет себя с бедной Рекой. А Река – очень умная девочка, в школе училась отлично. Моана все убеждала ее, что нужно идти в университет и получать образование дальше. Вместо этого та забеременела. Муж пьет, а Реке приходится выискивать способы, как заработать достаточно денег, чтобы все выжили. Поэтому вся злоба миссис Бойсен отскакивает от нее как от стенки горох.

– У нее есть ребенок? – удивилась Хелена. – Она так молодо выглядит. Я бы дала ей максимум шестнадцать.

– Она и не старше, – ответил Джеймс. – Но Река не исключение. Девочки маори нередко беременеют очень рано. А потом снова и снова. Они рожают слишком много детей, зарабатывают мизер денег. Нормальные профессии получают единицы. Это касается как мужчин, так и женщин. Потому им и достается только плохо оплачиваемая работа на белых. И они

ее делают ровно настолько хорошо, чтобы их не уволили. Река – исключение, она очень старается, но Кори в скобяной лавке... тот пальцем лишний раз не пошевелит.

– Это печально... – Хелена снова подумала о ярких хижинах для общинных собраний и таинственных историях нгати рангитане. Биллер также рассказывал о гордых воинах маори, сильных женщинах-вождях и хитрых богах, о красивой резьбе по дереву, охоте и рыбалке. Почему маори здесь были совершенно другими? – Почему они такие... безразличные?

– Маори или белые? – язвительно переспросил Джеймс, но потом вновь стал серьезным и ответил: – Прежних структур в племени больше не существует. По крайней мере, так говорит дядя Бен. Люди уподобляются пакеха, однако делают это неохотно. Они хотят зарабатывать деньги, но не осознают, зачем напрягаться. Не то чтобы они были убежденными лентяями, я такого сказать не могу. Они просто не понимают взаимосвязи: сначала нужно закончить школу, пойти в университет, а затем получить хорошую работу. Большинство маори бросают школу слишком рано, уходят из племени в города, чтобы работать на фабриках, и потом глубоко несчастны. Кроме того, они слишком много пьют... порочный круг...

Джеймс был расстроен, он осторожно провел пикап под аркой въездных ворот в мараэ. Раньше здесь стояли статуи богов, как в деревне у Палмерстона.

– А у них разве нет... тики? – спросила Хелена и повертела в пальцах маленький амулет.

– Ты говоришь словно студентка Бена Биллера на первом семестре по курсу мифологии, – рассмеялся Джеймс, поддразнивая девушку. – Хорошо выучила. Все в прошлом. Сейчас большинство маори обращено в христианство. Существуют, конечно, еще суеверия. Встречаются иногда люди, которые верят в старых богов и по желанию колдуют. Но основная масса ходит в церкви пакеха или больше вообще ни во что не верит. Люди просто плывут по течению...

Мимо пикапа промелькнули первые дома. Хелена подумала, что эта деревня выглядит очень печально. Раньше ей казалось, мараэ нгати рангитане в запустении, но там были в порядке хотя бы важные общественные здания. А это поселение почти полностью в упадке. Джеймс уступал дорогу свободно бегающим курам и свиньям, босоногие, полуодетые дети смотрели на чужаков без особого удивления. Как и старики, сидевшие возле домов. Многие попивали из бутылок виски. Иногда подле хижин были привязаны тощие лошади, но чаще стояли автомобили, похожие на кучи металлолома, которые едва ли уже можно

будет когда-нибудь завести. Энергичными здесь были только несколько дворняг, что лаем провожали пикап.

Джеймс направил машину в центр поселка. Тут не было ярко раскрашенного дома для общинных собраний, лишь старое здание фермы.

– О’Кифи-стейшн, – пояснил он. – Ферма принадлежала некоему Говарду О’Кифи, была основана в то же время, что и Киуорд-стейшн. Уорден и О’Кифи являлись конкурентами, от второго удача отвернулась. В то время как Киуорд-стейшн процветала, О’Кифи сделал неправильные инвестиции и ничего потом не получил. Старик Говард не разбирался ни в деньгах, ни в овцах. О его жене маори говорят по сей день. Хелен О’Кифи основала школу и очень заботилась о благе аборигенов. Когда Говард умер, она продала землю мисс Гвин, переданную ею маори. Дом пришел в упадок, Тонга им не пользовался. Он отвергал все элементы культуры пакеха. С Коуа теперь все иначе...

Джеймс указал на вход во двор. Его точно не красили уже несколько десятков лет. Перед все еще крепким рубленым домом развалился в кресле-качалке мужчина. Он выглядел намного моложе Джека Мак-Кензи, но возраст было трудно определить наверняка. В отличие от других маори, которых Хелена видела до того, лицо мужчины покрывали боевые татуировки.

Он с недоверием смотрел, как Джеймс парковал пикап.

– Kia ora, арики, – поздоровались они, выйдя из автомобиля.

Мужчина ухмыльнулся.

– Kia ora, мальчик Джимми. Ну, вернулся с войны? Надеюсь, ты отрезал головы нескольким врагам и хорошенько их подкоптил?

Хелена поджала губы. Об этой нелицеприятной традиции Джеймс ей тоже немного рассказывал. Лириан в своем загородном доме запретила за ужином говорить о подробностях.

– Этого сегодня уже никто не делает, – коротко ответил Джеймс, чтобы тут же перейти к делу: – Коуа, меня послала мать. Мы скоро хотим сгонять овец. Лето в этом году совсем подвело. Слишком холодно для данного времени года. Погода скоро резко изменится. Наверное, ты тоже слышал...

Маори, кивнув, указал на простенькое радио, стоявшее рядом. Из него с сильными помехами доносились звуки свинга.

– Боги предали нас, – промолвил вождь.

Хелена заметила, как Джеймс закатил глаза, и задумалась, не пьян ли Коуа.

– Было бы очень любезно с твоей стороны прислать несколько людей, – по-деловому продолжал парень. – Вот бы Харе и Эти не пили пару

дней. И Корака с Ревии.

Коуа пожал плечами:

– Я спрошу их. Если не забуду... – Переведя взгляд на Хелену, он спросил: – Кто это?

Хелене стало стыдно за свои штаны и фланелевую блузку, но тут же она заметила, что Коуа смотрел на нее не похотливо. Если вообще можно было угадать какие-то эмоции по его взгляду, то в них читалась насмешка. Вождь этого племени носил джинсы «Деним» и клетчатую рубаху. Волосы, посеребренные первой сединой, спадали на плечи длинными жирными прядями.

– Твоя вахинэ? – усмехнулся Коуа. – Военный трофей из Европы?

Хелена не поняла, но Джеймс серьезно разозлился.

– Это гостья, Коуа, просто гостья. Твои люди должны ее встретить вежливо, – строго дал понять парень. – Мисс Глория еще раз сама заедет узнать насчет работников и скажет точно, сколько нам необходимо.

– Ах, время... – зевнул Коуа. – И нга ва о муа... – Вождь, отмахнувшись, взялся за бутылку, стоявшую под стулом. – Не хочешь глоточек, мальчик Джимми? Или вахинэ?

Джеймс покачал головой.

– Спасибо, – холодно ответил он. – Водку мы не будем. Еще слишком рано. У нас впереди все будущее, которое мы не хотим пропить.

Парень попрощался, дружелюбно помахав рукой, чтобы не показаться снисходительным. Потом открыл дверцу пикапа перед Хеленой.

– Это вождь? – удивленно спросила девушка, когда они отъехали. – Он был... мне показалось, он был пьян.

Джеймс со вздохом кивнул.

– Да. Поэтому маме придется приехать сюда еще раз, и отец заглянет, если будет проезжать мимо. На Коуа совершенно нельзя положиться, но он единственный, кто может заставить мужчин работать. Когда мы с ними говорим лично, они всегда соглашаются, а потом приходят, только случайно вспомнив. Они всё слушают краем уха. Мы их нанимаем не потому, что они просят за свою работу меньше, просто маори умеют обращаться с овцами. А кроме того, с лошадьми и собаками.

Машину тряхнуло на выбоине.

– Что арики говорил про меня? – вновь перевела тему на Коуа Хелена. – Что означает «вахинэ? И это «и га»?..

– И нга ва о муа, – поправил ее Джеймс. – Вахинэ – просто женщина, жена или любовница. Коуа употребляет это слово в очень непочтительной форме, как по мне, поэтому я и разозлился на него. А «и нга ва о муа»... В

понимании маори это что-то связанное с прошлым. Дословно – «времена, которые лежат позади». Я никогда не понимал взаимосвязи, однако моя мама в юности очень интересовалась мировоззрением маори. Если ты хочешь узнать больше, спроси у нее. Или у дяди Бена, коль ценишь лингвистический анализ и сравнение родственных полинезийских культур. – Джеймс улыбнулся. Его настроение заметно улучшилось.

Девушка уже больше ничего не понимала, но философия маори сейчас интересовала ее не так сильно. Джеймс защищал Хелену и потребовал от Коуа относиться к ней с уважением. Она прочла достаточное количество английских женских романов, поэтому знала: воспитанные джентльмены всегда ведут себя таким образом. Возможно, Джеймс повел бы себя так с любой женщиной. Это было настолько привычно для него, что он опекал даже незнакомку, забеременевшую от другого мужчины. И все же Хелена была отчасти разочарована и снова злилась на нежеланного ребенка в животе. Он отбирал у нее все шансы завязать роман с Джеймсом. Наконец Хелена заставила себя успокоиться. Она не должна влюбляться в Джеймса, иначе ее положение только ухудшится.

Вскоре наступило отрезвление. Когда парень и девушка спустя несколько минут приехали на Киуорд-стейшн, что действительно находилась очень близко от деревни маори, они не увидели Глорию Мак-Кензи за работой в конюшне, как обычно происходило в это время.

– Мисс Глория в доме, – сообщил работник, вместо хозяйки безрадостно насыпая овес в кормушки для лошадей.

Хелена тут же заволновалась. Неужели мать Джеймса заболела? Она всегда наблюдала за тем, как кормят животных, а в этот день вдобавок и сына не было на ферме.

Но сам парень казался спокойным. Он даже не сделал попытки найти мать, а отправился с Хеленой и Эйни забирать лошадей.

– Ну а что такого? – ответил он, когда Хелена высказала свою озабоченность. – Может, у нее гости. Наверное, какой-нибудь животновод приехал, ездит теперь с отцом, смотрит овец, а маме приходится развлекать его жену. Вероятно, она сейчас в отличном настроении...

Джеймс подмигнул Хелене, и та с облегчением улыбнулась. Если Джек был занят гостем, это, конечно, объясняло отсутствие во дворе чужой машины.

Вместе с работником они быстро накормили животных. Потом Хелена и Джеймс отправились в дом.

– Чтобы окончательно испортить маме день, расскажем еще и про Коуа, – промолвил молодой человек. – Она будет просто «счастлива»,

узнав, что нужно куда-то выезжать из дому...

Войдя в особняк, они сразу услышали голоса наверху, и Хелена тут же захотела подняться к себе в комнату, чтобы сменить наряд. Она охотно показала бы свой новый костюм Глории Мак-Кензи, но стеснялась делать это перед другими женщинами. А звонкий голос, доносившийся сверху, явно принадлежал какой-то незнакомой особе женского пола. Однако Джеймс тут же узнал его, и Эйни тоже радостно повизгивала и виляла хвостом, с нетерпением ожидая возможности поздороваться с гостьей.

– Это же Моана! – изумленно воскликнул парень. Он, очевидно, был приятно удивлен. – Пойдем, Хелена, ради Моаны тебе не стоит прихорашиваться.

Девушка неохотно последовала за ним и смущенно остановилась, увидев Глорию и Моану. Больше всего ей захотелось тут же развернуться и уйти. Хелена никогда так сильно не жалела о том, что хотя бы немного не подготовилась к встрече с другим человеком. Но, даже сделав прическу и надев самое красивое платье, она все равно выглядела бы рядом с Моаной серой мышкой. На фоне этой молодой девушки потерялась бы и сама Люцина. Моана была самой красивой женщиной, которую когда-либо видела Хелена. Она сидела с Глорией возле камина, и теперь Эйни ее радостно приветствовала. У девушки была светлая кожа, овальное лицо, пухлые губы цвета неспелой ежевики и прямой нос. В глазах, очень больших и темных, мелькали радостные приветливые искорки. Они сразу засияли, как только Моана увидела Джеймса, и этот огонь в ее взоре странно замерцал, когда девушка взглянула на Хелену. Черные густые волосы Моаны были расчесаны с пробором посередине, как у Хелены, но не заплетены. Волосы полячки не шли в сравнение с волосами дочери арики. У той они достигали бедер. Черные, как эбеновое дерево... Девушка напомнила Хелене Белоснежку, мать читала ей эту сказку в детстве. Именно такой Хелена и представляла себе принцессу.

– Моана, сколько же мы не виделись? – Джеймс радостно смотрел на молодую женщину. – Я вспоминал тебя. Каждый день, когда у меня были вылеты. О тебе и твоём воздушном змее!

Моана тут же поднялась и подошла к нему.

– Чем обязаны такому визиту? – спросил Джеймс. – Разве летние каникулы не закончились? Или ты узнала, что я вернулся?

Парень без смущения обнял девушку, и Моана подставила ему лицо для хонги. Хелене показалось, они не хотят отходить друг от друга.

– Киа ора, Джеймс! – произнесла Моана бархатным, тихим, медовым голосом... Наверняка она прекрасно пела. – Я очень рада, что ты вернулся.

Лицо молодого человека помрачнело.

– Я обязан быть не здесь, – заметил он. – Война еще не окончена.

– Никогда не представляла тебя воином, – на губах девушки мелькнула улыбка. – Ты же хочешь летать, а не убивать. Ману – это посредники между нами и богами...

Моана повертела в пальцах хей-тики – амулет, который носила на шее. Хелена заметила, что тот напоминал амулет Джеймса. Теперь девушка поняла: Моана – та самая «подруга», сделавшая его Джеймсу.

Парень горько усмехнулся.

– Стать священником – точно не для меня! – резко возразил он.

Хелену задела и эта фраза. Разумеется, молодой человек не собирался придерживаться celibата^[23]. Эта прекрасная девушка овладела им...

– Ну, оставим войну в покое, – сменил тему Джеймс. – Что ты здесь делаешь, Моана? То есть... я, конечно, очень рад тебя видеть...

– Она навещает меня, а не тебя, – вмешалась Глория. – Моана, если мы хотим еще поговорить, оторвись от Джеймса и пойдем со мной. Я хотела бы также взглянуть на лошадей...

Моана раскраснелась, когда Джеймс заверил мать, что с животными все в порядке.

– Я приехала только на выходные, – объяснила она. – Сейчас как раз читала реферат об отношениях маори. Мы обсуждали это на курсе. Будущие учителя должны лучше понимать своих учеников маори. Речь идет о теории «И нга ва о муа», о пепеха, о том, какое значение имеет маунга и вхакапапа – все эти истории о каноэ, на котором предки прибыли в Аотеароа... Вдруг все посмотрели на меня, а я толком и объяснить ничего не смогла. Поэтому и приехала...

– Потому что в окрестностях Данидина больше не осталось ни одной мараэ, где бы жила тохунга, которая могла бы это объяснить? – удивленно спросил Джеймс.

Хелене показалось, он подтрунивал над Моаной. Наверное, парень предполагал, что все эти причины приезда в Киуорд-стейшн всего лишь отговорки. Скорее всего, Моана приехала просто для того, чтобы с ним повидаться.

Но Моане его фраза не показалась такой смешной.

– Все именно так и есть, – серьезно ответила девушка. – По крайней мере, я не знаю ни одной. Маори из региона Отаго больше не живут в своих деревнях. Они перебрались в города и на окраины, а там найти тохунгу будет сложнее и дороже, чем купить железнодорожный билет в Крайстчерч. Вот поэтому я и надоедаю твоей матери. Я сейчас приду, мисс

Глория. Мы сможем продолжить разговор. – Девушка снова хотела присесть.

Тут Джеймс вспомнил о Хелене. Она робко стояла в сторонке. Парень улыбнулся ей и жестом пригласил подойти поближе.

– Хелена, тебе ведь это было интересно? – приветливо спросил он. – Мы как раз слышали о «и нга ва о муа» от Коуа.

Хелена вздрогнула, когда Джеймс осторожно положил ей руку на спину и проводил к камину. Казалось, она совершенно позабыла, что все еще боится прикосновений мужчин.

Моана внимательно посмотрела на Хелену.

– Моана, мама тебе не рассказывала о Хелене? – спросил Джеймс. – Это наша гостья из Польши. Хелена очень интересуется культурой маори. Ее заразил этим, если можно так сказать, дядя Бен. Хелена, это Моана.

– Скорее, меня этим заразил одна старая женщина в мараэ нгати рангитане, – тихо поправила парня девушка. – Она... она мне подарила вот это...

Хелена показала свой хей-тики, и взгляд Моаны стал еще более внимательным.

– Хинеахуонэ? – спросила девушка. – Богиня плодородия? Вырезанная из дерева мануки? Такое редко встречается.

Хелена смущенно улыбнулась.

– Наверное, у него есть какое-то предназначение, – пробормотала она и быстро спрятала амулет под рубашку.

Глория теперь заметила новые вещи девушки и одобрительно улыбнулась.

– Ты очень хорошо выглядишь, Хелена. Тебе идет костюм для верховой езды! Садись поближе к нам и опиши, как наш уважаемый арики произнес слова «и нга ва о муа». Давай я даже отгадаю. Он употребил их в смысле «придешь не сегодня, придешь завтра».

Джеймс, улыбнувшись, шутливо поклонился.

– Боги, очевидно, открыли тебе тайну, тохунга! – поднялся с места парень. – Я оставлю вас сейчас и займусь Пиппой. Хочу еще раз проверить его перед полетом к нагорью.

– Но на ужин ты ведь придешь? – спросила Моана. – Я... твоя мама пригласила меня...

– Я ни за что в мире не пропущу трапезу с дочерью вождя, – улыбаясь, пошутил Джеймс и кивнул.

Хелена опустила глаза. Она задавала себе вопрос, останется ли Моана на Киуорд-стейшн на все выходные.

– Вхакапапа, – принялась объяснять Глория Мак-Кензи, – если коротко, это происхождение.

Она говорила сдержанно и тихо. Ей, конечно, не хватало восторга и запала Бена Биллера. Казалось, женщине тяжело делиться своими знаниями с другими людьми.

– Поэтому для маори так важно каное, на котором их предки приплыли в Аотеароа с Гавайки – легендарного острова в Полинезии. Об этом они сразу упоминают, когда рассказывают о своей истории, своей пепеха. Важнее имен предков только пути, которыми они шли, места, где обитали. Пережитое важнее нынешнего. Вот так можно объяснить, как прошлое и будущее племени перетекают одно в другое. Прошлое определяет будущее. Прошлое не заканчивается, оно продолжает влиять на нас.

Хелена потеряла лоб. Она подумала о Сибири, вспомнила Люцину.

– В таком случае... никогда нельзя стать свободным? – сорвалось с уст девушки. – Нельзя ничего оставить позади? Нельзя ни о чем забыть?

– Забыть всегда непросто... – отрешенно ответила Глория.

До этого момента Хелена считала мать Джеймса очень спокойной, сдержанной женщиной. Теперь же девушка подозревала, что и Глории приходилось бороться с призраками своего прошлого.

– Но разве это не шанс? – тихо спросила Моана, ее голос ласкал слух. Несмотря на чувство ревности, девушка очень заинтересовала Хелену. – Если прошлое до конца не закрыто, всегда есть возможность изменить его...

Хелена внезапно разозлилась.

– А если кто-то умер? – резко спросила она. – Он ведь не оживет!

– Но смерть этого человека приобретет для тебя новое значение, – объяснила Глория. – Это току: насколько важно для меня то, что я описываю?

– Или таку, – дополнила Моана. – Насколько важна я сама для того, что я описываю?

Хелена потеряла нить, когда две собеседницы продолжили беседу о маунга – месте, где находит убежище человек между прошлым и будущим. Для Моаны и Глории в философии маори, казалось, было нечто утешающее, а для Хелены – пугающее. Без сомнения, прошлое определяло ее будущее. Из-за Витольда она была связана ребенком, которого не хотела. И, словно одного этого недостаточно, теперь с Хеленой навсегда останется то, что она сделала с Люциной. Укоризненный взгляд сестры станет преследовать ее в будущем, Моане же предстоит счастливая жизнь вместе с Джеймсом на Киуорд-стейшн.

Хелена погрузилась в мрачные мысли, а Глория и Моана закончили беседу, потому что Джеймс и Джек вернулись к ужину. Джеймс был в хорошем расположении духа. Казалось, ветер от винта самолета все еще треплет его непослушные темно-рыжие волосы: парень, конечно, не ограничился простым осмотром летательного аппарата. Поднявшись в воздух, Джеймс сделал несколько кругов над фермой. Он как раз хотел об этом весело рассказать, но, вернувшись к женщинам, заметил: Хелена очень подавлена.

– Что с тобой, Хелена? – озабоченно спросил он. – Для тебя прошлого было слишком много?

Этот вопрос ранил девушку в самое сердце. Он попал в десятку. Хелена не знала, что ответить, и уж точно – как реагировать на взгляд Моаны. Молодая маори внимательно наблюдала за тем, что происходило между ней и Джеймсом. Хелене показалось, в глазах Моаны она видит сочувствие, боль... печаль. Она подумала, что настроение маори меняется каждую минуту.

– Да будет тебе, забудь все эти разговоры! – попытался взбодрить Хелену Джеймс и выдвинул для нее стул из-под обеденного стола. – Не имеет значения, что там плетут маори: случившееся вчера уже прошло. Важно будущее. Война скоро кончится, Хелена! Черчиль, Рузвельт и Сталин в ближайшие дни встретятся в Ялте. Они хотят обговорить основные линии послевоенной политики в Европе, что бы это ни значило. Как бы там ни было, когда твой ребенок появится на свет, наступит мир!

Хелена была благодарна за то, что парень заботится о ней и уделяет заметно больше внимания, чем Моане. Молодую маори, казалось, удивило известие о беременности Хелены, но она не подала виду. Галантное поведение Джеймса по отношению к девушке Моана воспринимала без ревности. Для этого совершенно не было причин: Хелена не выглядела серьезной конкуренткой.

– Как только немцы наконец капитулируют, – довольным тоном продолжал парень, – все будет хорошо!

Хелена нехотя кивнула в знак согласия, когда Джеймс вопросительно взглянул на нее. Девушке было все равно, родится ребенок во время войны или уже в мирное время. Она все еще не могла представить, что станет матерью, и ей неприятно было думать об этом.

Моане тема войны и мира в Европе не казалась важной. Вместо того чтобы углубиться в политику, девушка спросила Джеймса о его полете, и тот сразу начал живо рассказывать.

Настроение Джека Мак-Кензи не было таким радужным, как у сына.

Во второй половине дня он ездил по делам вблизи О'Кифи-стейшн и, пользуясь возможностью, заглянул к маори по тому же вопросу, что и Джеймс утром.

– Я говорил с Харе и Реви, – промолвил мужчина. – Они хотят прийти на сгон скота, будем надеяться, это не пустые обещания. Их жены были там, они уж им напомнят и попытаются сделать так, чтоб мужья явились на работу хотя бы наполовину трезвые. На Коуа я бы не возлагал надежд, Глория. Даже если удастся застать его трезвым. Ему попросту все равно. Тонга перевернулся бы в гробу. Мне очень жаль, Моана...

Джек, видимо, только что осознал: за столом сидит дочь того самого Коуа.

– Он слишком много пьет, – пожала плечами Моана, сухо констатируя факт. – Племя не должно выбирать его на следующий срок. Однако лучшей кандидатуры нет. Кроме дяди Вирему. Но он скорее даст себя четвертовать, чем вернется назад.

– У него все хорошо? – с заметной неохотой спросила Глория.

Хелена вспомнила, что Джеймс как-то говорил об этом Вирему. По его словам, мать чуть не вышла замуж за сына вождя.

– Спасибо, очень хорошо, – спокойно ответила Моана. – Он в ближайшем будущем станет главным врачом. Доктор Пинтер скоро уйдет, и Вирему возглавит клинику. Мой дядя работает в одной из детских больниц в Данидине, – вежливо объяснила девушка Хелене. – Ему там нравится, у него семья. Наверняка он не захочет возвращаться, чтобы возглавить захудалое племя маори на Кентерберийской равнине. Это печально...

Моана сложила салфетку. Хелена вечером уже отметила, что девушка обладает исключительно хорошими манерами.

Глория улыбнулась молодой маори.

– Но ведь это касается и тебя, Моана. Ты знаешь, что тоже можешь стать арики.

Девушка удивленно подняла брови.

– Теоретически да, – горько отметила она. – Однако смогу ли в реальности? Ты же не думаешь, что эти пропитые парни, у которых в голове лишь виски, рыбалка и охота, выберут вождем женщину. Да еще такую, которая вознамерится поменять все в деревне! Нет. Они выберут подобного себе, чтобы в мараэ не происходило никаких перемен. – Моана отодвинула тарелку в сторону. – Ты отвезешь меня домой, Джеймс? Я не хочу появляться слишком поздно, кто знает, в каком состоянии моя комната. Я сто лет там не была. В худшем случае отец предоставил ее своим собутыльникам...

Молодая маори только что выглядела сердитой и отчаявшейся, но тут же снова просияла улыбкой. Разумеется, девушка радовалась поездке вместе с Джеймсом. Парень поднялся и нерешительно взглянул на Хелену.

– Ты не хочешь съездить со мной? – спросил он.

Хелена покачала головой. Она не желала становиться пятым колесом в телеге!

– Я слишком устала, – объяснила девушка, не решаясь поднять глаза.

Хелена не увидела, как погасли огоньки в глазах Моаны.

Глава 3

Следующие три недели пролетели очень быстро. Нужно было подготовить сгон овец и всё на ферме для их прибытия. Все были в заботах с утра и до вечера: вычищали стойла и загоны, проверяли изгороди. Хелена старалась помогать как по дому, так и в хлеву. За день до сгона овец девушка смущенно спросила, нужна ли ее помощь. Глория с радостью согласилась.

– Конечно, здесь для всех найдется работа. Ты можешь поехать на машине с кухней и помочь кормить наших двуногих хищников. Мужчины очень проголодаются, когда вернутся после сгона, а мне готовить и мазать бутерброды совсем не нравится. Потому каждый год я для этого нанимаю нашу горничную. К сожалению, она не вполне самостоятельна. Ей постоянно необходимо говорить, что нужно делать...

Анна и Кира – молодые женщины, в роду которых, очевидно, были и маори, и пакеха, отличались приветливостью, но отнюдь не расторопностью. Хелена уже успела заметить, что меню на Киуорд-стейшн не блистало особым разнообразием. Повариха-маори и Анна с Кирой готовили только некоторые простые блюда. Горничная, работавшая в семье Хелены во Львове, была намного лучше. Хелена часто в детстве охотно наблюдала за ней, и она давно подумывала попросить Глорию, чтобы та ей разрешила заняться кухней. Поэтому девушка радостно согласилась помочь с кормежкой и привести в порядок кухонную машину вместе с Анной и Кирой. К ее удивлению, речь шла о полевой кухне, очень похожей на те, что были в лагере у беженцев.

На следующее утро, с восходом солнца, во дворе перед сараем для стрижки овец стали собираться мужчины, которые отправлялись для сгона овец. Вскоре там уже было полным-полно помощников, лошадей и взволнованных собак. Хелена едва успевала наливать кофе и раздавать сэндвичи. Большинство мужчин приехали на больших, хотя и довольно ржавых пикапах, своих лошадей они привязали в кузовах. Точно так же прибыли и четверо помощников маори, и двое из них уже прикладывались к бутылке с виски. Джек решительно отправил пьяниц обратно.

– Вы наверстаете все вечером, – решительно заявил он. – Днем вы нужны мне трезвые.

Глория завела в прицеп семейного пикапа двух лошадей – одну для себя, вторую для мужа. Джек подсоединил полевую кухню к грузовику, в

кузов которого погрузили сено для лошадей. Грузовик также служил для перевозки скота.

– Собственно, овцы доберутся обратно на ферму сами, – весело объяснил Джек Хелене и подставил стаканчик для добавки кофе. – Но если какая-нибудь овца ранена или слаба, мы сможем ее сюда поместить. Раньше больных животных мы забивали на месте. Пока у нас не появились машины, работать на ферме было намного тяжелее. Нужно было сначала скакать верхом два дня, и только тогда на горизонте появлялись первые овцы. Сейчас все проще. Мы завозим в горы лошадей и собираем овец, которых Джеймс сгоняет с гор на своем Пиппе. Для этого нужна особая сноровка, но уже не требуется бродить целый день по плохой погоде, проверяя, не отстал ли кто.

Джеймс к этому моменту появился на месте сбора и загружал в машины корм, палатки и полезные инструменты для возведения временной изгороди. Сгон скота и в нынешнее время длился несколько дней. Наконец молодой человек подошел к Хелене и взял свой кофе.

– Ты разве не хочешь лететь со мной? – пошутил он и откусил сэндвич с сыром.

Хелена наполнила стаканчик.

– А разве Моана не летит с тобой? – спросила девушка, набравшись смелости после того, как все ее похвалили. – В прошлом году проблемы на сгоне скота начались с самого утра.

Джеймс нахмурился.

– Моана? На сгон скота? Нет. Как ты вообще до такого додумалась? – спросил он и взял еще один сэндвич.

– Потому что она... – Хелена покраснела, – потому что у нее такой же хей-тики, как у тебя, – объяснила девушка.

– Да, – улыбнулся Джеймс, – но она боится летать. Она только змеев запускает в воздух. Раньше мы вдвоем строили ману, ежегодно перед Матарики. Это маорийский Новый год. Нужно запускать в небо воздушных змеев с просьбами к богам. Моана очень хорошо умеет их делать. Поэтому я когда-то и вырезал ей этот хей-тики. Он символизирует Нуку-певапева, вождя, который должен убегать от всех своих врагов, поднимаясь на ману. Перед моей отправкой на фронт она подарила мне этот хей-тики, – парень нащупал пальцами свой оберег.

Хелена кивнула и поджала губы. Значит, вот как они получили свои талисманы – вырезали их друг другу в залог любви. Она обрадовалась, услышав, как Джек начал созывать мужчин к отъезду.

– Когда же я с тобой снова увижусь? – спросил Джеймс, увидев, что

девушка засобиралась.

Она пожала плечами.

– Думаю, переночуем где-нибудь там, – ответила, махнув в сторону нагорья.

– Я тебя непременно разыщу, – улыбнулся ей Джеймс и помахал летным шлемом на прощанье.

Он надел его, как все прочие мужчины кепки или шляпы. Стояло холодное осеннее утро, но очень ясное. Дождь или снег наверняка не омрачит настроения погонщиков.

Хелена взглянула на Джеймса. Она не совсем поняла, что он сказал. Ему не нужно было ночевать под открытым небом. Наоборот, для него было бы намного безопаснее вернуться домой после проделанной работы и приземлиться на ровную укатанную взлетную полосу, а не где-нибудь в глухой местности. Парень ведь мог поспать в собственной постели.

Хелена болтала с Джеком Мак-Кензи о прежних временах, пока пикапы и грузовик катили на запад. Горные вершины Южных Альп, до которых с Киурд-стейшн, казалось, было рукой подать, приближались медленно. Джек рассмеялся, когда девушка сказала об этом.

– Всем так кажется. Мисс Гвин всегда рассказывала о своей первой поездке верхом по Киурд-стейшн. Она надеялась быстро доскакать на лошади к горам и ехала к ним час за часом, особо не приближаясь. Нам придется преодолеть десятки миль, пока мы не увидим первых овец. Но и тогда будем не в самих Альпах, а лишь в предгорьях. Далеко в горы овцы не забредают, там не растет трава, там есть только лишайники, мох и снег, – он улыбнулся Хелене. – Посмотри-ка, вон Джеймс!

Джек указал на небо – парень, чтобы привлечь внимание, как раз выполнял головокружительную фигуру пилотажа. Потом самолет направился напрямик к горам, где пилот наверняка сразу приступит к своей работе.

Когда люди с Киурд-стейшн достигли равнины, на которой нужно было собирать животных, они увидели первых овец с полугодовальными ягнятами, щипавших траву. Остальные, недовольно бляя, спустились с холмов.

– Им уже это знакомо, – промолвил Джек. – Они знают, куда идти, – Джеймсу не придется выполнять много работы. Заслышав самолет, животные отправляются в путь.

– Они с удовольствием возвращаются на ферму? – удивилась Хелена. – Они вот так, добровольно, отказываются от свободы?

– Овцы обменивают свободу на безопасный загон и ежедневное трехразовое питание сеном! – рассмеялся Джек. – Разве это плохой стимул? Если серьезно, здесь скоро станет совсем неуютно. Овцам это не доставит никакого удовольствия. Не все смогли бы перезимовать в горах.

Осторожно, не торопясь, погонщики припарковали автомобили на краю равнины, чтобы не распугать животных. Там мужчины сразу начали выводить из кузовов лошадей и седлать их. Сторожевые псы выскакивали из машин. Они не могли дождаться, когда смогут приступить к делу. Хелена зачарованно наблюдала, как собаки молниеносно сбивали отдельных овец в группы, а потом в стадо и по команде погонщиков отделяли овец с фермы Киурд-стейшн от других. Хелене стало интересно, каким же образом Глория, Джек и погонщики маори с первого взгляда определяют, кому принадлежат пушистые шерстяные создания.

– У них бирки на ушах, – объяснила Глория, когда подошла за своим первым стаканчиком кофе.

Хелена и Кира готовили сэндвичи для второго завтрака. Анна уже нарезала мясо и овощи для импровизированной полевой кухни.

– Этим мы определяем по наличию ягнят. Самый простой способ, если нужно разделить их потом. По крайней мере, для людей, которые в этом разбираются. Новичкам все маркировки кажутся одинаковыми, – Глория откусила сэндвич с ветчиной и с удовлетворением взглянула на полевую кухню. – Смотрю, ты полностью справляешься, Хелена. Мои комплименты! Впервые у меня совершенно нет замечаний по поводу того, что касается еды. Мне не нужно ничего переделывать самой!

Хелена просияла от такой похвалы и с большим воодушевлением принялась колдовать над обеденным рагу. Удивительно, девушке очень понравилось готовить для погонщиков здесь, в полях. До этого она считала себя совершенно городским жителем. Хелена никогда бы не подумала, что ей придется по вкусу разводить костер и кушарить в глуши под открытым небом.

– Раньше мы тоже варили еду на костре, – вспоминала Глория. – Это было очень утомительно... Теперь мы лишь греемся у огня, что тоже необходимо. С каждым часом становится все холоднее.

Надвигающаяся непогода, казалось, подгоняла овец. Они спускались с окрестных гор все быстрее и все большими группами. И вот уже вся равнина была полна большими и маленькими блеющими созданиями.

А к вечеру снова показался Джеймс на своем Пиппе. Он недолго покружил над полевой кухней.

– Это он подает знак, что уже всех собрал, – довольным тоном

заметила Глория. – Несколько отбившихся овец все еще слоняется по холмам, но мы их соберем завтра, перед возвращением, – она улыбнулась мужу. – Сделаем это, Джек?

Хелена растроганно наблюдала, как Джек Мак-Кензи улыбнулся в ответ.

– Хочу заниматься этим с тобой всегда, – ответил он.

В последующие дни всадники и собаки отгоняли большие отары овец на Киуорд-стейшн. Машина с полевой кухней выехала вперед и ожидала погонщиков на заранее оговоренных местах для привалов. Хелене и другим помощникам пришлось провести ночь в глуши. Погонщиков Джек отправил к девушкам помогать расставлять палатки.

Наконец все сидели вокруг высоко полыхающего костра. Мужчины пустили бутылку виски по кругу и вскоре уже пели песни и рассказывали истории.

На Хелену очень подействовала атмосфера. Некоторые погонщики пакеха захватили с собой губные гармоники и гитары, маори играли на флейтах. Со звуками музыки сливалось блеяние овец и фыркание лошадей, бегавших в наскоро построенных загонах. Холодный и прозрачный воздух, темные силуэты гор и сияющее звездное небо над ними – от всего этого Хелена была почти счастлива. Но как только девушка забыла о тяготах и невзгодах, ей тут же на ум пришла Люцина, и снова вернулись угрызения совести. Счастье было краденым, оно не принадлежало Хелене.

– Ты смотришь на звезды? – неожиданно спросила ее Глория. Она тоже не пела и не шутила вместе с мужчинами, а молчала, наверное, погружившись в радостные мысли. – Они, может быть, кажутся тебе совершенно чужими. Я всякий раз разочаровывалась, когда смотрела на звезды в Европе...

Хелена пока еще вообще не заметила разницы между европейским и новозеландским ночным небом. Ни во Львове, ни после, в Сибири, у девушки не было возможности изучить звезды. Конечно, она смотрела на них. В Сибири эти небесные тела мерцали над лагерем по-особому, с невыносимой четкостью, ярко освещая ночь. Но их названий Хелена не знала.

– Я в них не очень-то разбираюсь, – призналась девушка.

– Я тоже, – мечтательно ответила Глория. – Моя учительница, мисс Бlichem, часто выходила со мной на улицу и показывала звезды. У нас даже имелся телескоп. А Марама, моя бабушка, была маори. Она объясняла мне, что звезды значат для ее народа.

– Они мне внушают... благоговение, – пробормотала Хелена. – И утешают. Они не меняются. Все равно, что мы сделали или сделаем... Звезды остаются прежними. Они висели там еще до нашего рождения. И будут там, когда мы умрем.

Глория отрицательно покачала головой.

– Это только так кажется, – заметила женщина. – Мисс Бличам объяснила мне, что мы не видим их такими, какими они есть на самом деле. Их свету нужно много лет, чтобы достичь Земли, иногда столетия! Это значит, мы видим их такими, какими они были сотни лет назад, а не сейчас. Некоторые, которыми мы любуемся сегодня, уже давно погасли...

Хелена вздохнула.

– Это снова как-то связано с «и нга ва о муа»? – спросила девушка.

– Нет, скорее всего, нет, – рассмеялась Глория. – По крайней мере, маори о том ничего не знают. Для них звезды – это боги, ведущие их по своему пути. По звездам маори направляют каноэ. Если на скорость света смотреть философски, она, скорее, связана с нашей интерпретацией прошлого. Может, с измененным взглядом на вещи в прошлом. Но я не философ, дитя мое. А ночь – хорошее время для размышлений. Поэтому просто наслаждайся настоящим. Даже если в нем мы видим ложные картины.

Глория, откинувшись на спину, продолжила рассказ о звездах. Хелена слушала ее истории о богах и мореплавателях лишь вполуха. Все эти истории не изменяют прошлого. И каким бы ни было прекрасным настоящее, угрызения совести от того, что она натворила, не исчезнут.

На следующее утро погонщики встали рано. Для Хелены ранний подъем не составил труда. Ночью в палатке, которую она делила с Кирой и Анной, было ощутимо холодно. И это несмотря на фланелевую рубашку, бриджи и толстый свитер, подаренный ей Джеймсом. Девушка думала, что после пережитого в Сибири никогда больше не будет мерзнуть. Там она часто просыпалась от холода.

Теперь Хелена радовалась горячему кофе, пусть его и пришлось варить самой. Мужчины, видимо, тоже замерзли: они дрожали и потирали руки, но, собираясь возле полевой кухни, были в хорошем настроении. Снова все смеялись и шутили. Хелене и горничным досталось множество лестных комплиментов. Анне и Кире это нравилось. Однако Хелена болезненно воспринимала, когда мужчины кричали, какая она красивая. Девушке все еще удавалось скрывать беременность, но она уже выглядела полнее горничных. К тому же после ночи в палатке ее обычно гладкая и розовая кожа стала грязной, волосы сбились прядками. Их вид не спасали

даже заплетенные на скорую руку косички. Хелена сама себе казалась уродливой, и ей не нравилось, когда мужчины делали сомнительные комплименты.

Сразу после завтрака Глория и Джек вместе со сторожевыми собаками отправились в предгорья Альп собрать последних отбившихся от стада овец, а большинство погонщиков выехали вместе с отарами в сторону Киуорд-стейшн. Немногие поехали на пикапах и грузовиках. У машины с полевой кухней остался лишь молодой парень маори, у которого, как и у Киры с Анной, предки тоже, видимо, были пакеха. Он безудержно флиртовал с горничными. С Хеленой он этого и не пытался делать, и девушка утвердилась в мысли, что с каждым днем она становится все непригляднее. Хелена старалась пропускать мимо ушей болтовню, которую здесь вели то на маорийском, то на английском. Глядя в окно, она пыталась отгонять мысли. В этот день погода идеально соответствовала ее мрачному настроению. Солнце скрылось, небо затянуло серыми тучами.

– Дождь прямо висит в воздухе, – сказал утром Джек, и мужчины многозначительно кивнули.

Погонщики старались поддерживать хороший темп, чтобы как можно скорее покинуть нагорье. Как только они доберутся до Кентерберийской равнины, зима останется позади. На равнине снег шел редко. Осадки выпадали там в основном в виде дождя.

Джек и Глория тоже прекратили поиски быстрее, чем хотели, и к обеду уже присоединились к общей группе. С собой они пригнали еще пятьдесят овец. Четыре собаки помогали им. Эйни тоже в этом участвовала и теперь радостно наскакивала на Хелену, требуя похвалы, в то время как Глория и Джек принялись за рагу. Хелена радовалась. Девушка впервые подумала, что хорошо бы иметь такую собаку, как Эйни. Животное наверняка любило бы ее. Это прекрасное чувство!

– Ты очень гордишься тем, что помогла пригнать овец, да? – сказала собаке Хелена, погладила ее и дала кусочек колбасы.

– Она хвастается, – с улыбкой кивнула Глория. – Для Эйни это совсем несложная работа. Овцы сами к нам сбегаются, их даже не нужно подгонять. Они чувствуют, что зима близко, и в этом случае для животных надежнее всего сбиться в большую отару. Поэтому, Эйни, не следует вести себя так, словно ты совершила подвиг!

Собака снова подбежала к ней, и Глория почесала ее за ухом. Эйни ответила на выговор беззаботным вилянием хвоста. Женщина взяла тарелку с рагу, похвалила еду, быстро все проглотила и, нахмурившись, взглянула на небо.

Над горами висели темные тучи, но казалось, что погонщикам все же удастся достичь Киуорд-стейшн, пока не разразится непогода. Джек велел мужчинам быстро гнать овец вниз по долине. Однако во второй половине дня их все-таки настиг сильный ливень, но в объятия альпийской зимы они уже попасть не могли. Все вымокли и были в плохом настроении, когда наконец добрались до лагеря для ночевки.

Посреди равнины стоял очень старый, но совершенно целый деревянный дом, в котором люди укрывались от непогоды. По крайней мере, тут все могли отогреться, прежде чем разбрестись по палаткам, заранее привезенным сюда на машинах сопровождения и установленным. Не для всех помощников в доме нашлось место, поэтому Глория решила, что внутри ночевать будут только женщины и несколько работников фермы, которые совсем уж замерзли. Они ежегодно, перегоняя скот, пользовались этим домом.

Хелена тоже получила спальное место. Девушка завернулась в одеяло между Анной и Кирой, как можно дальше от мужчин, хотя и понимала, что никакой опасности они для нее сейчас не представляют. Глория и Джек тоже ночевали в доме, заботясь о людях. И все же Хелена чувствовала себя некомфортно в переполненной комнате, где пахло мокрой одеждой и резким мужским потом. Похоже, ночные шорохи и теснота напомнили ей сибирские бараки, там десятки женщин и девушек делили одно, продуваемое насквозь помещение. Хелена не могла сомкнуть глаз. Как только она начинала дремать, ее тут же настигали воспоминания об умирающей матери, данных обещаниях и беспомощности Люцины в тот момент, когда сестра осознала предательство.

Хелена больше не могла этого выдержать. Она вылезла из-под одеял, набросив одно на плечи, чтобы защититься от холода, обулась и тихо вышла из дому. Девушка сразу почувствовала себя лучше, ощутив траву под ногами. Хелена глубоко вдохнула свежий воздух, пахнувший овцами и лошадьми. К ее удивлению, тучи ушли. Небо было снова ясным и усыпанным звездами. Она подняла голову и попыталась найти различия между южным и северным небосводом, о которых говорила Глория.

– Это Южный Крест, – вдруг услышала она позади себя мужской голос.

Хелена обернулась. Она до смерти испугалась, но тут же узнала молодого человека. На Джеймсе был длинный непромокаемый плащ, темно-рыжие волосы растрепались. Парень радостно улыбнулся Хелене, словно получился удачный сюрприз.

– Откуда... откуда ты здесь? – спросила девушка.

– Конечно, из Киуорд-стейшн, – снова улыбнулся Джеймс. – Я сегодня выехал с рассветом. Хотел немного попробовать себя в настоящем перегоне скота. Гонять овец на самолете все же скучновато...

Хелена нахмурилась. Недавно парень говорил совсем другое.

– Эй, ты не рада меня видеть, что ли? – спросил он. В его голосе слышалось разочарование. – Я же обещал, что найду тебя.

– Ну, сделать это было не так уж сложно, – ответила Хелена и сразу пожалела о своих словах.

К чему быть такой насмешливой? Но ситуация складывалась странная, казалось, Джеймс с ней флиртует.

– Разве погонщики не всегда устраивают здесь ночевку?

– Ну хорошо, ты меня подловила! – добродушно ответил Джеймс и поморщился. – Тебе понравилось перегонять овец? Конечно, если дождь не идет.

Хелена взглянула на лунные блики, игравшие на мокром плаще. Почему парень все же приехал, несмотря на плохую погоду? Или он проделывает это каждый год?

– Тебе нравятся холодные и мокрые насквозь палатки, прокуренные хижины, которые за ночь так остывают, что просыпаешься в них с утра замерзшим как сосулька? Если, безусловно, смог хоть немного вздремнуть под громогласный храп погонщиков. – Джеймс подмигнул ей, и девушка поняла, что он шутит. – Разве тебе не нравятся эти ночевки на лоне природы, о которых без умолку щебечут мои родители?

Хелена не знала, как правильно отреагировать на это.

– Мне нравятся... звезды... – уклончиво ответила девушка.

Джеймс кивнул и встал рядом с ней.

– Тогда давай посмотрим, что у нас там наверху... – Казалось, парню не было до нее дела, а на небо он смотрел из чисто научного интереса.

Сердце Хелены забило быстрее. Она испытывала странное чувство: радость и страх одновременно.

– Это вот – Южный Крест, как я уже говорил, – начал объяснять Джеймс. – Ты его распознаешь? Пять ярких звезд, которые образуют крест. Таким, по крайней мере, его видели христианские мореплаватели. Маори же узрели в этом скоплении звезд каноэ. Созвездие изображено на флаге Новой Зеландии, ты знала об этом?

Джеймс словно ненароком положил руку на плечо девушки. От прикосновения она вздрогнула. Еще недавно Хелена наверняка сразу сбежала бы, но сейчас ее охватило желание прильнуть к молодому человеку. Однако девушка не сделала ни того, ни другого, просто молча

стояла и пыталась сосредоточиться на объяснениях Джеймса. Но тут вдруг залаяла собака и за ней всполошились остальные псы, которые сторожили овец. Наверное, Эйни, услышав голос хозяина, заразила своей радостью остальных. Она примчалась к Джеймсу, подпрыгивая, счастливо повизгивая. Джеймс повернулся к собаке и потрепал ее. Хелене показалось, что парень не слишком обрадовался встрече с любимицей.

С чего бы это?

Из дома тоже раздался лай: большинство мужчин спали вместе со своими собаками, но другие колли находились в хлеву с лошадьми. Теперь вся четвероногая братия разразилась заливистым лаем. И тут на пороге появилась Глория Мак-Кензи. Луч карманного фонарика упал на лицо Хелены.

– Хелена? – взволнованно спросила женщина. – Что-то случилось? Собаки...

Девушка испуганно вздрогнула, словно ее застали на месте преступления. Но при этом она не сделала ничего дурного и стесняться ей было нечего. Как и многие другие помощники, Хелена спала в повседневной одежде. С другой стороны, она стояла рядом с Джеймсом ночью. Глория могла подумать, что девушка выскользнула из дома специально к нему.

– Джеймс! – теперь Глория заметила и сына. – Что ты здесь делаешь?

Женщина очень удивилась, значит, ее сын в предыдущие годы наверняка не приезжал сгонять овец на лошади.

– Я... хм... думал, что буду тут полезен...

Самоуверенность Джеймса как ветром сдуло, когда парень увидел мать. Очевидно, он даже не обдумывал заранее, как сможет объяснить свое пребывание здесь.

– Это на уставшей-то лошади, которая скакала галопом с утра до ночи? – Луч фонаря выхватил потного гнедого мерина, до сих пор тяжело дышавшего. Джеймс привязал его к дереву. – Ты позабыл обо всем при виде молодой женщины? – Глория говорила очень строго. За лошадой она переживала всем сердцем. – Сейчас же отведи Кенана в стойло, вычеси его и хорошенько накорми, потом найдешь себе место для сна.

Она наблюдала, как Джеймс отправился к жеребцу, снял седельные сумки, перебрал их через плечо, чтобы забрать с собой в дом.

– В палатке поспишь, сынок! – добавила, глядя на это, Глория.

– Мы... мы не сделали ничего... – тихо стала оправдываться Хелена. – Только... только на звезды смотрели...

– Звезды могут светить очень обманчиво, как известно, – заметила

Глория. – А теперь иди в дом, нам всем завтра нужно рано вставать.

Глава 4

После ночной встречи с Джеймсом Хелену мучила совесть. Девушка даже не решалась смотреть Глории в глаза, при этом стыдиться ей было нечего. Но она целиком зависела от доброй воли семьи Мак-Кензи. Глория и Джек ни в коем случае не должны были подумать, будто она хочет окрутить их сына. Беременная, без мужа, Хелена наверняка снискала бы себе дурную славу в Польше. На ее католической родине ей перемыли бы кости из-за истории об изнасиловании и шантаже. Хелена не могла поверить, что ни Биллеры, ни Мак-Кензи не увидели в ее рассказе ничего подозрительного. Однако, если теперь ее ночью застали в компании молодого человека...

Хелена волновалась и на следующий день, а потом и всю следующую неделю держалась от Джеймса подальше. Девушка чувствовала, что быстрее устает, поэтому использовала любые предлоги, чтобы меньше помогать в хлеву и больше – в доме. К тому же так шансы остаться наедине с Джеймсом сводились к минимуму.

Близилась Пасха, и Моана вернулась из Данидина в свою мараэ. В первый же день она навестила Глорию и всю семью по особому поводу. Хелена, присутствовавшая при этом, слышала, как девушка маори подробно рассказывала Джеймсу об учебном проекте, которому она хотела посвятить месяцы, оставшиеся до зимних каникул. Моану благодаря этому взяли на учительский семинар. Прежний дом для общинных собраний – центральное строение в мараэ – нужно было переоборудовать под школу. С тех пор как члены племени стали жить в отдельных домах маленькими семьями, он стоял пустой.

Глаза Моаны блестели, она сопровождала свой рассказ грациозными жестами.

– Я думала, ты сможешь мне починить это здание, Джеймс. Оно слегка запущенное, но стены довольно крепкие. Там требуется лишь косметический ремонт. Нужно купить немного гвоздей, пару ведер краски... Я пока не знаю, как за это заплатить, однако еще что-нибудь наверняка придумаю! Может, мне что-то пожертвует церковная община или Коуа расщедрится...

Глория и Джеймс выслушали девушку, однако посчитали оба варианта финансирования в равной степени нереальными.

– А там... достаточное количество детей для школы? – спросила Хелена, стараясь проявлять интерес.

Когда она была в мараэ, то видела играющих детей, но для школы требуется не только частично отремонтированный дом. Нужны книги и, разумеется, учителя.

Между тем такие затраты имели бы смысл, если бы учеников было достаточно много.

Моана отбросила длинные роскошные волосы за плечи. Хелена подумала, что немного завидует ей. Даже этот простой жест выглядел так грациозно!

– Мне кажется, достаточно, – горячо ответила девушка маори. – У нас ведь всегда намного больше детей, чем у пакеха. Школы в Халдоне просто лопались бы по швам от детишек, если бы они туда ходили каждый день. Но я мечтаю не о настоящей школе, а больше о... хм... О летних курсах или вечерних занятиях. Наряду с обычной школой или вместо таковой. Тогда бы дети не прогуливали... Я хочу только начать сейчас, а позже, на зимних каникулах, буду преподавать. Еще несколько моих товарищей из Данидина приедут помогать мне. Образование маори – это перспективная идея, правительство поддерживает подобные проекты.

– Вопрос только в том, будут ли разделять это восхищение дети, – заметила Глория. Она сама неохотно ходила в школу. – Обучение, конечно, должно быть добровольным.

Моана, кивнув, улыбнулась.

– Дети наверняка придут! Это будет совсем иначе в сравнении с обычной школой в Халдоне. Мы преподавали бы не только обычные школьные дисциплины, но также искусство маори, постройку воздушных змеев, ткачество и плетение, садоводство... Мы исполняли бы музыку, танцевали бы... Это вещи, которые всем нравятся. А если будем рассказывать и читать истории, то лишь нашего народа. Никакой литературы пакеха, которая к действительности маори абсолютно не имеет отношения. Мы же должны ею восхищаться! А пока все остается как есть, далеко мы не уйдем. Половина детей в мараэ не умеют ни читать, ни писать.

Хелена вспомнила, что Джеймс рассказывал о чем-то подобном. Дети маори чувствуют себя неловко в школе Халдона, поэтому прогуливают уроки, когда вздумается. Отговорок всяких хватает. Сначала они заявляли, мол, им далеко ходить с О'Кифи-стейшн в Халдон. Потом предметы стали неинтересными. Маори отличаются от детей пакеха. Между этими группами сразу возникло соперничество. Но чем больше дети маори

прогуливали школу, тем сильнее белые дети над ними подтрунивали, дразнили их. Учителя даже поддерживали их в этом, чтобы пробудить честолюбие маори. Конечно, такая тактика не сработала, скорее, даже возымела обратный эффект. Маори ушли.

Учителя снова попытались привлечь родителей. В конце концов, школьное обучение в Новой Зеландии обязательно для всех. Но маори было наплевать, ходят их дети на уроки или нет. Этим школьников редко принуждали к чему-нибудь, и лишь немногие родители понимали, насколько важно научиться читать и писать. Иногда объявляется кто-то из ведомства по делам образования, производит инспекцию и угрожает маори лишить их родительских прав, если дети не будут ходить в школу.

В прошлые века белые насильно отправляли детей маори в специальные дома или интернаты, чтобы выбить из них казавшуюся опасной культуру племени. А теперь необходимость в этом отпала. Никто в правительстве не опасается доживающих свой век маленьких общин маори. Больше никто не злится и не выделяет денег на то, чтобы отнимать детей, переучивать и насильно осчастливливать их. Родители маори это очень хорошо знают, поэтому относятся спокойно к угрозам учителей и школьных инспекторов. В конце они кивают, вежливо провожают гостей, а дети все так же предоставлены самим себе.

Моана быстро переключилась.

– Так ты сможешь мне, Джеймс, если я найду деньги, да? – спросила она. – А ты, Хелена? – обратилась она по-дружески к девушке. – Да, я понимаю, тебе больше нельзя лазать по лестницам...

Моана, улыбаясь, указала на уже явно выпирающий живот, и Хелена смущенно покраснела.

– Но, может, ты сможешь с покраской... столов и лавок, которые, надеюсь, сколотит для нас Джеймс. Возможно, к нам присоединятся еще несколько парней и девушек из деревни.

Хелена поджала губы. В последние дни все то и дело намекали ей, что нужно попросить у богов благословения для ребенка. Глория говорила об этом в шутку, Дженет, исполнявшая роль жрицы в ритуалах, которые возрождала Моана, – вполне серьезно. Ее бабушка была тохунгой у нгати кахунгуну, и Дженет видела в этом свое призвание. Хелена упорно отказывалась запускать воздушного змея, объясняя Джеймсу нежелание участвовать в игре своим христианским воспитанием. Девушка чувствовала себя при этом лицемеркой, ведь причиной отказа от написания письма с пожеланиями был вовсе не Иисус, а сам Джеймс. Хелена долго думала над этим и наконец призналась себе, что страстно хочет лишь одного: чтобы

молодой человек ответил симпатией на ее возникшую к нему любовь. Хелена все еще старалась побороть чувство, но снова и снова вспоминала прикосновение его руки на своем плече той ночью во время перегона овец. Из дня в день она заново переживала этот волшебный миг и тут же убеждала себя: Джеймс коснулся ее случайно. Парень и вправду больше не предпринимал никаких попыток сблизиться с ней. Вместо этого, ремонтируя будущую школу, он все сильнее сходилась с Моаной. Хелена, сама того не желая, замечала каждую улыбку, каждый разговор и просьбу о помощи. Моана и Джеймс работали слаженно и, казалось, инстинктивно чувствовали, что хочет сделать каждый из них в следующий момент.

Когда наступило утро праздника Матарики, Джеймс сразу оставил Хелену, чтобы присоединиться к группе Моаны. Он поздоровался с Ропатой – рослым маори в одежде пакеха. Парни тут же стали живо обсуждать, как раскалить, а потом перенести в земляной очаг камни, которые брат Моаны и другие мужчины маори собрали накануне. Хелена, отвернувшись, присоединилась к женщинам, готовившим еду. Река, молодая мать, работавшая в магазине ужасной миссис Бойсен, сразу вручила девушке окорочный нож и указала на кучу сладкого картофеля. Сама она плела корзины из тростника, в которых зарывали еду. Казалось, Река не очень верит в то, что может что-то сплести.

– Надеюсь, в них не будет полным-полно песка, – вздохнула она. – Аурева считает, что корзины встанут плотно друг с другом, но я отчетливо не могу себе этого представить. Если бы спросили меня, я бы просто повесила котел над костром. Это тоже вполне традиционный способ...

– Мне казалось, пока не появились пакеха, у вас вообще не было котлов! – задумчиво произнесла Хелена.

Река подняла бокал с пивом, из которого постоянно отпивала, пока плела.

– Тут уж ты права, так права! – улыбнувшись, ответила девушка. – Большое спасибо пакеха! Хорошо, что вы есть!

Большинство мужчин и женщин маори считали так же, как и Река. Они весь день попивали кто виски, кто пиво, и с заходом солнца градус настроения в мараэ повышался.

Моана же и другие молодые учительницы радовались ясному ночному небу. Они собрали возле разожженных костров своих учеников с воздушными змеями.

Несколько стариков, присев рядом, наблюдали за звездами. Моана с радостью заметила, что никто из них пока еще не был пьян. Они

рассказывали детям о небесных телах. Ахурева, деревенская повитуха, восторженно жестикулировала. Она говорила о том, как солнце обращается каждый год за помощью к материнским звездам Вхануи. Оно устает, а Вхануи с дочерьми помогают ему, чтобы зима не была слишком холодной. Вхануи собирает своих детей. Если они радостно принимают участие и сверкают ярко, зима будет короткой и сеять можно рано. А если звезды бледные, то дети помогают солнцу неохотно и зима продлится дольше.

Хелена слушала легенды о путешествиях звезд с таким же интересом, как и дети, и затаила дыхание, когда в ясном ночном небе над равниной наконец появилось созвездие Плеяды.

– Короткая и милосердная зима! – растолковала положение звезд Ахурева, отхлебнув немного пива. – Мы сможем начать посевную раньше и собрать хороший урожай...

Хелена задавалась вопросом, много ли нгаи таху еще сеют и собирают урожай. Маори больше не обрабатывали землю, разве что несколько заброшенных садов возле домов на ферме. Тем временем Ахурева затянула песню, которую тут же подхватили молодые учителя и дети.

Ка пута Матарики ка рере Вхануи.
Ко те тоху тене о те тау э!
Матарики снова наступил! Вхануи продолжает полет.
Новый год начинается!

Старики не очень-то радовались – они плакали. Несомненно, Моана, когда созвездие появилось на горизонте, попросила их произнести имена умерших в этом году. Вновь пролились слезы по умершим, прежде чем те окончательно канули для племени в небытие, а живые обратились к новой жизни. Дети должны были познакомиться и с этой традицией. Но женщины вскоре прервали ритуал.

– Собственно, в прошлом году никто не умер, – открыла Хелене тайну старуха. – Если не считать Пету, который наконец окончательно спился. Но он не из нашей деревни, он родом из Киакоура...

Звездное небо теперь сияло во всей красе, и Моана с Дженет и Лаурой предложили детям запустить воздушных змеев. Мальчики и девочки гордо держали свои поделки на ветру. Хелена надеялась, что родители и другие члены племени не слишком напились, не утратили интереса и все же похвалят детей за старательно выполненную работу. Многие детишки целыми днями клеили свои ману, раскрашивали их и украшали перьями и

ракушками. Джеймс и Моана давали советы.

Джеймс... Куда он вообще подевался? Хелена уже некоторое время нигде его не видела. Позже девушка поняла почему. Она услышала тихое урчание мотора, которое все нарастало, а потом показались бортовые огни, светившиеся в небе словно глаза дракона. У Джеймса была собственная связь со звездами! Его Пиппа низко пролетел над площадкой, но достаточно высоко, чтобы не задеть детских воздушных змеев. При этом, к удивлению детей и всеобщему восхищению, за самолетом тоже вился змей! Хелена узнала ману пакау в форме крыла птицы, разрисованного в ее любимые цвета!

– Это твой змей! – воскликнула маленькая девочка. – Посмотри, Хелена, твой летит выше, чем все остальные!

Девушка тоже теперь заметила это. Джеймс запустил ее змея! И она помахала ему вместе с детьми.

– А теперь давайте еще раз громко споем песню воздушных змеев, чтобы Джеймс и Пиппа смогли ее услышать даже там, наверху! – предложила Моана своим воспитанникам.

Хелена снова удивилась тому, какой сильной должна была быть любовь Моаны и Джеймса, если маори спокойно позволяла, чтобы ее друг поднимал в небо воздушного змея другой девушки...

Молодой пилот посадил Пиппу на дорогу, ведущую к маорийской деревне, и с радостью присоединился к празднеству. Вовремя отцепив воздушного змея, Джеймс вернул его девушке.

– Вот, он просто обязан был сегодня подняться в небо и поговорить с богами!

– И что они сказали? – поинтересовался Ропата еще до того, как Хелена успела что-либо произнести.

Он протянул Джеймсу кружку пива. Это была первая выпивка для обоих за тот вечер. Ни Джеймс, ни брат Моаны не пили до начала праздника. А вождь Коуа, стоявший рядом с племянником и разговаривавший с ним о его семье в Данидине, был уже довольно пьян.

Джеймс с радостью выпил с ними.

– Главное – то, что сегодня передали по радио, – весело промолвил он и подмигнул Коуа. – Это будет хороший год. Наконец наступит мир на земле... Германия только что капитулировала – война кончилась. Многие люди, которым пришлось уехать, смогут теперь вернуться на родину...

Хелена закусила губу. Неужели это коснется и ее? Неужели Джеймс хочет отправить ее обратно в Польшу?

– Родственники, потерявшие друг друга, снова обретут семьи... –

Джеймс опять повернулся к Хелене. – И дети уже родятся в лучшем мире. Вот, это боги передали мне для тебя. – Он протянул девушке хей-тики из нефрита.

Хелена с благодарностью приняла подарок.

– Я... у меня уже есть один, – смущенно пробормотала она.

– Но у твоего ребенка еще нет, – широко улыбнулся парень. – А кто может защитить лучше матери-земли и отца-неба?

Когда Хелена внимательнее рассмотрела маленькую фигурку, она действительно увидела двух обнимающихся богов: Папатуануку и Рангинуи – прародителей мира.

Глава 5

Планы девушки маори насчет Матарики удалось осуществить полностью. Праздник состоялся. Конечно, Коуа и остальные представители местного населения напились, но до этого играла музыка, все пели и танцевали, как прежде. Моана с подругами проследила за тем, чтобы дети вместе заснули в доме для общинных собраний: общий ночлег – еще одна составляющая праздника. А уж после этого началась попойка. Мак-Кензи с Хеленой тоже уехали раньше, они даже не поужинали. Жара в земляном очаге не хватило, и мясо не пропеклось – оно было полусырым, когда мужчины выкопали его. Недолго думая Река сложила все в котел и сделала рагу. Но пока блюдо приготовилось, прошло несколько часов. И потом на зубах праздновавших действительно скрипел песок. Полоски тростника, из которых были сделаны корзины, разошлись под действием жара, и при откапывании на еду попала земля. Все же дети были счастливы, а пьяницы вовсе ничего не почувствовали.

Джек и Глория засобирались домой. На Киуорд-стейшн ужин не готовили, но сыр и нарезка нашлись в холодильнике, а свежий хлеб пекли каждый день. Джеймс усмехнулся, когда Хелена жадно впилась зубами в сэндвич.

– Вот видите теперь: лучше все же не закапывать еду перед употреблением, если не живешь прямо возле вулкана, – сказал он.

– Мы просто попытались, – промолвила Глория, подняв брови.

– Кроме того, не про все продукты можно так говорить, – рассмеялся Джек, спеша на помощь жене. – Вот в Европе, к примеру, дорогие сорта сыра созревают под землей...

Джеймс закатил глаза. Хелена попыталась не обращать на парня внимания. Она снова вспомнила о воздушном змее... подарке для ребенка... Может, Джеймс все-таки имел на нее какие-то виды? Или парень поступал так всего-навсего для того, чтобы заставить Моану ревновать? Второе Хелена могла вообразить скорее. Вероятно, Джеймсу просто не понравилось, что Моана провела почти весь день со своим братом из Данидина. Вечером девушка резво выплясывала с Ропатой. Молодой маори, очевидно, влюблен в свою кузину, этого нельзя было отрицать. Джеймс, похоже, заметив все еще днем, ответил тем же. Слишком больно сначала лелеять надежду, а потом остаться разочарованным или высмеянным.

Хелена старалась больше работать в школе. Она присматривала за детьми, говорила с ними на английском и выучила несколько слов по-маорийски. Там она, разумеется, встречалась с Джеймсом намного реже, чем на кухне или в хлевах Киуорд-стейшн. Моана и другие учительницы только радовались помощи Хелены. В итоге проект оказался вполне успешным. Дженет каждое утро, собрав прогульщиков, пыталась с ними наверстать невыученный материал, а после обеда в школе так и кипела работа. Будущие учительницы помогали детям выполнять домашние задания, которые выдавались в обычной школе, мастерили, играли на музыкальных инструментах и читали. И потом, после праздника Матарики, случилось нечто совершенно неожиданное: вместе с детьми маори на занятиях в доме общины появились белые мальчики и девочки.

– Я тоже хочу мастерить воздушного змея! – объяснил мальчонка. Хелена узнала в нем Марти Тасиера – сына хозяина скобяной лавки.

– А я хочу танцевать! – добавила девочка. Маленькая маори как раз показывала ей несколько простых движений и при этом крутила пои-пои. Она явно гордилась, что теперь наконец может делать что-то лучше пакеха.

– Это даже больше того, на что я рассчитывала! – обрадовалась Моана такому пополнению. – На детей пакеха я и в самых смелых своих мечтах не надеялась! Конечно, я всех рада видеть. Наконец-то они подружатся с маори.

Вскоре маленькие пакеха действительно выучили несколько слов по-маорийски. Они старательно распевали хака, играли и танцевали, разыгрывая мифы и истории. Джеймс пожертвовал свой старый мяч для регби. Моана объясняла детям: несмотря на то, что это игра пакеха, у нее много общих элементов с маорийской ки-о-рахи. Один из стариков еще помнил, как плести для такой игры мяч, и сделал его детям. Его жена рассказывала ученикам о плетении, показывала традиционный узор племени.

Все проходило замечательно, пока через несколько дней не заявили родители пакеха – посмотреть, где же пропадают во второй половине дня Мартин, Дэвид, Джейн и Элизабет. Горожане из Халдона не обрадовались, что их отпрыски совершали экскурсии в мир маори. Некоторые написали жалобы на учителей в Халдон и пастору, а затем приехали в деревню, чтобы забрать своих детей. Большинство родителей вели себя агрессивно, словно Моана, Дженет, Лаура и Хелена украли их детей либо подстрекали тех не слушать указаний взрослых.

Молодые учительницы спокойно перенесли злобу пакеха, попытались все объяснить и успокоить их. Девушки были достаточно уверенными в

себе, чтобы не принимать резкие слова близко к сердцу. Но Хелена опасалась таких людей, как Бернард Тасиер. Его крики и угрозы напоминали брань охранников в русском лагере. Джек и Глория подтвердили опасения девушки, назвав Тасиера нацистом. Мужчина всю войну придерживался идеологии национал-социалистов. Хелена разозлилась, когда он обозвал маори грязными дикарями и тупыми охотниками за головами, рядом с которыми не место его сыну. Это придало польской девушке сил, чтобы возразить наглецу. Она сможет вести занятия сама, если Моана, Дженет и Лаура вернутся в Данидин. А расставание все приближалось.

Руководство семинара поддержало их проект по интеграции аборигенов в современное общество, теперь девушкам предстояло делиться опытом, пока семестр не подойдет к концу. До зимних каникул еще предстояло сдать экзамены, и молодым наставницам следовало подогнать материал, пропущенный во время работы над проектом. Они считали, что им нужно вернуться, но покинуть детей было жаль. Втроем они в день отъезда уговаривали Хелену помогать детям хотя бы с домашними заданиями. Хелена охотно согласилась на это, между тем, она считала, что не сможет справиться с враждебным отношением жителей Халдона. Полячка также не могла рассчитывать на благосклонность Коуа. Вождь, как и большинство жителей мараэ, толерантно относился к школе, но не проявлял к ней особого интереса.

– Я не знаю... у меня скоро родится ребенок... – попыталась придумать отговорку Хелена, когда речь об этом зашла снова, – для меня все это слишком тяжело...

Она сама понимала: аргумент не очень весомый. И все-таки старалась как можно реже упоминать о ребенке и родах. Несмотря на то, что всего несколько недель отделяло ее от этого дня, девушка решила ничего не менять в своей жизни. Хелена еще совершала конные прогулки, хотя на лошадь приходилось взбираться со стула, да и бриджи уже давно не застегивались на животе. Поэтому она часто одевалась в растянутый после стирки свитер, в котором обычно раньше работала Глория. Он скрывал пояс штанов Хелены, которые не сходились вокруг раздавшейся талии и держались на веревке.

– А разве верховая езда тебе сейчас не в тягость? – метко подметила Лаура. – Кажется, ты совершенно не беспокоишься о ребенке! Если вдруг упадешь...

– Я не упаду, – спокойно возразила ей Хелена. За последние месяцы девушка вполне сносно научилась ездить верхом и, конечно, сядет на

самую спокойную лошадь. – Мисс Глория позволяет мне это...

Хелена очень гордилась данным фактом. В то утро она как раз впервые поскакала верхом без сопровождения, после того как Глория вдохновила ее на это. Для Хелены подобные вещи были словно посвящение в рыцари. Она восхищалась матерью Джеймса и радовалась любой ее похвале. Кроме того, Глория была единственным человеком, который не говорил с ней постоянно лишь о будущем ребенке. Мать Джеймса болтала о ферме, собаках и лошадях. Она была животноводом до глубины души и могла часами обсуждать щенков и жеребят. Ее волновало любое пополнение живности на ферме. Если Хелена не хотела говорить о своей беременности, Глория принимала это и оставляла за девушкой право выбирать тему для беседы.

– Мисс Глория наверняка сама до последних дней ездила в седле, когда была беременна... – предположила Дженет, недолголюбившая мать Джеймса.

Девушка казалась общительной и разговорчивой, но очень застенчивой. Глория часто вела себя резко и замкнуто, к тому же некоторых отталкивала ее манера одеваться в мужские вещи.

– А Джеймс точно лежал в конуре со щенками ее собаки, когда за ним некому было присматривать, – выдала Моана одну из семейных легенд Мак-Кензи. Она при этом не улыбалась, хотя, похоже, не одобряла поведение Глории в отношении беременности и воспитания детей. – Тебе не стоит подражать ей в этом! – строго добавила девушка. – Я знаю, ты считаешь: все, что делает Глория, правильно, однако поступать так не стоит, по крайней мере, не следует ездить на лошади перед самыми родами. Лучше займись школой! Помощь в домашних заданиях не столь утомительна, как верховая езда!

Хелена промолчала. Лично она имела такую точку зрения: сердитый Бернارد Тасиер намного опаснее кроткой кобылы Меган. Та считалась самой доброй и надежной лошадейю на конюшне Глории. Конечно, девушка уже давно отказалась от мысли вызвать выкидыш, но все равно этот ребенок был для нее нежеланным. После его рождения она едва ли станет о нем заботиться. Хелена просто будет выполнять свои обязанности, как делала раньше всегда, за исключением дня, когда предала сестру. Если так надо, она готова пожертвовать собой ради ребенка. Но собиралась игнорировать его, насколько это возможно.

В один прекрасный день Моана и ее подружки уехали с тяжелым сердцем, а Глория Мак-Кензи завела разговор о родах. Все члены семьи в

этот момент сидели у камина.

– Нам стоит подыскать акушерку, Хелена, – промолвила женщина.

Зима уже опутала равнины своими сетями, было дождливо и холодно. Хелена покраснела. Ей не нравилось обсуждать планы насчет родов в присутствии мужчин, но Джеймс листал авиационный журнал, а Джек расслабленно покуривал трубку.

– В общем, я посоветовала бы тебе Ахуреву, – продолжала Глория. – Мараэ значительно ближе Халдона, если все пойдет быстро. У Ахуревы богатый опыт. Она помогла появиться на свет намного большему количеству детей, чем миссис Фридман.

Миссис Фридман работала медсестрой и акушеркой в Халдоне.

– Только если она не напьется, – задумчиво добавил Джек.

Хелена тоже заметила, что старая Ахурева почти всегда носит с собой бутылку виски.

Глория покачала головой.

– Она и в пьяном виде помогает при родах лучше, чем трезвая миссис Фридман, – возразила хозяйка. – Ты можешь смело довериться ей, Хелена.

– А в случае осложнений мы отвезем тебя в больницу, – теперь вмешался и Джеймс. Казалось, он тоже обдумывает эту ситуацию. – Как бы то ни было, я буду держать наготове Пиппу. Если произойдет что-нибудь экстраординарное, ты через четверть часа попадешь в Крайстчерч!

– И там ты приземлишься на Манчестер-стрит? – язвительно заметила Глория. – Или она выпрыгнет с парашютом? Не бойся, Хелена. Ты молодая и здоровая, у тебя точно все пройдет хорошо.

Хелена безучастно кивнула. Во время беседы у нее сложилось впечатление, что здесь говорят абсолютно о другой девушке, а не о Хелене Грабовски – храброй дочери родителей-католиков из Польши. Для нее была бы совершенно немыслима нежеланная беременность, да еще без мужа. Иногда Хелене и сейчас казалось, что она вот-вот очнется от этого кошмарного сна, опять станет стройной и подвижной, а не будет чувствовать себя выброшенным на сушу китом.

– Ах да, пусть кто-то из мужчин достанет колыбель с чердака...

Казалось, в этот вечер Глория решила обсудить тему «Младенец» до мелочей. Хелена в мыслях благодарила хозяйку за то, что она все время говорила лишь предметно. Лаура и Дженет сразу начинали сюсюкать, когда речь заходила о малыше. Хелена же не ощущала такого восторга. По ее мнению, для ребенка все должно было быть подготовлено, но не испытывала удовольствия, выбирая кроватку или одежду для него. На самом деле причина для беспокойства отсутствовала. В Киуорд-стейшн

имелось все необходимое с первых дней жизни новорожденного.

На следующий день Джек принес в комнату Хелены колыбель, которую делали еще для Глории – чудесную точеную кроватку с инкрустациями, украшенную внутри кружевами и рюшами. Хелена подумала, что эта кроватка достойна принцессы, и Джек, улыбаясь, согласился.

– Кура-маро-тини и ее Уильям тоже это себе так представляли. Отец Глории видел в ней принцессу, которой, без сомнения, когда-нибудь покорится весь мир. Именно он назвал ее таким помпезным именем. В детстве Глория немного стеснялась этого. Мысли о том, что ребенка еще нужно кормить и пеленать, мало заботили гордых родителей Глории. Все это легло на плечи мисс Гвин... и на меня. Я всегда любил Глорию! Сначала как младшую сестру, а потом, после многих лет разлуки, как жену.

Чуть позже явилась Глория с детскими вещами, оставшимися после нее, Джека, Джеймса и его старшей сводной сестры Флеретты. Она обшарила все бельевые шкафы на Киуорд-стейшн и нашла их. Мисс Гвин, наверное, никогда не утруждалась, чтобы что-то выбросить, а у Глории потом для этого вовсе не было времени.

– Чуть старомодные, – сказала она, поднимая вверх и рассматривая детские вещи, – но их еще вполне можно носить. Если ты, конечно, не хочешь пошить что-нибудь новое, Хелена.

Девушка помотала головой. Она собиралась одевать ребенка в то, что было.

Глава 6

– Как ты назовешь его или ее? – мимоходом спросил Джек Мак-Кензи, отхлебнув виски.

Семья снова сидела вместе в комнате у камина, и, как обычно в последнее время, отец Джеймса пытался поговорить с Хеленой о ребенке. Наверное, он заметил, насколько неохотно девушка думала о младенце, и, очевидно, беспокоился. Равнодушие Хелены напомнило ему историю Кура-маро-тини и ее супруга Уильяма. Он ни за что не хотел упоминать об их ошибках в обращении с ребенком. А потом Джек словно случайно спросил о планах Хелены в отношении малыша. Девушке пришлось подыскивать отговорки, ведь она еще не знала ответа.

Конечно, с приближением родов ситуация усложнялась. Наступили последние недели июня, и скоро все начнется. Хелена чувствовала, что уже не сможет стать еще толще. Ей казалось, живот чудовищно округлился, а ноги налились. Во время ходьбы девушка иногда теряла равновесие и почти каждый день страдала от болей в спине.

Ребенка больше нельзя было игнорировать, однако Хелена сама себе сознавалась, что скорее злится на маленького нарушителя спокойствия, чем радуется ему. Она не любила своего малыша. Если Кура-маро-тини испытывала те же чувства, то Хелена вполне понимала ее. Но девушка не собиралась нерадиво относиться к младенцу. Она всегда была слишком прилежной.

Пока Хелена подыскивала наиболее безобидный ответ и лишь хотела пробормотать, что назовет новорожденного в честь своих отца или матери, зазвонил телефон.

Глория, поднявшись, вышла в кабинет, чтобы ответить на звонок. Хозяйка тут же вернулась.

– Это тебя, Хелена. Миранда. Она очень взволнованна.

Девушка едва не подскочила. Миранда была взволнованна? Может, она что-то слышала о Люцине? Хелена с трудом, но как можно скорее поднялась из кресла, прошла за Глорией в кабинет и неумело приложила трубку к уху. Еще никогда до этого она не разговаривала по телефону.

– Да... Это Люцина Грабовски...

Хелена в тот момент решила назваться своим официальным именем. Она остерегалась, что кто-то может подслушивать их разговор. Но Миранда, казалось, не думала об этом.

– Хелена, это Миранда! – Ее звонкий голос действительно звучал очень взволнованно. – Как дела у тебя и твоего малыша? – сначала вежливо поинтересовалась она, но, не дождавшись ответа Хелены, сразу выпалила новости: – Хелена, Витольд Облонски мертв!

Хелена пыталась сохранить равновесие, ухватившись за шкафчик, на котором стоял телефонный аппарат. От одного имени мучителя ее тошнило. Но потом девушка осознала слова Миранды. Неужели Витольд умер? Отчего? Он был лишь на несколько лет старше самой Хелены.

– Ты слышишь, Хелена? – спросила Миранда. – Я сказала, этот подлец Витольд мертв. Ты меня поняла?

Хелена устало кивнула и только потом сообразила, что Миранда этого не может увидеть по телефону.

– Да, – наконец почти беззвучно ответила девушка. – Но... но как... как это произошло? Он...

– Его убили, – объяснила Миранда. – Маорийской боевой дубинкой.

Перед глазами Хелены все вокруг завертелось. Она неожиданно вспомнила экскурсию в мараэ у Палмерстона... Девочку Каролину, которая хотела стать воительницей. Оружие, подаренное малышке Аконом. Ликующие слова девочки: «Этим можно даже человека убить!»

– Каролина? – спросила девушка.

– А откуда ты знаешь? – удивленно спросила Миранда. – Ты уже слышала что-то об этом? Мне казалось, новость еще не сообщали в газетах, но, конечно, о таком событии будут говорить. Тринадцатилетняя девочка убила своего учителя. И не в состоянии аффекта – она хладнокровно планировала это. Она ударила его дубинкой по затылку, а когда Витольд зашатался и упал, она продолжала бить его. «С особой жестокостью», – так написали в полицейском отчете.

– Наверное, у нее были на то причины, – сказала Хелена и вспомнила, о чем мечтала сама. Как часто в мыслях она убивала Витольда. Каролина воплотила это в жизнь.

– Девочка говорит, он приставал к ней. Еще до случившегося, дважды. А в этот раз захотел большего, чем просто облапать. Вот она и спланировала его убийство. Она сама это сказала. Так глупо. Ну, сказала бы, по крайней мере, что в голове помутилось... Но нет, она совершила убийство преднамеренно и призналась. Хелена, они посадят ее за решетку!

Хелена оперлась о буфет. Для нее это было слишком. У нее в голове образовалась какая-то пустота, но девушка боролась с ней. Нужно было все обдумать, она должна помочь Каролине.

– А разве они ей не поверили? – тихо спросила Хелена. – Полиция...

руководство школы... Это выглядит как самооборона...

– Все сложнее, – объяснила Миранда. – С одной стороны, они верят, что девочка убила мужчину не без оснований, с другой – жена Витольда устроила спектакль. Выставляет его прямо-таки святым, просто лучшим другом детей. По ее словам, Витольд и пальцем не трогал ни одну из своих подопечных. А Каролина... Документально подтверждено, что против нее во время депортации совершались правонарушения. В Персию она прибыла с тяжелыми травмами, там ее лечили в местной больнице. Девочка была напугана из-за этого. Теперь мисс Шерман, то есть миссис Облонски, утверждает, будто Каролина свихнулась. Наверное, то, что собирался сделать с ней Витольд, напомнило о парнях из России, поэтому сработал механизм защиты, так сказать. Если такая теория подтвердится, Каролину, скорее всего, отправят в психиатрическую клинику.

– Что за ерунда! – выпалила Хелена. – Конечно, этот тип сам приставал к ней! Это ведь не в первый раз...

– Именно! – ответила Миранда так радостно, словно Хелена отгадала загадку века. – И ты должна об этом рассказать им, Хелена! Ты должна дать показания в пользу Каролины, сообщить о том, что Витольд сделал с тобой. И с твоей сестрой. Ты ведь говорила когда-то об этом, правда?

– Но я... – все в душе Хелены противилось тому, чтобы предавать огласке издевательства Витольда.

– Да-да, я понимаю, давай теперь не будем говорить об этом деле, – нетерпеливо сказала Миранда. – Для этого ведь больше нет оснований. Он ведь уже не сможет тебя выдать, Хелена. Твоя тайна надежно скрыта, никто не усомнится в твоих документах. Ты представишься Люциной Грабовски и расскажешь не о шантаже, а про изнасилование. Главное, мы не оставим Каролину один на один с обвинением. Ты должна приехать, Хелена. Немедленно! Ты просто обязана!

– Сейчас поездка для тебя будет очень утомительна, – решила Глория, когда Хелена, вернувшись в комнату к Мак-Кензи побледневшая словно мел, пересказала телефонный разговор с Мирандой. – Несомненно, ты должна дать показания. Девочке важна любая поддержка, которую она сможет получить. Но ты же на девятом месяце. Тебе сейчас нельзя отправляться на Северный остров.

Глория заметила сожаление девушки. Хелена очень сочувствовала Каролине.

– Может, у Хелены получится дать показания здесь, – предложил Джек. – В полиции либо у нотариуса. А заверенные показания отправить в

Паиячуа.

– Это подействует не так хорошо, как личное присутствие, – высказала свое мнение Глория. – Особенно, когда жена оказывает давление. Люди должны взглянуть в глаза Хелене, поверить ей, а не только... – женщина посмотрела на круглый живот девушки.

– Я могу тебя подбросить на самолете, – спокойно предложил Джеймс. – Если ты не боишься...

Парень знал, что после их первого полета Хелена с удовольствием ощутила под ногами твердую почву.

– Ты с ума сошел! – воскликнула Глория. – Такая тряска... Схватки тут же начнутся.

– Я не боюсь, – вовремя вмешалась Хелена. – И считаю это хорошей идеей. Меня только будет тошнить. Но я уже свыклась с этим: во время нашего последнего полета мне постоянно было дурно. И в поезде, и в машине... и на корабле тоже.

– Если по пути не поднимается ветер, Пиппу почти не бросает в полете, – заверил Джеймс. – Перелет – это намного лучше и удобнее, чем поездка на пароме. И не придется делать крюк, полетим по прямой. Мы можем отправиться завтра, а послезавтра уже вернемся обратно. Или даже вечером в тот же день.

Хелена закусил губу. Девушка очень боялась дачи показаний, и беременность на поздних сроках была бы отличной отговоркой. С другой стороны, она не могла оставить Каролину на произвол судьбы. Маленькая девочка отомстила за Хелену, а может, и за других маленьких девочек, которых раньше встречал Витольд! Сейчас Хелене сдаваться было нельзя.

Однако Джеймс растолковал ее смятение иначе.

– Но, конечно, если ты мне не доверяешь... – на его лице читалось разочарование.

Девушка покачала головой.

– Мы полетим, – решила она.

Хелена особо не удивилась, когда позже в коридоре, перед комнатой, ее встретила Глория.

– Я просто хотела поговорить с тобой еще раз, дитя мое, – сказала хозяйка, немного замаявшись. – Я считаю... это очень смелый поступок лететь в Паиячуа. Но ты уверена, что хочешь этого?

– Я действительно не боюсь, – потеряла лоб Хелена. – Джеймс летает очень хорошо...

Глория отмахнулась.

– Я не то имела в виду. Конечно, Джеймс умеет летать. И если во время полета начнутся схватки, он доставит тебя в больницу раньше, чем мы найдем здесь акушерку. Я видела: мальчик может посадить самолет на почтовую марку! Речь идет о показаниях. В самолете только два места. Я не смогу сопровождать тебя. И Лилиан не сможет, она вместе со своим Беном отправилась на острова Кука. Ты будешь совсем одна... – Женщина взглянула девушке в глаза. По этому взгляду можно было сделать лишь один вывод: Глория Мак-Кензи знала, о чем говорила. – Тебе придется рассказывать о вещах, которые ты хочешь забыть.

– И нга ва о муа, – тихо произнесла Хелена, закусив губу. – Это никогда не забудется.

– Ты права, – усмехнулась Глория. – Может, это и в самом деле лучше высказать. Есть такие врачи... психотерапевты... они утверждают, что разговоры помогают. Я... я никогда бы не смогла, – женщина опустила глаза.

– С вами... тоже случилось что-то подобное? – спросила Хелена. Девушка давно об этом догадывалась, хотя Глория до сих пор говорила лишь намеками.

Женщина поджала губы.

– Я была в Америке и хотела вернуться в Новую Зеландию, – промолвила она. – А у меня не было денег. Мне тогда исполнилось девятнадцать лет... Возвращение домой стало для меня навязчивой идеей. Остальное ты можешь сама додумать. Я скорее умру, чем решусь рассказать об этом.

– Я... я... – Хелена хотела согласиться с этим. Девушка понимала хозяйку, она точно знала, что чувствует Глория. Но вспоминала не Витольда. Его она ненавидела и испытывала к нему отвращение, а теперь ребенок от него разрушил ее будущее. Хелена никогда бы не решилась никому рассказать, как предала сестру. В этом поступке девушка не могла никому признаться. – Я смогу это сделать, – наконец ответила она.

Глория неловко приблизилась к ней. Неужели мать Джеймса хотела обнять ее? Только теперь Хелена осознала, как редко эта женщина прикасалась к другим людям. И сейчас в последний момент Глория испугалась этого и лишь дотронулась до руки девушки.

– Удачи, – промолвила она.

Разумеется, у Хелены от волнения колотилось сердце, когда на следующий день она садилась в самолет Джеймса. С толстым животом влезть на сиденье было непростой задачей. Хелена стеснялась своей

неловкости и бесформенной фигуры в сером платье для беременных, которое напоминало мешок. Халдонские магазины не шли в ногу со временем в отношении моды для будущих матерей. Впрочем, Хелена считала, что выглядит довольно печально. Она помыла голову только вчера, но волосы уже повисли безжизненным прядками.

Казалось, Джеймс этого совсем не замечает. Парень смотрел на девушку по-приятельски весело, как и в тот день, когда она покупала себе бриджи и клетчатую рубашку в Халдоне.

– Ну, поехали! Если что-то пойдет не так, кричи! – выдал он указания. – Сегодня в кабине будет немного шумно...

Дождь шел всю ночь и просто не хотел прекращаться. Глория беспокоилась из-за непогоды. Но Джеймс объяснил: дождь – это не страшно, самолет болтает от ветра. Однако стоял штиль. Дождь поливал так, что казалось, облака никогда не уйдут с равнины. От шума закладывало уши, было достаточно темно.

– И не переживай! – добавил парень. – До Веллингтона всего две сотни миль. Мы их преодолеем за каких-нибудь два часа и приземлимся на военном аэродроме. Там сможем заправиться и продолжить полет.

– Или взять билеты на поезд до Пааячуа, – строго сказал Джек. Он провожал сына и Хелену до ангара. – Не рискуй, Джеймс! В Пааячуа – детский дом, а не взлетное поле! Кто знает, сможешь ли ты там сесть.

Джеймс довольно ухмыльнулся, снова помахал летным шлемом на прощанье и заскочил в кабину.

– Еще поглядим! – дерзко крикнул он отцу. – Присмотри за Эйни!

Он запустил мотор, и маленький самолет выкатился на взлетную полосу. Хелена закрыла глаза.

Когда девушка вновь открыла их, самолет уже был в воздухе. Обещания Джеймса подтвердились. Он вел машину очень ровно и спокойно, летел все время по прямой, и поэтому Хелену совсем не тошнило. Летательный аппарат шел не очень высоко и держался вдоль побережья, так что девушка любовалась пляжами и крутыми утесами внизу. Сначала дождь портил весь вид, но спустя какой-то час небо прояснилось, а когда они наконец добрались до пролива Кука, море засверкало на солнце. Здесь было немного беспокойно. Как обычно, между двумя островами дул ветер. Однако Хелена, несмотря на это, держалась храбро.

– Ребенок станет летчиком! – предсказал Джеймс, когда они приземлились в Веллингтоне. Парень заметил, что Хелена чувствует себя хуже, чем после их первого полета над Киуорд-стейшн. – Я научу его, как

только он сможет дотянуться до штурвала.

– Вдруг родится девочка? – задумчиво произнесла Хелена и в тот же миг удивилась сама себе. Она впервые говорила о своем ребенке легко и действительно сразу представила лицо маленькой девчушки, немного похожей на нее.

– Ну и что? – спросил Джеймс. – Амелия Эрхарт тоже родилась девочкой. А Элли Байнхорн в тридцатых годах облетела вокруг земного шара. И у твоей дочки все получится! Или она полетит на Луну! Это скоро произойдет, вот попомнишь мои слова! Через двадцать лет мы будем там!

Хелена выдавила из себя улыбку, пытаясь представить, где через двадцать лет окажутся они вместе с ребенком. Будет у него шанс завоевать весь мир или он станет таким же неудачником, как и его мать?

– Ты действительно хочешь отсюда поехать на поезде? – поинтересовался Джеймс.

Он провел Хелену в офицерскую столовую и заказал для нее кофе и еды, чтобы перекусить. К удивлению Хелены, в этот раз после полета она даже проголодалась.

Девушка смело покачала головой.

– Думаю, мы можем лететь дальше, – сказала она, хотя охотно еще ненадолго отложила бы прибытие в Пааячуа.

Настроения для путешествия поездом у нее не было. На извилистой железной дороге через хребет Римутака трясти будет больше, чем во время полета.

Их больше ничего не задерживало.

Когда Джеймс и Хелена вышли из столовой, молодой сержант сообщил, что о них кто-то справлялся.

– Какая-то девушка, сэр, – объяснил он. – На очень красивой машине. Она говорила, что хочет забрать вас. Ее имя... Погодите-ка, мисс... мисс Биллер.

Джеймс и Хелена переглянулись.

– Это Миранда, – заметил парень. – Теперь дорога станет еще опаснее.

Глава 7

Миранда чертовски радовалась удачному сюрпризу. Она ждала перед аэродромом возле своего маленького автомобиля и теперь бросилась, чтобы сердечно обнять Хелену и Джеймса.

– Черт побери, ну ты и растолстела! – бесцеремонно заявила Миранда, выпустив Хелену из объятий. – Теперь я понимаю, почему тетя Глория отказывалась тебя отпускать в это путешествие. Живот выглядит так, словно ребенок появится через три минуты! Конечно, может, такое впечатление от платья... Не понимаю, что они там, в Халдоне, вообще не слышали о моде для беременных? Это настоящее чудо, что женщины там еще кого-то рожают!

Миранда же в это утро выглядела восхитительно. На ней был бирюзовый костюм: юбка, едва прикрывающая колени, и пиджак с вырезом и ватными подплечниками. На голове – простая круглая шляпка. Наверное, такой вид отвечал представлению Миранды о том, как должен быть одет человек по серьезному поводу.

Джеймс закатил глаза, заметив, как покраснела Хелена.

– Женщины в Халдоне хотят в одежде просто ходить, – защищал он свою родную деревню... или Хелену? – Платье должно быть не красивым, а таким, чтобы Хелена могла свободно влезть в кабину самолета. В твоём наряде, Миранда, это было бы невозможно.

Миранда лукаво скривилась, когда Хелена одарила Джеймса робкой улыбкой.

– Это всегда добрый знак: женщина нравится мужчине в любом платье, – многозначительно заметила девушка... – А сейчас полезайте в машину, я сообщила, что вы подъедете сегодня во второй половине дня. В три часа у майора Фоксли и мистера Следзински найдется для нас время. И миссис Облонски, конечно, захочет присутствовать во время дачи твоих показаний, Хелена. Не знаю, разрешат ли ей, но ты не должна исключать этого. Дамочка может быть весьма неприятной...

Миранда открыла дверцу, и Хелена с трудом уселась в спортивный автомобиль. Здесь было почти так же тесно, как в кабине самолета. На заднем сиденье девушка больше не помещалась. Для Джеймса тоже было сложной задачей поместить свои длинные конечности. Но парень справился, даже не пискнув. Миранда грациозно скользнула за руль и сразу вжала педаль газа в пол.

– Ты невероятно смелая, если отваживаешься летать на таком сроке! – сказала она, резко входя в очередной поворот. – Не знаю, смогла бы я решиться на такое.

– Что сейчас с Каролиной? – подавленно спросила Хелена.

Собственно, девушке едва хватало сил, чтобы держаться, но она хотела отвлечь Миранду разговором, надеясь, что та будет ехать медленнее.

– Ох, бедная малышка... – Миранда действительно немного сбросила газ. – Девочку еще не посадили в тюрьму, она в Маленькой Польше. Никто не знает, кто за нее в ответе. Лагерь ведь под американским протекторатом, поэтому полиция Палмерстона не решается пока запереть маленькую полячку в камере. С другой стороны, они считают Каролину потенциально опасной...

– Почему? – спросила Хелена.

– Они пригласили двух врачей осмотреть ее, – продолжала Миранда. – Психологов или психиатров, как они там называются. К сожалению, их мнения противоречивы. Один высказал предположение, что девочка действительно могла ударить, защищаясь, и наверняка не стала бы так поступать, если бы на нее не напал кто-то. У другого собственная теория: случился своего рода перенос, или флешбэк, и подобное может повториться с девочкой в любой момент. Но пока это не очень помогает, сама Каролина говорит мало. Она просто сидит молча, смотрит в стену, иногда повторяет: «Я ему говорила, что никогда больше не сделаю этого». Лично я считаю, что здесь и думать особо нечего, но вот врачи ломают голову уже много часов.

Миранда тем временем вошла во вкус и повернула на головокружительной скорости на извилистую горную дорогу. Хелену снова тошнило.

– Показания других детей тоже не дают Каролине лишних козырей, – неумолимо продолжала рассказ Миранда. – Майор Фоксли устроил дознание на предмет того, как вообще эта дубинка попала к Каролине. Вероятно, он хотел обвинить маори в соучастии. Это, естественно, полная чушь. Каролина с тем же успехом могла взять нож на кухне. Так он узнал об экскурсии к нгати рангитане, когда Каролина вела себя очень странно...

– Потому что она хотела метать копье и размахивать дубинкой, а не прясть? – саркастично спросила Хелена, вспомнив замечания Джеймса насчет будущего ее ребенка и по поводу известных летчиц. – Причем она бросала копье дальше, чем мальчики. Это, конечно, должно свидетельствовать о коварных преступных замыслах!

– Она называла себя воительницей и настаивала, чтобы ей разрисовали

лицо, как у мужчин, – объяснила Миранда. – Молодой человек, рассказывавший детям в мараэ об оружии, подарил ей боевую дубинку. И да, я уверена, мальчики немного завидовали этому и теперь поквитались с Каролиной во время дачи показаний. Фоксли также отправил людей в ту мараэ, чтобы опросить маори, но старая тохунга дала им отпор. Она сообщила, что та боевая дубинка была сделана для женской руки, ее внучка Хоани подарила девочке это оружие. Оно должно было защитить Каролину. Думаю, если Фоксли и мог что-либо предъявить в Палмерстоне, Акона первая очутилась бы в сумасшедшем доме.

Миранда еще раз хорошенько надавила на газ перед одним из подъемов.

– А где Каролина в данный момент? – поинтересовался Джеймс.

Как показалось Хелене, в его голосе слышалось беспокойство. Миранду сейчас тоже больше волновала судьба Каролины, нежели манера вождения.

– Она должна быть в своей комнате, – объяснила девушка. – Других девочек выселили. Они из страха перед миссис Облонски не дали показаний в пользу Каролины, а тут еще наговорили всякого мальчишки, которые вместе с Каролиной ездили к маори. Но мы ее одну не оставим... Ну, мы, опекуны. Мы все на ее стороне. За ней нужно присматривать. Один из психологов полагает, что она может совершить самоубийство. Это ужасная история. Надеюсь, Хелена, после твоих показаний официальные власти примут взвешенное решение.

Хелена и Джеймс благодарили всех богов и духов, когда машина, целая и невредимая, въехала в Паиячуа. У Хелены все еще кружилась голова, но схваток она не чувствовала.

– Храбрый ребенок! – пробормотала она, впервые заговорив о своем нерожденном малыше. – Тебе непременно придется вытерпеть еще кое-что. Нам нужно, кроме прочего, восстановить справедливость...

Ребенок толкался, словно хотел ответить. Очевидно, это был здоровый и хороший младенец. Хелена вздохнула. Она забыла, что еще до недавнего времени ненавидела эти несильные толчки.

В Маленькой Польше со времени отъезда Хелены ничего не поменялось. Конечно, игровые площадки и дома выглядели не такими новыми, но дети были упитаннее и веселее. Некоторым предстояло покинуть лагерь летом, чтобы провести каникулы в гостевых семьях в Веллингтоне. Сначала это планировали сделать только для старших детей, которые учились в городе или хотели поступить в университет. В отношении младших подумывали получить разрешение на адаптационную

программу^[24]. Идея, что детей после войны нужно вернуть на родину, больше не обсуждалась. Польшу освободили от немецкой оккупации, но теперь туда вошли русские войска. Возможно, сталинские палачи захотят вновь депортировать детей, если их отправить туда.

Наталия была из тех, кому предстояло уехать на лето. Фермерская семья из Грейтауна согласилась принять ее вместе с братом и сестрой, и девушка заметно волновалась. У Хелены были опасения, что подруга поднимет шум из-за ее беременности, однако Миранда, очевидно, что-то уже рассказала, и Наталия проявляла умеренный интерес. Хелена решила не посвящать подругу в подробности дела о Витольде. Другие дети и подростки тоже не пытались заговорить с девушкой, когда Миранда, словно само собой разумеется, повела Хелену на обед в столовую. Казалось, дети сторонятся и опасаются ее. Девушка это понимала. Дети привыкли к лагерной жизни в Сибири, где каждый был сам за себя. Если кого-то постигало несчастье, как теперь Каролину, то от такого человека шарахались, а не вмешивались в ситуацию.

Миранда и другие новозеландские опекуны лишь подтвердили это впечатление.

– Мы пытались выяснить, приставал ли мистер Облонски к другим девочкам из своих классов, – сказала одна из женщин. – Мы предполагали, что Каролина была не единственной, и ты это должна сейчас подтвердить, Люцина. Однако дети упорно молчат. Все держат язык за зубами...

Хелена кивнула, чувствуя некоторое утешение от того, что новозеландские опекуны были уверены в невинности Каролины. Хотя Витольд и не домогался ни одной воспитательницы, его неприемлемое поведение вызывало у многих молодых женщин противоречивые чувства.

Приближалось время дачи показаний. Сердце Хелены колотилось, когда она проследовала за Мирандой в кабинет лагерного начальства. Девушку порадовало то, что Джеймс присоединился к ним.

– Мы тебя, впрочем, с собой взять не сможем, – сказала Миранда, глядя на молодого человека. – Я даже не знаю, разрешат ли они мне сопровождать Хелену.

И точно: им пришлось ждать в коридоре. Мистер Следзински, приглашая девушку в кабинет, говорил подчеркнуто вежливо. Майор тоже приветливо поздоровался с ней, лишь жена Витольда враждебно глянула на Хелену. Ей разрешили присутствовать при даче показаний, но запретили задавать вопросы и велели держаться на заднем плане. Хелена быстро позабыла о присутствии этой женщины, когда мистер Следзински начал

расспрашивать об анкетных данных. А майор попытался растопить лед, разузнавая о Биллерах. Хелена отвечала тихо. Она быстро рассказала о том, что произошло с ней и Витольдом, упомянула о его действиях в отношении сестры во время плавания на корабле из России в Персию.

– А почему вы сразу просто не пришли к нам, мисс Грабовски? – спросил майор после ее рассказа о беременности. – Вы могли бы довериться нам.

Хелена покраснела и опустила глаза.

– В лагере он больше не приставал ко мне, – пробормотала девушка. – Я не могла ничего доказать... – Голос ее становился все тише, когда она начинала рассказывать о своем разговоре с Витольдом. – Он сказал, что женится на мисс Шерман. Он хотел получить новозеландский паспорт. И если бы я на него заявила, то стал бы все отрицать. И он... – Хелена поджала губы, ее внезапно охватил ледяной ужас. Вдруг Витольд рассказывал жене об этой истории? Но девушка решила продолжить: – Витольд утверждал, что, если я на него заявлю, он мне отомстит. «Я просто скажу, что ты подделала документы. У тебя вообще нет права находиться здесь», – таким был его ответ. Еще он хотел сообщить, будто я была беременна до того, как мы отплыли в Новую Зеландию, и обманом прокралась на корабль. Он угрожал рассказать, что давно меня знает. И это было правдой, мы в Сибири находились в одном лагере. Он угрожал просто заявить, что я, мол, уже тогда... была легкодоступной. И я испугалась, – закончила Хелена.

Майор, кивнув, обратился к своей секретарше, которая вела протокол:

– Перепечатайте все это, мисс Нола, а вы пока останьтесь, мисс Грабовски, и подпишите показания. И большое вам спасибо. Вы нам очень помогли.

Хелена уже хотела выйти за дверь, как миссис Облонски тут же выдвинула обратное мнение по поводу показаний девушки и высказала все майору и мистеру Следзински. Хелена старалась не слушать.

Она радовалась, что все уже позади. Вздохнув, девушка открыла дверь в коридор. И тут произошло нечто совершенно неожиданное. На пороге стояла взволнованная Миранда. Она не могла дожидаться окончания допроса. Ее крепко держала за руку светловолосая девочка лет двенадцати, которая сразу напомнила Хелене Люцину. Девчушка прятала заплаканное лицо в складках пиджака Миранды.

– Это Барбара, – сказала Миранда Хелене и двум мужчинам в кабинете, надеясь, что майор и мистер Следзински выслушают ее. – Она хочет дать показания. Проходи, Барбара, ты, наверное, уже видела майора

Фоксли и пана Следзински, а пани Облонски тебе ничего не сделает.

Миранда произнесла польские слова – дети привыкли говорить своим учителям «пан» и «пани» вместо «мистер» и «миссис». Девушка нежно погладила ее по голове.

Барбара взглянула на нее.

– Ты нужно пойти вместе! – на ломаном английском потребовала она от Миранды.

Миранда виновато посмотрела на обоих мужчин. Она надеялась на их понимание, ведь девочка робела. Барбара потащила ее за собой в комнату. Хелена использовала эту возможность, чтобы остаться. Только Джеймс по-прежнему ждал в коридоре.

– Итак, Барбара... – приветливо заговорил с девочкой майор, грозно взглянув на миссис Облонски, которая попыталась вмешаться. – Вы сейчас же закроете рот! Если я правильно понял мисс Биллер, у нас здесь есть третья жертва. И уж после этого вы точно уже не отмоете имя своего чудесного супруга. Можешь говорить спокойно по-польски, Барбара. Пан Следзински все переведет для меня. Или мисс Грабовски...

– Этого еще не хватало! – запричитала вдова Витольда, но Барбара уже начала говорить.

Мистер Следзински делал синхронный перевод.

– Другие девочки говорили, что я ничего не должна рассказывать, Каролина все равно сумасшедшая, – прошептала она. – А пани Облонски говорит, я это просто нафантазировала, все девочки придумывают что-то такое. Но моя мама... моя мама всегда повторяла: я должна говорить только правду... – По личику Барбары вновь потекли слезы.

– Тогда и сейчас говори правду, – подбодрил ее майор. – Не бойся!

– Я плохо считаю, – казалось, Барбара сменила тему. – Я чуть не провалилась на последнем экзамене. Но пан Облонски полагал, я ... наверняка есть другие вещи, которые я умею делать особенно хорошо. И если я ему это покажу, то он... поставит мне хорошую оценку, – девочка вздрогнула. – И... и потом схватил меня там, внизу. Я не смотрела, он водил там рукой...

– Ну, хватит! – майор Фоксли поднялся. – Это так отвратительно. Большое спасибо, Барбара, мы уже достаточно услышали. Ты нам очень помогла. Ты очень храбрая девочка, коль решилась сюда прийти. Быть мужественной намного важнее, чем уметь считать! Мы все очень гордимся тобой. Теперь можешь вернуться в свою комнату. Мисс Биллер наверняка проводит тебя. А вы, миссис Облонски, пока отстранены от работы. Если вы хотите сохранить добрую память о муже, это делает вам честь. Но до

тех пор, пока вы не начали манипулировать детьми и мешать в установлении истины! Ведомство по делам школы найдет вам другую работу. Детей в этом лагере вы больше учить не будете.

Казалось, жена Витольда хотела еще что-то сказать, но потом передумала. Майор Фоксли подождал, пока женщина покинет кабинет. Миранда и Барбара остались. Очевидно, у них не было желания лишний раз встречаться с этой дамой. Джеймс стоял возле двери, которую учительница, выходя, оставила распахнутой.

– Что же теперь делать с Каролиной? – пробормотал майор Фоксли куда-то в пустоту, возможно, он просто говорил сам с собой.

– После всего услышанного мы, наверное, можем сделать вывод: девочка защищалась. Мистер Следзински, вы считаете, что лагерное начальство должно отказаться от уголовного преследования?

Поляк кивнул.

– Но и тут мы не можем ее оставить, – ответил он по-английски с сильным акцентом. – После случившегося и всего сказанного, пожалуй, мы могли бы ее отправить обратно в Польшу. – Он вздохнул.

Миранда прервала его рассуждения. Девушка вмешалась, как всегда, самоуверенно.

– Если позволите, я выскажу предложение... Собственно, оно не мое, а моей тетки Глории Мак-Кензи, которое она озвучила сегодня по телефону. Она говорит, что хочет забрать девочку к себе и, может быть, даже удочерить в случае необходимости. Глория говорит, если вы отпустите Каролину, то я должна отвезти ее в Киуорд-стейшн на Южный остров. Я могла бы выехать с ней завтра.

Хелену словно поразила молния. Глория хочет удочерить Каролину? Маленькую девочку, которую даже никогда не видела? Это могло значить лишь одно: у Глории с ней намного больше общего, чем с любым другим человеком на Земле. В Хелене же, вероятно, женщина видела лишь временного гостя. Сердце девушки забило, но все же она старалась дышать спокойно. Конечно, скоро в Киуорд-стейшн освободится место. Наверное, никто не сомневался в том, что после рождения ребенка она сама покинет ферму. Велись туманные разговоры по поводу обучения и университета. Теперь настало время воплотить эти планы в жизнь. Хелене придется найти работу, чтобы содержать ребенка, а Каролина будет жить на Киуорд-стейшн в светлой и просторной комнате бабушки Гвин, под защитой ее портрета и опекой Глории. И нга ва о муа – прошлое Глории определило будущее Каролины. Этот шанс Каролина заслужила. Она была мужественной, она защищала себя. Она не предала свою сестру. Хелена

зашаталась.

– Хел... хм... Люцина, ты себя хорошо чувствуешь? – В голосе Джеймса слышалось беспокойство. Он обнял ее за талию, поддерживая девушку.

Хелена попыталась прислониться к нему и хоть ненадолго продлить иллюзию того, что она в безопасности.

– Но мы несем за этого ребенка определенную ответственность, – задумчиво произнес мистер Следзински. Видимо, он в свое время не очень-то поддерживал и отъезд Хелены на Киуорд-стейшн. – Психологи... они считают, девочке необходим уход. Специальное лечение. У нее нарушена психика...

– Ах, мистер Следзински, здесь у всех нарушена психика, – отмахнулся майор. – Все эти дети пережили ужасные вещи. Если позволите, я напомню, что в Европе шла война. Такое ни для кого не проходит бесследно. А все это психологическое лечение... от него девочка на самом деле заболела. По крайней мере, в Польше... Как там все это будет происходить? В Польше полная разруха, сплошная путаница... И кто ее там примет? Если девочка сейчас просто приедет к нормальным людям... К людям, которые желают ей добра...

– Моана может о ней позаботиться! – снова вмешалась Миранда, у которой всегда были подходящие аргументы. – Моана вот-вот станет учительницей. Если Каролине понадобится педагогическая помощь...

– Моана – это член семьи? – строго спросил мистер Следзински.

– Не совсем, – ответила Миранда с лукавой улыбкой на губах. – Члены нашей семьи всегда считали, что... э... Джеймс когда-нибудь на ней женится...

– Миранда! – встрепнулся парень.

Хелена вздрогнула. Она сбросила его руку.

– Это звучит просто отлично! – Майор Фоксли попытался сгладить ситуацию, улыбнувшись всем присутствующим. – Перемена места пойдет Каролине на пользу, ее никто не знает на Южном острове, девочке будет оказана педагогическая помощь... Ничего лучшего мы и придумать не могли, мистер Следзински. В качестве альтернативы у нас была лишь психиатрическая лечебница в Веллингтоне...

– Нет! – устало воскликнула Хелена, но с твердой уверенностью в голосе. – Вы... вы не можете так поступить с девочкой. Я была вместе с Каролиной в деревне маори. Она не сумасшедшая. Девочка просто чудесная. У нее... будет замечательная жизнь... Глория и Джек Мак-Кензи позаботятся о ней, а также Джеймс и... его жена...

Хелена пыталась идти прямо, не выказывая внутреннего волнения, боли и разочарования, когда все покинули кабинет.

Девушка была настолько охвачена своими чувствами, что совершенно не заметила негодования Джеймса. Молодой человек тут же набросился на кузину, стоило им оставить за дверью майора Фоксли и мистера Следзински.

– Миранда, как у тебя только язык повернулся сказать такое! Что ты вообще болтаешь про меня и Моану, я...

Миранда в ответ просияла улыбкой.

– Ну, успокойся, Джеймс, когда-нибудь ведь я должна была высказаться. И в этом ведь нет и толики лжи. Я еще хорошо помню, как вы, будучи маленькими, воображали себя мужем и женой.

– Миранда! – Джеймс сжал кулаки.

– Мне сейчас нужно отвести Барбару, – заявила кузина. – А потом надо заглянуть к Каролине. Вы не могли бы добраться до Веллингтона поездом? Ведь... Я завтра утром отправлюсь с малышкой на Южный остров, – девушка улыбнулась и помахала на прощанье Джеймсу и Хелене. – Увидимся на Киуорд-стейшн! – крикнула она и убежала.

– Хелена... – беспомощно промолвил Джеймс, повернувшись к девушке. – Хелена, я...

Она улыбнулась через силу.

– Все... все хорошо, Джеймс. Это ничего... Ничего, что мы поедем на поезде...

Глава 8

Хелене и Джеймсу не пришлось возвращаться в Веллингтон на поезде. Подвернулась попутная машина – армейский грузовик. Джеймс болтал всю дорогу с водителем о ходе войны и последствиях долгожданной немецкой капитуляции. Хелена же погрузилась в собственные мысли. У грузовика не было такой рессоры, как у спортивной машины Миранды, поэтому молодой солдат вел осторожно. И все же Хелена чувствовала себя разбитой, когда они наконец добрались до Веллингтона.

– Мы снимем номер в отеле, – предложил Джеймс, заметив, как побледнело лицо спутницы. – Тебе нужно немного отдохнуть. Чуть позже можем чего-нибудь поесть. Я знаю несколько ресторанчиков в Веллингтоне. Мы... мы просто устроим прекрасный вечер...

Еще этим утром Хелена, вероятно, согласилась бы, посчитав такое предложение многообещающим. Но теперь ей чудилось сомнение в голосе парня. Он вел себя немного робко. Конечно, Джеймс опасался, что Хелена примет его предложение и он будет вынужден идти с толстой, одетой во что придется девушкой в шикарный ресторан, где его, возможно, знают.

Хелена покачала головой.

– Если можно лететь во время темноты, то я бы лучше отправилась в путь, – пробормотала она.

Джеймс засмеялся, это пришлось ему по вкусу.

– Конечно, можно лететь и ночью! Вспомни только Матарики. Как, по-твоему, когда в Европе совершали воздушные налеты? Днем, когда машины видны за несколько миль? Нет-нет, это не проблема. Через каких-то два часа мы будем уже дома!

Действительно, все прошло гладко, но Хелена спокойно вздохнула, только когда Пиппа остановился на взлетной полосе у Киуорд-стейшн. У девушки болела спина, хотелось размять ноги. Схваток она не ощущала, но голову пронизывала сверлящая боль. Хелена чувствовала себя изнуренной, слабой, но не позволяла Джеймсу поддерживать ее.

– Я ведь беременная, а не больная! – отшила она парня намного грубее, чем хотела, и тут же смутилась, когда заметила его обиженный вид.

– Хелена, то, что там наговорила Миранда...

Джеймс намеревался все объяснить, но в тот же момент они заметили фары автомобиля. Пикап Глории. Хелена вздохнула с облегчением. У нее не было желания ни говорить, ни идти пешком к усадьбе. Глория

притормозила возле них и выскочила из авто.

– Боже ты мой, это действительно вы! – взволнованно воскликнула она. – Джеку показалось, он слышал мотор самолета, когда осматривал конюшню перед сумерками. Поэтому для верности я решила подъехать сюда. Джеймс, ты совсем ум потерял? Летать в такую темень?! Преодолеть путь туда и обратно за один день, да еще и с женщиной на сносях? Это не говоря уже о поездке на автомобиле через горы, которую устроила Миранда... Как у тебя дела, Хелена? Должно быть, ты совсем вымоталась.

Глория помогла ей сесть в автомобиль. Джеймс подавленно наблюдал за всем этим.

– По крайней мере, все прошло хорошо, – продолжала она, вытаскивая плед для Хелены. – Вот, укутайся, дитя мое, сейчас холодно.

– Ты уже знаешь, как все прошло? – спросил Джеймс.

– Ну конечно, – закатила глаза Глория. – Миранда сразу же позвонила. Как только она сообщила Каролине радостную новость, не медля поехала к ближайшему таксофону. Ты же знаешь Биллеров. Если бы существовал телефон, который можно таскать с собой, Лилиан и Миранда стали бы первыми, у кого он оказался бы.

Джеймса развеселила эта идея.

– Она на самом деле выедет утром с Каролиной? – спросил он.

– Еще кто-то приедет из управления по делам молодежи, – кивнула Глория. – Посмотрят все тут у нас. Ну да, малышка сможет жить с нами. Другого никто и не ожидал. Они рады были избавиться от нее.

– Я надеюсь, Каролина хоть немного говорит по-английски, – с сомнением промолвил Джеймс. – Другая малышка, Барбара, говорила с большим трудом.

Глория задумчиво взглянула на сына.

– Я не думаю, что она будет много говорить, – сказала хозяйка.

Ее прогноз полностью подтвердился. Миранда приехала с девочкой через два дня. У Джека были дела в Крайстчерче, и он забрал их с поезда. Девушка рассказала, что Каролина за всю поездку не проронила ни слова. Даже при виде усадьбы она промолчала. Казалось, новое место жительства вовсе не впечатлило девочку.

Хелена встретилась с ними, когда Миранда заводила Каролину в дом.

– Может, ты попробуешь поговорить с ней по-польски, – предложила Миранда. – Возможно, она просто ничего не понимает.

Хелена в это не верила. В деревне маори Каролина совершенно свободно изъяснялась на английском, лучше, чем многие другие дети. И все

же девушка улыбнулась малышке и поприветствовала ее на родном языке.

Каролина ничего не ответила. Она выглядела еще более тощей, чем у нгати рангитане – Хелена помнила ее изящной, очень худой и маленькой, но полной жизни. Теперь девочке больше подошло бы слово «хрупкая».

Округлое красивое лицо Каролины было печальным. Хотя ее длинные черные локоны выглядели расчесанными, но безжизненно свисали. А ведь они, обрамляя лицо девочки, так весело плясали, когда она хотела стать воительницей.

– Где же тетя Глория? – поинтересовалась Миранда.

– Здесь! – Хозяйка спешила вниз по лестнице. На ней была рабочая одежда: бриджи, сапоги для верховой езды и клетчатая рубашка. – Мне нужно было кое-что успеть сделать в комнате Каролины.

Глория подмигнула, словно там ждал сюрприз. Но потом женщина стала серьезной, на ее лице отразились сочувствие и боль, когда она взглянула на девочку.

– Пойдем, сестрица! – тихо сказала она Каролине, перед тем поздоровавшись с племянницей, и положила руку на костлявое плечо девочки. – Меня зовут Глория, сейчас я покажу, где ты будешь жить. Там ты сможешь отдохнуть.

Хелена перевела, хотя и не считала это необходимым. По глазам Каролины она видела, что девочка все понимает. Та взглянула на Глорию опасно и в то же время благодарно. «Отдохнуть» звучало как «побыть одной». После двухдневного путешествия с вечно болтающей без умолку Мирандой девочка наверняка соскучилась по этому. Во всяком случае, так считала Хелена.

Глория отправилась наверх, за ней последовали Каролина и Хелена. Миранда поздоровалась с Джеймсом, который только что вошел в дом. Парень, сразу уловив настроение, остановил Миранду, прежде чем та успела присоединиться к «экскурсии».

Глория подготовила для Каролины одну из бывших детских комнат, вероятно, собственную.

Мебель здесь стояла очень простая. Это было в стиле хозяйки дома. Она не любила загромождать бесполезными предметами комнаты, где жила. На полках стояло несколько детских книг, на столе лежал альбом для рисования и краски, маленькая книжица в красивом переплете и ручка. Дело, которое нужно было уладить Глории в последний момент, касалось маленькой трехцветной собаки, лежавшей на предназначенной Каролине кровати как на своей собственной. Один из щенков последнего выводка. Ему было около трех месяцев.

Глаза Каролины округлились, стоило ей увидеть животное. Маленькая собака зевнула, спрыгнула с кровати и подскочила к девочке.

Глория представила пса.

– Это Киурд Суббота. Мы называем собак по дням недели, такова традиция. Самой знаменитой собакой, родившейся здесь, была Пятница. Она принадлежала Джеймсу Мак-Кензи – отцу моего мужа, – улыбнулась хозяйка. – А он был выдающимся воров. Как Робин Гуд.

Каролина удивленно взглянула на женщину.

– Суббота принадлежит тебе, – ответила Глория на это.

Каролина приглушенно пискнула и осторожно приблизилась к собачке, которая и не думала ее бояться. Когда девочка погладила Субботу, та лизнула ее руку и прильнула к ногам.

– Я тебе покажу, как правильно дрессировать собак, – продолжала хозяйка. – Несколько команд она уже знает. Как только освоится здесь, начнет лаять, если кто-нибудь захочет к тебе войти. Никто не посмеет сделать это без предупреждения.

На губах Каролины промелькнула тень улыбки, а у Хелены по спине пробежали мурашки. Она вспоминала о словах девочки, когда та на обратном пути после экскурсии в деревню маори показывала боевую дубинку.

И потом Каролина произнесла первые фразы на Киурд-стейшн.

– Она будет... присматривать за мной? – тихо спросила девочка. – Она умеет... кусаться?

Глория едва покачала головой.

– Она будет хорошо за тобой присматривать, моя малышка, но никогда не укусит. Суббота будет тебя только любить.

Семья Мак-Кензи и Миранда пообедали внизу, однако никто не настаивал, чтобы Каролина присоединилась к ним. Когда спустя час Хелена поднялась с подносом в комнату девочки, дверь была приоткрыта. Хелена могла свободно войти, но услышала тихие всхлипы. Она осторожно заглянула в щель. Каролина плакала, зарывшись лицом в мягкий мех Субботы.

Свет

Кентерберийская равнина, Новая Зеландия (Южный остров)

Июль 1945 – май 1946

Глава 1

– Ахурева хочет видеть тебя.

Моана приехала погостить на выходные, потому что на О’Кифи-стейшн устраивали семейный праздник. Она использовала эту возможность, чтобы повидаться с семьей Мак-Кензи и передать Хелене приглашение от маорийской повитухи. Оно звучало так, словно старая тохунга не оставляла беременной девушке иного выбора.

Реакция Хелены оказалась довольно сдержанной. Но Глория кивнула девушке и сразу ответила за нее:

– Ну конечно. Это же разумно, если она хочет осмотреть тебя еще до родов, Хелена. Она ведь также собирается рассказать, как они будут проходить. Методы маори, применяемые при родах, намного мягче и естественнее, чем у пакеха. С моей точки зрения, они лучше. И ты можешь мне поверить, у меня роды проходили тяжело...

Хелена слышала, что Глория забеременела лишь несколько лет спустя после брака с Джеком Мак-Кензи. И Джеймс не должен был остаться единственным ребенком в семье. Может, сказался негативный опыт в юности, о котором Глория не хотела рассказывать. Хелена подумала, что у хозяйки и Каролины много общего. Они с девочкой были удивительно единомысленны. С другими людьми Глория так себя не вела. За последние две недели Каролина вполне обжилась на ферме. Хотя девочка еще мало говорила, но ходила за Глорией словно тень и помогала, чем только могла. Казалось, она хорошо ладит с животными, лучше всего маленькая полячка разбиралась в лошадях. Все это плюс неплохое знание английского укрепили Хелену в мысли, что Каролина выросла в очень хорошей семье. Наверное, раннее детство она провела в таком же окружении, как на Киуорд-стейшн.

– Я мог бы прямо сейчас отвезти тебя в мараэ, Хелена, – предложил Джеймс. – И тебя заодно прихватить, Моана. Мне все равно нужно ехать в Халдон. А потом, по пути назад, я тебя заберу, Хелена.

Моана пришла пешком с О’Кифи-стейшн. В ее семье отмечали крещение. Бабушкой ребенка была любимая сестра дяди Моаны – Вирему, у которого девушка жила в Данидине. Поэтому он приехал на праздник со всей семьей, и Моана присоединилась тоже. Ей нужно было отправиться с ними обратно в город, чтобы сдать последние экзамены, хотя у большинства студентов уже начались зимние каникулы.

Хелена с завистью заметила, насколько привлекательно выглядит в этот день молодая маори. В честь праздника она надела яркое платье с запахом и цветочным узором. Оно очень красиво облегло ее фигуру, подчеркивая талию. Она немного напоминала южных красавиц с полотен Поля Гогена. Моана носила волосы непокрытыми. Очевидно, праздник крещения сочетал в себе традиции маори и пакеха.

Хелене же казалось, что она с каждым днем становится все толще, если такое вообще возможно. Она уже была по горло сыта беременностью и хотела лишь одного: чтобы ребенок как можно скорее появился на свет. Близость с нерожденным малышом, которую девушка ощутила в Паиячуа, снова исчезла. Хелена не хотела этого ребенка. Девушка снова и снова жаловалась на судьбу. Жена Витольда, наверное, ничего в этой жизни так страстно не желала, как ребенка от мужа. Но вместо того чтобы обречь свою супругу, этот тип разрушил судьбу Хелене и сделал все возможное, чтобы до конца жизни травмировать Каролину.

– Я поеду, – сказала Хелена в надежде, что никто не поймет, насколько отвратительна будет ей эта поездка.

Девушка еще раз печально взглянула в зеркало, прежде чем отправиться вслед за Джеймсом и Моаной к машине. Мешкоподобное платье ей не шло, но повитухе точно все равно, как выглядит беременная.

В мараэ Хелена с ужасом заметила, что не все так спокойно, как обычно.

На деревенской площади стояло много автомобилей. Отчасти они были даже аккуратно припаркованы. Хелена увидела между грязных, старых пикапов деревенских жителей ухоженный «Линкольн Континенталь».

– Это машина Вирему? – удивленно спросил Джеймс. – Ух ты! Твой дядя, наверное, хорошо зарабатывает!

– Да, именно так, – кивнув, сказала Моана.

Но ее внимание привлекло совсем другое авто: машина стояла посреди дороги, дверцы ее были распахнуты так, словно из нее спешно выскочили пассажиры.

– Зачем всем этим людям понадобилось ехать из Халдона сюда? – спросила Моана. – Вот этот «додж» принадлежит Бернарду Тасиеру!

Когда Джеймс наконец остановил пикап и открыл дверцу перед девушками, послышались голоса. Один легко было узнать, как и «додж». Бернард Тасиер говорил какую-то речь, стоя рядом с группой пакеха, вооруженных охотничьими ружьями. Перед ними у дома для общинных

собраний выстроились маори. Все были разъярены.

– Открывайте! – приказал Тасиер, потрясая оружием. – Вы выдадите моего сына и немедленно!

– Твоего отпрыска здесь нет, пакеха! – так же злобно ответил торговцу из скобяной лавки вождь Коуа. – Сколько раз мне еще нужно это повторять? Поищи где-нибудь в другом месте, у нас его нет.

– Ты можешь повторять это, сколько тебе вздумается, свинья, – крикнул Тасиер. Казалось, он был пьян, Коуа, видимо, тоже. – Потому что я не верю ни единому твоему слову. Мальчик пропал, а ты отказываешься открыть дом. Дом, где вы держите детей. От этого за милую душу несет насильем!

– Мистер, будьте благоразумны.

Высокий, очень стройный как для маори мужчина вышел из-за спины вождя. В отличие от других жителей деревни, одетых в джинсы, клетчатые рубашки и кожаные куртки, на нем был элегантный костюм. Шикарный платок, белая сорочка и аккуратная стрижка контрастировали с татуировкой на лице. Только у него и у Коуа было столько татуировок.

Хелена раньше уже видела вождя. Джеймс рассказывал, что старый глава племени Тонга настоял, чтобы обоим его сыновьям сделали боевые моко. Значит, этот человек и был Вирему – дядя Моаны.

– Зачем племени красть вашего сына? – по-деловому, спокойным и дружеским тоном обратился он к Тасиеру.

– Точно, – добавив, язвительно ухмыльнулся Коуа. – Если у нас здесь чего-то и много, так это детей.

Вирему не обращал на него внимания.

– Мой брат, арики... – указал он на Коуа, – охотно предоставил бы вам доказательство того, что мы не прячем здесь ребенка. Но никто не знает, где ключ от дома собраний. Моя племянница...

– Заканчивай болтать, мы ломаем замок! – крикнул Тасиер. – Давайте, парни. Или мы сожжем его дотла, мы...

– Тогда вы сожжете своего ребенка, если он на самом деле там находится, – заметил Вирему.

Тасиер поднял ружье и сделал несколько шагов к маори.

– Послушай-ка ты, умник...

– Ну хватит, мистер Тасиер, у меня есть ключ... – Моана совершенно спокойно встала между дядей и разъяренным лавочником. В руке девушка держала связку ключей. – Я ездила на Киуорд-стейшн и по ошибке прихватила ключи с собой. Мой отец говорит правду, он в самом деле не мог отпереть для вас дом собраний.

– Появился ли ключ или нет... – вмешался Коуа, который наконец

сообразил, какие у него есть права, – мне не нужно открывать для вас этот чертов дом, Тасиер. Есть право собственности. Это земля племени и наш дом. И если вы желаете, чтобы вас сюда пустили, то будьте любезны попросить вежливо! – Он направил ружье на пакеха.

– Что здесь вообще происходит? – подбежал Джеймс Мак-Кензи к Моане. – Может быть, вы нам расскажете, что вас сюда привело, мистер Тасиер? Впрочем, собеседники говорят намного спокойнее, если им в лицо не тыкать оружием. Это касается и тебя, арики.

Вмешательство наследника из Киуорд-стейшн несколько отрезвило спорщиков, и Тасиер опустил ружье. Коуа последовал его примеру.

– Марти пропал, – объяснил Тасиер. Он говорил все еще агрессивно, но уже не кричал. – Мой сын. Мой восьмилетний сын. Он пропал несколько часов назад. Моя жена с ума сходит. А где он был, когда пропал перед этим? Угадайте с трех раз! – Лавочник указал на дом собраний.

– Но тогда он добровольно приходил к нам, чтобы вместе с друзьями мастерить воздушных змеев, – любезно объяснила Моана, – однако сегодня не было занятий. Вы же видите, здесь нет других детей, а дом вообще закрыт.

– А разве вы не можете просто держать моего Марти там под замком? – Тасиер зыркнул на Коуа.

Вождь нахмурился.

– Мы, маори – известные похитители детей, правда? В отличие от пакеха, которые никогда не забирали детей маори, не запирали их в так называемых школах, чтобы они забыли традиции племен. Вы серьезно считаете, что мы хотели сделать из Марти маленького маори?

Мужчины вокруг него рассмеялись. Моана не обращала внимания ни на них, ни на отца. Девушка подошла к школе и открыла дверь.

– Если это вас так беспокоит, мистер Тасиер, можете смело осмотреть наш дом собраний, – приветливо произнесла она. – Взгляните, здесь лишь одна большая комната, прятаться негде. И я думаю, моя семья не будет иметь ничего против, если вы посетите также дом моей тетки. Мы празднуем крещение. Большинство детей нашей мараэ сейчас там, на праздничном обеде. Если Марти действительно здесь, то он там вместе с другом...

– Моана, ребенка здесь нет, – вмешался кто-то из жителей.

Это была хорошо одетая женщина, в венах которой текла кровь маори и пакеха. Хелена еще никогда ее тут не видела, наверное, она – супруга Вирему.

– Когда мужчины приехали в деревню, мы сразу все осмотрели и

опросили детей. В последний раз они видели Марти вчера в школе. Они не играют с ним, лишь сказали несколько неприятных фраз о его отце, который грязно обзывал народ маори. Марти иногда рассказывает нам об этом. Среди детей у него здесь нет друзей.

Бернард Тасиер снова хотел вспылить, но теперь мужчины пакеха, которых лавочник подстрекал поехать в мараэ, потеряли уверенность.

– Да брось, Берни, твоего сына у них нет... – успокаивал его пожилой мужчина – Хелена узнала в нем мистера Бойсена.

– Что им вообще от него могло понадобиться? – задал вопрос другой спутник.

– Если... если бы он был здесь, то с тебя бы потребовали выкуп... – задумчиво произнес третий, весьма нетрезвый мужчина. – Возможно, стоит сначала подождать...

– Если кто-то из вас, парни, его выкрал... я убью вас, я...

Тасиер снова негодовал и ругал маори, которые теперь стали расходиться. Пакеха потащили своего предводителя к машине. Моана, Джеймс и Хелена остались одни перед домом собраний.

– Где же может быть мальчик? – спросила Хелена. – Возможно, его действительно выкрали? Как... как когда-то ребенка Линдбергов?

Она вспомнила рассказ родителей о том случае, произошедшем еще во Львове, а также о предупреждении, чтобы Хелена не ходила по улицам одна.

– В Халдоне? – рассмеялся Джеймс. – Еще чего! Конечно, Бернард Тасиер зарабатывает в лавке неплохие деньги, но он же не миллионер. Марти скоро найдется. Наверное, он просто заблудился где-нибудь.

– Как здесь можно заблудиться? Это ведь Кентерберийская равнина, Джеймс, а не джунгли! Скорее, он действительно навещал друга и забыл о времени.

– Разве не ты говорил, что в Халдоне всего двадцать или тридцать детей и если бы не маори, тут и школы не было бы? – спросила Хелена. – Миссис Тасиер наверняка уже кого-нибудь расспросила, коль у ее пьяного мужа не хватило на это ума. Нет. Если Марти действительно отсутствует уже несколько часов, значит, его либо так увлекла игра, что он полностью потерял счет времени, либо с ним и вправду что-то случилось. У вас есть какие-нибудь идеи? Вы ведь в детстве тоже здесь играли.

Моана и Джеймс переглянулись.

– Штольня! – выпалил Джеймс.

– Шахта! – задумалась Моана. – Такой вариант возможен. Давай съездим, Джеймс. Стоит попытаться!

Она тут же направилась к машине. Джеймс и Хелена последовали за ней. Пикап загрохотал по дорожным выбоинам в направлении Халдона.

– Может, ты поедешь немного медленнее? – простонала Хелена.

Джеймс испугался и резко сбросил газ.

– Извини, – сказал он. – Однако я в самом деле волнуюсь. Если мальчик действительно залез в старую шахту...

– Такое возможно? – спросила Хелена. – Разве они не закрыты? И... В Сибири это было не так-то просто. Следовало садиться в подъемную клетку...

Девушка вздрогнула от воспоминаний о скрипучем подъемнике.

– Здесь так глубоко не копали, – объяснила Моана. – Пробивали только штольни в земле, в этом случае просто в горé, и заходили туда пешком. Когда выработка заканчивалась, вход, конечно, закрывали...

– Досками, – добавил Джеймс. – Они уже сгнили к тому времени, когда нам было столько же, сколько сейчас Марти. И конечно, мы, залезая туда, исследовали шахты. Это было увлекательно, мы представляли себя золотоискателями и спелеологами...

– И вы там ни разу не заблудились? – спросила Хелена.

– Нет, – покачала головой Моана. – Это невозможно, хотя Миранда все время настаивала, чтобы мы брали с собой клубок шерстяных ниток и разматывали, как в том греческом мифе...

Джеймс нервно рассмеялся.

– Да, когда Тесей искал Минотавра. Миранда всегда опасалась внезапного появления пумы...

– Но если там нельзя заблудиться... – не унималась Хелена, – почему же тогда Марти не вернулся назад?

Пикап наконец выехал на мощеную проселочную дорогу, и девушка вздохнула с облегчением.

– Вот поэтому я и волнуюсь, – серьезно сказал Джеймс. – Ведь прогнили там не только доски на входе, Хелена, но и балки внутри тоже...

Старая шахта находилась в двух километрах от Халдона. Местность была каменистая, ее покрывали холмы, и ландшафт преимущественно был вулканического происхождения. Хелена потеряла надежду найти здесь Марти. Маленький мальчик мог пройти по этой дороге еще утром. Но подтверждение того, что он здесь был, обнаружилось быстро, когда Джеймс свернул на полевою колею. За последние дни она размокла от дождей – на земле остались свежие следы копыт.

Коренастый пони стоял привязанный за дерево мануку в нескольких метрах от входа в шахту. Он жалобно заржал, заметив машину. Вероятно,

он находился тут уже несколько часов.

– Это пони Марти? – спросил Джеймс у Моаны. – Его отец не говорил, что мальчик отправился в путь на лошади.

– Его отец – безрассудный негодяй, который так загорелся идеей обвинить в чем-то маори, что даже не заглянул вначале в свою конюшню, – предположила Моана, подошла к животному и погладила его по холке. Она не разбиралась в лошадях и не могла припомнить, видела ли Марти на этом пони. Однако длина стремян говорила о том, что на лошадке скакал именно ребенок.

– Впрочем, теперь он мог бы приписать нам и конокрадство...

Джеймс уже осматривал вход в шахту. Сразу бросалось в глаза, что сюда кто-то заходил. Вход был забит досками, но одну из них оторвали. Джеймс вырвал еще парочку из крепежей, чтобы и остальные могли без помех пробраться туда.

– Хелена, принеси карманный фонарик! – крикнул он девушке, которая из-за большого живота все еще выбиралась из машины. – Он под водительским сиденьем. Ой, там должна быть также бутылка воды и сумка с аптечкой. На случай, если мальчик ранен...

Отыскав все необходимое, Хелена, подошла ближе к шахте. Она не была уверена, стоит ли идти вслед за двумя спутниками. Ее взгляд упал на дерево мануку, у которого стоял пони. Дерево магическим образом притягивало Хелену. Проходя мимо, она коснулась коры и тут же вспомнила поездку к нгати рангитане. Дерево манука давало ей силу, она чувствовала его дух.

– Хелена, ты идешь? – спросил Джеймс. – Или хочешь подождать здесь?

Девушка отвлеклась от своих мыслей и поспешила к входу в штольню. Она не хотела оставаться снаружи одна. Под сиденьем в пикапе она действительно обнаружила два фонарика, которые теперь отдала Моане и Джеймсу. Бутылку воды и аптечку она сунула в старую сумку, где нашла фонарики. Хелена повесила ее через плечо, чтобы руки оставались свободными.

Пол был довольно неровным, иногда встречались ступени. Здесь, сразу за входом, штольня была еще широкой, чуть дальше она разветвлялась на три узкие шахты.

– Марти! – звонко крикнула Моана. – Марти, ты там?

– Я здесь! – Тихий голос прозвучал из одной узкой щели. – Помогите!

– Он тут! – радостно воскликнула Моана. – Мы тебя слышим, Марти!

Она попыталась идти на голос.

– Ну конечно, глупый ребенок должен был залезть в самую узкую и темную шахту, – Джеймс нагнулся, чтобы не удариться головой о потолок, – и в самую разбитую. Остальные укреплены намного лучше... Мы идем, Марти! Крикни еще раз, чтобы мы тебя быстрее нашли!

– Сюда! – Из темноты послышались всхлипы.

– Мы тебя вытащим!

Мальчик был где-то рядом. Хелена ненадолго задумалась, стоит ли ей идти за Джеймсом и Моаной. Темнота пугала ее. Девушка вспомнила шахты в Сибири, еще более узкие и тесные. Часто надзиратели заставляли самых маленьких и худых пленников ложиться на живот и копать. Но тут было по-другому. Им приходилось пригибаться, однако фонарики освещали укрепленный балками ход в два метра шириной и полтора высотой.

Вскоре они нашли Марти. Стенка штольни обвалилась, две опоры сломались. Мальчик лежал под обломками опалубки.

– Моя нога, – хныкал он. – Я не могу вытащить ногу.

Словно чтобы доказать это, попытался встать, опираясь на руки и поднимая нижнюю часть тела, которая лежала под камнями и деревом. Но потом тут же оставил свои попытки. Марти был тощим, совсем не таким, как его крепкий отец.

– Она болит, – причитал он.

– Кроме нее, у тебя больше ничего не болит? – озабоченно спросила Моана, опускаясь на колени перед Марти. Хелена тоже присела.

Мальчик покачал головой.

– Наверняка твоя травма не очень серьезная, – успокоила его Моана. – Нам нужно только откопать тебя...

– Сейчас мы это сделаем! – воскликнул Джеймс и потащил за первую сломанную опору, лежавшую над ногой Марти. Все безуспешно.

– Думаю, мне нужно вернуться в машину за инструментами, – произнес он наконец. – Ты выдержишься еще немного, Марти?

Мальчик кивнул. Джеймс стал выбираться вверх. Марти, немного успокоившись, начал рассказывать о происшествии.

– Я хотел нацарапать свое имя на стене, – объяснил он и указал на перочинный нож, лежавший рядом. – И тут все рухнуло... Сначала стена, а потом и потолок... Так быстро мне убежать не удалось... Я очень испугался! – Мальчик тяжело дышал.

– Ты сидел здесь в темноте? – спросила Хелена.

– Нет, – ответил Марти, – то есть у меня была керосиновая лампа. Я хотел сделать все по-настоящему, как шахтеры. А не просто взять с собой фонарик. Но она погасла, когда я упал.

Моана посветила на пол и обнаружила возле мальчика керосиновую лампу, частично засыпанную обломками. К счастью, лампа не разбилась и из нее не вытек керосин.

– Тогда у тебя тут было довольно жутко, – заметила Моана.

Марти с гордостью кивнул. Хелене мальчик показался очень храбрым. Она бы умерла от страха, окажись одна в темной шахте.

У входа вновь раздались шаги.

– Я иду! – крикнул Джеймс. И тут прозвучали проклятия: – Дьявол! Эта чертова ступенька...

Хелена испугалась. Должно быть, Джеймс упал. Девушка надеялась, что парень не поранился. Но то, что произошло после, оказалось намного хуже, чем содранная коленка. Хелена и Моана вскрикнули, когда шахту потряс грохот. Опорные балки с треском ломались, земля и осколки камней сыпались в штольню. Казалось, прошла целая вечность. Хелена со страхом подумала, что земля погребет их всех заживо. Однако спустя несколько секунд шум прекратился. Моана от испуга выпустила фонарик из рук и теперь шарила рукой по полу. Она быстро отыскала его и посветила туда, откуда должен был прийти Джеймс. Но выхода больше не существовало. Их завалило камнями.

Глава 2

Хелена ощутила, как внутри нарастает ледяная паника. Она помнила это еще со времен пребывания в Сибири. Тогда девушка редко бывала в шахте, однако несколько раз ее спускали в подъемной клетке в полной темноте на самую глубину. Там, внизу, при тусклом освещении, Хелена должна была помогать, постоянно опасаясь обвала шахты. Это врезалось в ее память навсегда.

– Мы умрем, – прошептала она в темноте. – Мы все умрем.

Марти захныкал. Он нащупал руку девушки и вцепился в нее. Хелена сжала ладонь мальчика.

– Что за ерунда! – спокойно возразила Моана.

Тут же они услышали взволнованные крики Джеймса:

– Вы не ранены? Моана, Хелена!

– Нет! – крикнула в ответ Моана. – Все в порядке. Все целы.

Джеймс что-то ответил, но Хелена не разобрала. Девушка услышала, как парень стал разгребать обломки. Он пытался их освободить! Шахту вновь потряс грохот, и Хелена вскрикнула. Марти заплакал.

– Прекрати, иначе здесь все обвалится еще сильнее! – крикнула Моана. – Лучше отправляйся в деревню и приведи помощь. Нужно будет укрепить вход.

Несмотря на предостережения, Джеймс снова попытался грести. Заваленные девушки слышали, как он освобождал вход. Но, когда в штольне случился еще один обвал, парень прекратил работу.

– Я скоро вернусь! – крикнул он им, пытаясь их успокоить.

Хелену охватила дрожь.

– Мы все умрем, – повторяла она.

Моана подняла фонарик и осветила бледное лицо полячки.

– Это правда? – спросил Марти.

Моана покачала головой.

– Не пугай мальчика, – выругала она Хелену. – Конечно, мы не умрем, Марти. Я это точно знаю, поэтому сохраняй спокойствие. Джеймс скоро вернется.

– Тебе это говорят духи? – серьезно спросил Марти. – Мой папа считает, что маори – ненастоящие христиане: они верят в злых духов!

Моана рассмеялась, очевидно, совершенно не волнуясь.

– Мы верим в добрых духов, – сказала она. – Но они нам сейчас здесь

не нужны. У нас ведь все хорошо, у нас есть вода и свет... Поэтому мы точно продержимся несколько часов, пока Джеймс не вернется с другими мужчинами.

Хелену это не успокоило. Девушка оцепенела от страха.

– А если шахта обвалится еще больше? – прошептала она.

Вполне могло так случиться, что остаток штольни обрушится и погребет их под камнями.

– Или если батарея в фонарике сядет?

Мысль о том, что придется провести много часов в непроглядной тьме, была почти невыносима. А потом ее тело пронзила резкая боль. Хелена схватилась за живот.

– Моана, я... мне кажется, ребенок выходит...

Моана осторожно положила руку на ее живот.

– Вот тебе раз, этого только не хватало, – пробормотала она и еще раз осветила фонариком Хелену. Глаза девушки округлились от ужаса.

– Я умру, – неустанно повторяла Хелена. – Я знала это...

– Сначала мы прибавим больше света! – постановила Моана, не реагируя на такие причитания.

– Марти, у тебя есть спички? У тебя они должны где-то быть.

– Да, – мальчик кивнул и нашарил в кармане грязной куртки коробок.

Моана чиркнула одной спичкой и попыталась зажечь керосиновую лампу. Со второй попытки ей удалось это.

– Ну вот! – довольным тоном произнесла она.

Хелена скрючилась в тесной пещере. Она ощутила влагу между ногами.

– Ты описалась, – констатировал Марти.

– Это воды отошли, – объяснила Моана. – Хелена, сейчас ты должна расслабиться, приляг или сядь... только не опирайся о стену. Вот возьми и подложи сумку под голову...

Моана позаботилась о том, чтобы полячке стало немного удобнее.

– Ты уже когда-нибудь делала это? – спросила Хелена с искрой надежды в голосе. – То есть... принимала когда-нибудь роды?

Моана покачала головой.

– Я надеюсь, Джеймс приедет до того, как начнется самое серьезное, – объяснила она не очень уверенно. Предстоящие роды, кажется, тоже выбили ее из колеи. – Впрочем... у меня ведь пять сестер, а я самая старшая. Все они родились у нас дома. И конечно, я кое-что знаю. Если это произойдет, значит, мы должны справиться, Хелена. Попытайся не переживать. Дыши спокойно, думай о чем-нибудь хорошем...

Девушка попробовала восстановить дыхание и думать о Джеймсе, о Киурд-стейшн и конных прогулках под ярким солнцем.

Вместо этого ей на ум приходили воспоминания о смертном одре матери. В сибирском бараке тоже было темно. И Люцина плакала, а здесь плачет Марти. Тогда она пыталась успокоить сестру. Может, разговоры с ребенком немного отвлекут ее.

– Марти, не плачь, – прошептала она. – Ты этим очень печалишь своего ангела-хранителя. – Так их мать все время говорила Люцине. – Ты же знаешь, что у тебя есть ангел-хранитель?

Марти помотал головой. В Халдоне не было католиков.

– Это какой-то дух? – спросил мальчик.

Видимо, его очень волновали духи. Хелене стало интересно: это увлекло мальчишку после того, как они делали воздушных змеев в общинном доме нгаи таху, или его просто напугал отец?

– Нечто подобное, – ответила девушка. – Как бы то ни было, у каждого ребенка есть ангел-хранитель, наблюдающий за ним. Есть... есть одна песня, в которой говорится об ангелах-хранителях.

Перед глазами Хелены вдруг всплыла сцена львовской оперы с роскошными декорациями. Рождественский спектакль. Люцина, Хелена и их родители, нарядно одетые... Тогда давали оперу Хумпердинка «Гензель и Гретель». Девушка тихо запела.

Abends will ich schlafen gehn,
vierzehn Engel um mich stehn^[25]

Моана и Марти замороженно слушали. Воспоминания Хелены рассеялись как во сне.

– Мне кажется, Марти заснул, – прошептала Моана, когда Хелена закончила петь.

Девушка едва не застонала, почувствовав новые схватки.

– Это ты хорошо придумала. Ты будешь хорошей матерью...

Моана снова погладила ее живот.

– Нет! – резко возразила Хелена и нахмурилась. – Этого точно со мной не случится. Я не хочу этого ребенка. Я его ненавижу!

Моана, удивленно взглянув на нее, покачала головой.

– Будешь, будешь, – спокойно промолвила она. – Когда ребенок появится на свет, ты его полюбишь. Это точно. Это у всех так. Даже если сначала ты его не хочешь. Поверь мне, в нашей мараэ половина детей

нежеланные. Женщины находят какую-нибудь работу в деревне или на Киуорд-стейшн, потом пакеха приглашают их пропустить по стаканчику, женщины соглашаются... а девять месяцев спустя у нас очередной маленький метис, у которого нет отца. Но мамочка любит его, и в мараэ никто на него косо не смотрит. Злоба появляется позже, когда в школе дети пакеха обзывают его ублюдком... А ведь твой ребенок родится белым. И Джеймс наверняка станет хорошим отцом.

– При чем тут Джеймс? – ошеломленно спросила Хелена.

Моана спокойно ответила на ее взгляд. В темных глазах маори, казалось, застыла печаль.

– Ребенок ведь от него, да?

Хелена помотала головой и скорчилась от новых схваток, прежде чем успела ответить:

– Нет! Конечно нет! Разве... разве мисс Глория тебе не рассказала? Или Джеймс?

Хелена совсем растерялась. Ведь это было полностью в интересах Джеймса – рассказать обо всем своей подруге. И почему Моана сама не спросила его об этом, если подозревала в неверности?

– Мисс Глория не любит болтать, – ответила Моана. – А Джеймс... Я думала... я думала... Он считал, что меня это не касается. – В ее голосе слышалась легкая обида.

– Если... если бы я только знала об этом... – Хелена не договорила фразу. – Я ведь была уже беременна, когда познакомилась с Джеймсом.

Хелена не могла взять в толк, почему Моана все эти месяцы превратно думала об измене, но хранила молчание.

– Я полагала, вы познакомились в Европе, – ответила девушка маори. – Но это все равно. Джеймс – хороший парень. Он будет любить ребенка так же, как любит тебя.

– Он ведь не любит меня! – ответила Хелена и подавила стон.

Схватки становились сильнее, казалось, они разрывают девушку изнутри, но она ни в коем случае не хотела разбудить Марти. Ему нельзя видеть такое.

– Нет, Хелена, любит, – печально улыбнулась Моана. – Я увидела и почувствовала это с первого взгляда, когда он привел тебя в комнату с камином, а я как раз говорила с его матерью. Я сразу поняла, что он любит тебя. А когда позже узнала о твоей беременности, мне стало ясно: я его потеряла... Если он вообще когда-то принадлежал мне. Наверное, он и не любил меня по-настоящему никогда... – девушка вздохнула. – Человека нельзя заставить любить силой.

У Хелены вновь начались схватки, и она впилась ногтями в ткань своего платья.

– Ты ошибаешься! – объяснила чуть позже. – Он не может меня любить. Никто меня любить не может, я... – девушка всхлипывала от боли, изнеможения и страха. – Я очень плохой человек.

Моана покачала головой.

– Ты человек, над которым висит черное облако. И это я тоже видела. Именно об этом с тобой сегодня хотела поговорить Ахурева. Потому что это нехорошо для ребенка, – маори улыбнулась. – Похоже, он совсем не хочет выходить наружу. – Моана ненадолго задумалась. – Я должна сейчас спеть ему песню, тогда он будет знать, что его тут ждут. Просто произошло как раз...

Хелена чувствовала, что ребенок жаждал появиться на свет, вне зависимости от желания его матери.

– Ты видишь... это облако? – спросила полячка, чтобы отвлечься от боли и от мыслей о Джеймсе. Моана наверняка ошибалась. Этого не могло быть, чтобы Джеймс любил ее.

– А разве я не права? – настаивала Моана.

Хелена, взглянув на нее, кивнула.

– Кажется, меня обволакивает темнота. И это на самом деле так. Я... наказана за то, что сотворила, – она снова вспомнила лицо Люцины. На глаза наворачивались слезы.

Моана положила руку на плечо Хелены.

– Не плачь, – прошептала она. – Не пугай ребенка. – Девушка напевала мелодию, но потом, словно опомнившись, поняла: Хелена совершенно не готова к родам. Еще не настало время звать младенца. – Не хочешь мне рассказать? – осторожно спросила Моана и отставила лампу в сторону, так, чтобы свет не падал на лицо Хелены. – Что тебе довелось пережить? Расскажи о твоей пепеха.

– Объясни еще раз, что такое пепеха, – попросила Хелена и застонала, когда накатилась следующая волна схваток.

– Твоя история, – сказала Моана. – История твоего прошлого. И даже больше. Твоя пепеха рассказывает о том, что было и что будет...

Хелена цинично засмеялась.

– И нга ва о муа, – ответила девушка. – Скоро я этого больше не услышу. И да, конечно, вы правы. Мое предательство в прошлом определяет мое будущее, которое навсегда разрушено. Это правда, это справедливо... но с меня сейчас хватит. Я больше не могу...

– Что же ты такого сделала? – продолжала осторожно расспрашивать

Моана. – Может, все не так уж плохо.

– Это очень плохо, – сказала Хелена. Она теперь громко всхлипывала. – Это связано с моей сестрой... и моей матерью...

– Просто расскажи мне... – подбадривала ее Моана. – Я сохраню все в тайне. Совершенно точно. И я не стану тебя осуждать.

– Я с этим и сама хорошо справляюсь! – выпалила Хелена. – И судьба уже давно предопределила мой приговор. Я должна его принять, я...

– Я не знаю, как у вас там, в Польше, но в Новой Зеландии у людей есть право на адвоката! – пошутила Моана. Ее голос звучал ободряюще. – Расскажи мне об этом, Хелена. И о своем ребенке. Ты не должна ничего от него скрывать. Это отравляет ему жизнь.

Хелена покачала головой.

– Он еще не понимает, о чем речь! – настаивала девушка.

– И что же ты имеешь в виду? – строго спросила Моана. – Наказание? Ты считаешь, этот ребенок – наказание за то, что ты когда-то сделала с сестрой? Разве это справедливо? Как может ребенок расплачиваться за это? Если уж ты не хочешь, чтоб я стала твоим адвокатом, тогда позволь мне стать им хотя бы для ребенка. Он не заслуживает такого бремени, которое ты на него взваливаешь!

Хелена поджала губы. Моана права. Маори убеждена в том, что Хелена поступает в отношении своего ребенка несправедливо, предает точно так же, как и Люцину.

– Это было еще в Персии, – тихо начала девушка. – Мы приехали из Сибири, Люцина и я, нашим жизням больше ничего не угрожало, но и надежды на будущее не было...

Сначала Хелена говорила медленно, запинаясь, потом все быстрее. В полутьме шахты, исполненная страхом, она рассказала всю историю, вспоминая рождение и смерть. Девушка ненадолго замолчала, когда вновь начались схватки. Потом она описала, как бросила Люцину в беде, нарушила обещание, данное матери. Она рассказала, как отдалась Витольду, чтобы тот хранил молчание.

– Тогда я еще могла бы все объяснить, если бы ответила ему отказом, – прошептала она. – Если бы я просто отказалась. Он бы меня выдал. И Люцина могла бы отправиться вместо меня... – Хелена всхлипывала.

– Ты же была уже в Бомбее! – воскликнула Моана.

То же самое Хелене говорила и Миранда несколько месяцев назад. Хелену никогда не отправили бы обратно из Бомбея и уж точно не стали бы организовывать депортацию Люцины.

Хелена снова всхлипнула.

– Когда я потом узнала об этом ребенке... Я его не хотела и сейчас все еще не хочу. Я попыталась свести счеты с жизнью. Если бы мне только это удалось...

Моана испуганно вскрикнула.

– Не говори так! Не пугай ребенка, – призывала она Хелену. – Это его будет только еще больше мучить, когда он станет появляться на свет, ведь он почувствует, что его здесь не ждут.

Но, казалось, малыш ничего такого и не думал. Он уже жил своей жизнью и торопился родиться. Моана поддержала Хелену, когда та инстинктивно приподнялась. Девушка помогла ей встать на колени.

Хелена отмахнулась.

– Лучше я останусь лежать. Так болит еще больше!

– При родах всегда больно, но на коленях будет проще, – энергично заверила ее Моана. – Ребенок скользит вниз, а сила притяжения ему помогает в этом. Ахурева заставила бы тебя стоять на коленях между двух столбов. Один бы тебя подпирал, а за другой ты бы держалась. Тогда родить проще всего. Но здесь мы такого проводить не будем... А то еще потолок обвалится нам на голову. Как думаешь, тебе уже нужно тужиться?

Хелена покачала головой. Она устало обвисла на руках Моаны и наслаждалась перерывами между схватками.

– Впрочем, я не считаю, что все сложилось так уж плохо, – продолжала Моана. – Имею в виду твою сестру. Ты же сказала, что Люцина сама не пришла на место сбора. Она не хотела ехать в Новую Зеландию.

– Ты не видела этот взгляд, – прошептала Хелена. – Как... как она на меня смотрела... как...

– Ну, разумеется, она смотрела на тебя ошеломленно, – сказала Моана. – Она была удивлена. Ну да, и злилась, наверное, немного. Она же привыкла, что ты все за нее улаживаешь. Сестра считала, ничего страшного не случится, если она опоздает. Думала, ее наверняка бы подождали, ты бы позвала ее. В этот единственный раз ты так не поступила, конечно, это удивило Люцину. Но потом твое решение точно порадовало ее. Хелена, в этом лагере был телефон. Разве ты не говорила, что вы ехали на армейском грузовике? А у них даже есть рации. Люцина могла бы остановить конвой за считанные минуты!

– Она же не предательница! – упрямо твердила Хелена.

– У нее не было причин выдавать тебя, – возразила Моана. – Она получила как раз то, чего хотела: документы, по которым уже была совершеннолетняя, чтобы выйти замуж за своего друга и вместе с ним выехать из лагеря.

– Как раз этого ей и не следовало делать! – встрепенулась Хелена. – Ей нужно было ехать в Новую Зеландию. Ехать к лучшей жизни. Именно этого хотела для нее мама... – Она всхлипнула, скрючившись от новых схваток. – Я несла за нее ответственность. Я должна была ее заставить. Я была... я... я стану плохой матерью...

Хелена вскрикнула. Теперь пришлось тужиться, хотела она того или нет. А потом девушка ощутила что-то между ногами и снова поток жидкости.

– Я умираю, – жалобно застонала она и тут же почувствовала облегчение.

Ребенок очень легко выскользнул из нее. Моана поймала его.

– Это девочка! – нежно произнесла она. – У тебя родилась маленькая девочка!

Почти теряя сознание от слабости, Хелена смотрела, как маори вытирает малышку подолом платья, а потом перерезает пуповину перочинным ножом Марти. Ребенок возмущенно закричал.

– Не делай ей больно! – прошептала Хелена.

– Вот видишь, – улыбнулась Моана, – ты уже любишь ее!

Она завернула младенца в нижнюю юбку.

Хелена опустилась на свою импровизированную кушетку и увидела испуганные глаза Марти.

– Что случилось? Мы... мы все еще здесь? – растерянно спросил он.

– Ничего плохого не произошло, – приветливо ответила Моана мальчику. – Наоборот, произошло нечто прекрасное. Взгляни, Хелена родила ребенка!

Она поднесла малышку к свету, чтобы Марти смог рассмотреть крошечное розовое, немного сморщенное личико.

– Это маленькая... Как ты ее назовешь, Хелена?

Девушка поднялась.

– Наверное... наверное, Люциной? – устало спросила она.

Моана решительно запротестовала.

– Нет, Хелена. Ты не можешь так поступить. Девочке необходимо собственное имя...

– Но она будет напоминать мне о сестре, если та умерла... – Хелена погладила малышку по щечкам.

Марти все еще завороченно наблюдал за младенцем.

– А как сюда забрался аист? – поинтересовался мальчик, но ему никто не ответил.

– Твой живой ребенок должен напоминать тебе о смерти? –

осуждающе спросила Моана. – Это значит, что с ним поступают очень несправедливо. Тем более нет никаких сведений о том, что твоя сестра мертва. Да и почему ей быть мертвой? Она молода, а война кончилась. Ты ее не предала, просто потеряла из виду. То же самое случилось бы, если бы ты оказалась одна в Персии, а она приехала сюда. Люцина, наверное, писала бы отсюда, что она здесь одна и у нее нет друга. К тому же ей, возможно, пришлось бы пережить то, что с тобой сделал Витольд. Он бы придумал и с ней что-нибудь эдакое для принуждения. Ты же сама рассказывала: на корабле из России в Персию что-то произошло. Витольд точно смог бы найти какой-нибудь предлог. И даже если бы он оставил ее в покое, еще неясно, была бы Люцина счастлива здесь на самом деле. Так же счастлива, как ты...

– Но я ведь несчастна...

У Хелены вновь потекли по щекам слезы. Она, собственно, не хотела плакать. Она хотела держать на руках малышку, которую только что родила. Она желала этого от всего сердца. Моана оказалась права. Хелена уже любила свою дочку. Она больше не считала ребенка наказанием.

Моана положила маленькую на ее руки.

– Ты счастлива, – констатировала она, когда Хелена начала тихонько укачивать дочку. – Ребенок – это будущее, выросшее из твоего прошлого. И нга ва о муа. Смирись с этим и будь благодарна. То, что случилось, ужасно, но теперь малышка станет твоим благословением. Джеймс любит тебя...

– Это неправда, – прошептала Хелена и снова почувствовала боль внизу живота. – Джеймс всегда принадлежал тебе. И он к тебе вернется. Как только я уеду...

Моана покачала головой.

– Ты никуда не уедешь, – решительно промолвила она. – И это было бы неправильно. И нга ва о муа – это касается и меня, и Джеймса. Джеймс – пакеха, а я маори. Мы приплыли в Аотеароа не в одном каноэ. Джеймс точно сказал бы, что это ничего не значит. Я еще недавно и сама так думала. Я хотела выйти за него замуж и жить с ним на Киуорд-стейшн. Наверное, я даже боролась бы за это, если бы ты не была беременна. Только малышка заставила меня отступить, я ее считала ребенком Джеймса. Тогда я и задумалась, смогла бы я жить вместе с пакеха. Смогла бы я вести такую же жизнь, как дядя Вирему, которого тоже терзают муки совести? Тонга выбрал своим преемником его, а не Коуа, совершенно не подходящего для этой роли. А Вирему все же уехал. Он живет так, как хочет, счастлив и, пожалуй, не думает о том, что Коуа делает все, чтобы уничтожить племя. Но я стала несчастной. Я хочу возродить традиции

своего народа, я не желаю променять наше прошлое на сомнительное будущее! Вас с Джеймсом свели духи, и это подтвердило мою уверенность. Я стану арики племени нгаи таху, Хелена! Хотя я и женщина. Черт побери, да я могла бы стать премьер-министром, если бы захотела! Я могу выступить против отца и победить на выборах племени.

– Ты же дочь вождя, – Хелена улыбнулась сквозь слезы.

Моана гордо кивнула.

– И если так должно случиться, я поведу свой народ по тропе войны. Против предрассудков и невежества пакеха и против равнодушия и агонии маори. Сначала я построю школу. Дети моего народа должны гордиться, что они маори. И больше никто не сможет им мешать приглашать друзей пакеха, чтобы вместе заклинать духов. – Она подмигнула Марти.

– Духов ведь не существует! – вспомнил мальчик утверждения своего отца.

– А кто же тогда провел в эту шахту аиста? – улыбнулась Моана.

Мальчик нахмурился.

– Может, ребенка принесла ворона. Или летучая мышь.

– Вас в Халдоне совсем ничему не учат? – вздохнув, спросила Моана. – Это же Южный остров, здесь вообще нет летучих мышей, Марти. Пекапека живут только на Северном острове.

Когда маори произнесла последние слова, перед шахтой послышался звук моторов, и вскоре раздались голоса.

– Это же мой папа! – радостно вскрикнул Марти. – Я слышу его!

В штольне точно прозвучал лающий голос Тасиера.

Но первым крикнул именно Джеймс.

– Хелена? – с волнением произнес он.

– Вот видишь, он зовет именно тебя, – улыбнулась Моана подруге.

Хелена ответила улыбкой.

Прошло несколько часов, пока мужчины расчистили вход в шахту. После того как они убедились, что можно работать без спешки, ход был осторожно освобожден от обломков, чтобы не вызвать нового обвала.

Тем временем у Хелены вышло детское место, и Моана сказала, что закопает его потом в шахте.

– Она привяжет душу твоего ребенка к Аотеароа, – промолвила девушка. – У твоего потомка будет маунга.

Хелена нахмурилась.

– Но никто не знает, останемся ли мы здесь, – упрямо твердила она. – Теперь у Глории есть Каролина! Может, мне придется вернуться в Европу и

разыскать Люцину.

– Ты этого хочешь? – скривилась Моана. – Ты действительно хочешь вернуться? Разве твое будущее не здесь? Ты не обязана искать Люцину, Хелена. Пусть она найдет тебя! Ей ясно, что следует писать в Паиячуа, только так она узнает, где ты сейчас. Если до сих пор этого не сделала, то лишь потому, что счастлива со своим Каспаром. А может, просто боится, что ты все испортишь. Дай ей время, Хелена! Когда-нибудь она вспомнит о тебе, о том, что ты тоже была в ее прошлом, и тогда твоя сестра разделит с тобой будущее.

Хелену охватили воспоминания. Однако она не обязана была решать все это прямо сейчас. Она просто устала, но это было приятное чувство. Больше она не станет сегодня думать о Люцине – лишь об имени для своей маленькой дочки, в которой было ее будущее. И, возможно, будущее Джеймса. Девушка подумала, не взять ли с собой ветку дерева манука, которое росло у входа в шахту. Она заказала бы из него хей-тики для Джеймса. Моана наверняка помогла бы ей в этом.

Пока Хелена качала младенца, в шахту вдруг пробился луч света. Мужчины добрались до них и тут же освободили вход. Луч мощного прожектора, которым они освещали шахту, упал прямо на лицо малышки. Новорожденная недовольно взглянула на неожиданно яркий свет, но не закричала.

– Теперь у нее есть имя, – улыбнувшись, произнесла Моана. – Турама... Свет.

Глава 3

Тураму положили в приготовленную для нее роскошную колыбельку возле кровати Хелены в комнате Гвинейры Мак-Кензи. Глория Мак-Кензи проводила Хелену наверх, когда Джеймс привез девушку домой. Той хотелось побыть одной, но для этого пришлось задействовать всю силу убеждения. Джеймс не отходил от Хелены ни на шаг с тех пор, как освободил ее из-под завала в шахте и вывел наружу. Моана несла малышку, но тут же отдала девочку в руки матери, стоило Хелене удобно усесться в машине.

– Тебе нравится дочка? – улыбаясь, спросил у нее Джеймс.

Девушка с умилением смотрела на маленькое розовое личико новорожденной. Хелена была очень тронута.

– Это так... – она не смогла подобрать нужных слов и не договорила, но Джеймс и без того видел ее счастливое лицо.

По дороге на Киуорд-стейшн они почти не разговаривали. Они просто радовались, что снова вместе. Моана тактично попросила одного из спасателей отвезти ее в мараэ.

Глория и Джек в тот вечер тоже мало говорили друг с другом. Они уже знали об успешной спасательной операции. Хелена позже выяснила, что Джек подъезжал к шахте во время работ, там ему сообщили о рождении ребенка. Его помощь была не нужна, он отправился обратно на Киуорд-стейшн и обо всем рассказал жене. Та немедленно приготовила все для Хелены и Турамы. Колыбель была установлена, кровать застелена свежим бельем и для ванной подогрета вода.

Удивительно, лишь Каролина много говорила после прибытия Хелены и Турамы на Киуорд-стейшн. Девочку весьма заинтересовал ребенок.

– Как ее зовут? Турама? Это смешное имя, но звучит очень красиво. Она такая симпатичная... такие крошечные ручки... Милашка... Когда она вырастет, то будет похожа на тебя, правда, Хелена? Она будет... она будет моей сестрой, если... если Джек и Глория действительно меня усыновят?

Хелена беспомощно посмотрела на нее.

– Нет, – с улыбкой ответила Глория. – Но вполне могу представить, что ты станешь ее теткой.

Хелена все еще размышляла над этими словами, когда наконец надела чистую ночную рубашку и забралась в постель, после того как быстро

приняла ванну. Она только что успокоила Тураму и теперь смертельно устала, но была счастлива, как еще никогда в жизни.

В следующие недели отношения между Хеленой и Джеймсом, казалось, не развивались. Парень навещал Хелену и Тураму по нескольку раз на день и рассказывал, как ухаживает во дворе за животными. Но об их отношениях Джеймс не говорил ни слова. Он больше играл с Турамой, которая становилась все красивее. Джеймс утверждал, что девочка уже похожа на Хелену, что у нее такие же фарфорово-голубые глаза.

– Это все еще может поменяться, – предупредила Глория.

Хелена рассказала ей о том, что у Витольда были карие глаза, и о своих ужасных опасениях, как бы девчушка не стала похожа на него.

Джеймс только покачал головой.

– Какая чепуха, они же голубые! – утверждал он. – Или ты считаешь, малышка похожа на меня, Хелена? Тогда они, конечно, еще потемнеют...

Хелена рассмеялась из-за такого довода. Джеймс не боялся, что девочка вдруг станет похожей на Витольда и унаследует его скверный характер. И Хелену радовало это.

Наконец она стала выходить из своей комнаты и больше времени проводить в общих помещениях. Только теперь Джеймс осторожно решил сблизиться с ней. Он поддерживал девушку, когда та в первый раз спускалась по лестнице, брал ее за руку во время совместных прогулок. В конце концов их руки стали сплетаться сами, когда Хелена и Джеймс были вместе.

Однажды в холодную зимнюю ночь они стояли под сияющим звездным небом и любовались небосводом, именно в тот момент Джеймс и обнял ее.

Через месяц после рождения Турамы Хелена вновь начала помогать в хлевах. Мать укладывала малышку в корзинку и брала с собой.

Каролина ревностно оберегала девочку. Она сама вызвалась присматривать за Турамой во время совместных конных прогулок Хелены и Джеймса.

Хелена чувствовала его прикосновения, когда парень поправлял ее посадку в седле или помогал в работе с овцами. Девушка замечала, как радуется Джеймс, если она тайком одаривала его улыбкой.

А потом в гости к семье Мак-Кензи на Киуорд-стейшн приехала Миранда Биллер. Конечно, она восхищалась маленькой Турамой, ведь считала, что появление малышки внесло свежую струю в жизнь фермы.

– Хелена, ты уже такая же заядлая провинциалка, как и тетя Глория! –

осуждающе промолвила девушка. – Это, наверное, практично, ходить изо дня в день в клетчатой рубашке и бриджах...

Хелена очень обрадовалась, обнаружив, что старые вещи теперь ей снова впору. Она и не хотела носить ничего другого.

– Но подумай все же о Джеймсе и дяде Джеке! Они должны видеть вас во всей красе, иначе вообще потеряют интерес к вам как к женщинам. Нам нужно вдвоем съездить за покупками.

Глория рассмеялась. Джек точно любил ее такой, какая она есть. Для него ей не нужно было прихорашиваться. Но в отношении Хелены слова Миранды упали на благодатную почву. Девушка уже сама тайком хотела бы как-нибудь принарядиться для Джеймса, однако в магазинах Халдона стеснялась примерять платья, боясь сплетен.

– Утром мы поедem в Крайстчерч и все купим! – решила Миранда. – Хелена, Каролина, тетя Глория и я. И никаких отговорок!

Тетя Глория, как ни удивительно, дала согласие на эту поездку. Возможно, потому, что ее подопечной, Каролине, было бы тяжело весь день переносить безудержную радость и бесконечную болтовню Миранды. Да и у Каролины удивительно хорошо получалось делать покупки.

Девочке даже понравилась прогулка по магазинам. Хелена впервые заметила, какой красивой может быть эта девчушка с черными вьющимися локонами. У Каролины тоже были голубые глаза. Темно-синее платье, выбранное для нее Мирандой, удивительно шло ей.

– Ты выглядишь как принцесса! – восхитилась Хелена и тут же подумала о Люцине.

Конечно, ее сестра была совершенно не похожа на Каролину, но такая же красивая. Она так же любила вертеться перед зеркалом, как эта девочка. Хелена надеялась, что сестра когда-нибудь все-таки сможет снова носить и покупать себе элегантные платья. Хелена вновь очень переживала за Люцину и тосковала по ней, хотя страх, что ее больше нет в живых, отступил. Теперь девушка поняла: сестра поддерживала в ней чувство вины. И Моана оказалась совершенно права – не было никаких причин считать, будто с Люциной произошло что-то плохое. Война в Европе окончилась. Куда бы ни отправилась Люцина, бомбы не будут падать ей на голову. И пусть Хелена не слишком доверяла Каспару, он был достаточно крепким парнем и, несомненно, защитил бы ее сестру.

Миранда, велев упаковать платье для Каролины, отправилась бродить дальше среди рядов с женскими брюками. Следующий час она посвятила тому, что убеждала Глорию купить экстравагантную модель брюк.

– Ты ведь скоро поедешь на собрание животноводов!.. Нет, тебе

придется, дядя Джек рассказал мне об этом. Он будет рад, если ты тоже поедешь, совершенно точно!.. Туда ты сможешь надеть такие брюки! Овечьи бароны просто упадут от удивления!

– Скорее, от ужаса, – ответила Глория. Дамские брюки все еще считались чем-то экстраординарным. – А все женщины... Ну хорошо, ты меня убедила. Я не должна сидеть сиднем на Киуорд-стейшн. Может, в этом году мы все поедem в Крайстчерч: Джек, Каролина и я, Джеймс и Хелена с Турамой. Настало время «высшему обществу» Кентерберийской равнины познакомиться с прибавлением в нашем семействе...

Хелена тоже решила купить темные габардиновые брюки прямого кроя. Они были бы очень практичными в случае, если снова придется летать с Джеймсом на его Пиппе. Но потом Миранда потащила ее дальше по рядам с одеждой. Она хотела подыскать Хелене приталенное яркое платье с широкой юбкой.

– Это Джеймсу понравится! – заверила девушка. – И, возможно, придаст ему смелости в отношении тебя! Я имею в виду не эти дурацкие собрания животноводов, это скучно. Почему бы вам не сходить, например, в кино? Разве в Халдоне нет кинотеатра?

В Халдоне ничего подобного не было, только в Крайстчерче. Джеймса увлекла идея сводить туда Хелену. Пока Каролина присматривала за Турамой, пребывая в восторге от такого важного задания, остальные отправились посмотреть фильм «Дерево растет в Бруклине». Хелена впервые в жизни смотрела настоящий игровой фильм. Джеймс, воспользовавшись темнотой, нежно взял девушку за руку и был счастлив, когда она прильнула к нему. Позже он признался, что все сделал по указке Миранды.

– В кино обычно тискают! – объяснила ему бывалая кузина.

И в конце концов, когда Джеймс снова припарковал пикап среди хлевов на Киуорд-стейшн и провожал Хелену до дома, под звездным небом они поцеловались. Их губы соприкоснулись пока что робко и нерешительно. Никто не спешил, со временем всё случится само собой. Хелена и Джеймс были молоды, война кончилась, перед ними было беззаботное будущее. Они не сомневались, что станут любить друг друга и когда-нибудь точно свяжут себя узами брака. И в один прекрасный день у Турамы появится брат или сестра.

Эпилог

– Насколько подробно мы должны рассказать об этом Хелене?

Джек Мак-Кензи помахивал большим коричневым конвертом. Отправителем письма значилось крупное всемирно известное детективное агентство. Джек и Глория вскоре после рождения Турамы заказали расследование о пропаже Люцины по документам Хелены Грабовски. Они сделали это после того как Моана поговорила с Глорией, открыв доверенный ей секрет. Конечно, маори не вдавалась в подробности, но намекнула, что Хелена не найдет покоя, пока не узнает о судьбе сестры. Семья Мак-Кензи недолго думая наняла частных детективов. Однако их терпение подверглось серьезному испытанию. И вот только сейчас, почти год спустя, детективы нашли Люцину и Каспара в Варшаве. Агентство собрало о них информацию, детективы следили за молодой парой, заговаривали с ними по каким-либо незначительным поводам и подслушивали их разговоры. В конце концов Джек и Глория получили обширное досье, которое они изучили. Чтобы никто не помешал, супруги ушли в свою спальню и разложили на кровати все документы.

– Ну да, я бы сказала, стоит ограничиться главным, – выразила свою мысль Глория. – Люцина и Каспар извилистыми путями пробились в Польшу...

– Мы не станем упоминать, что для них тоже были открыты остальные страны, не занятые русской армией, – высказался Джек.

– Мы также не скажем, что они выбрали эту страну не из патриотических чувств или тоски по родине, а просто потому, что никто из них не хотел учить иностранные языки... – добавила Глория. Она отложила в самый низ стопки протоколы разговоров, о которых им не хотелось говорить Хелене. – Мы можем сообщить Хелене, что Каспар в Варшаве работает в автомастерской и отлично находит общий язык с коммунистической властью...

– Возможно, потому, что он великодушно не замечает, как его подружка по ночам встречается с офицерами Красной армии в полулегальном клубе... – добавил Джек. – Или и это тоже вычеркнем?

– Ну конечно! – воскликнула Глория. – Скажем только, что Люцина и Каспар до сих пор не женаты. Это порадует девочку.

Джек кивнул.

– А потом мы просто дадим ей адрес Люцины. Если Хелена захочет, то

свяжется с ней, и молодая дама сама решит, насколько она желает посвятить сестру в свой образ жизни.

Джек улыбнулся.

– Надеюсь, она хотя бы откликнется. Если нет, это точно разобьет Хелене сердце, – заволновалась Глория.

– Она напишет, Глория, об этом даже можешь не переживать, – успокоил жену Джек. – Как только Хелена сообщит ей, что помолвлена с наследником одной из самых крупных овечьих ферм в Новой Зеландии. В этом ее шанс, если дела с Каспаром или русскими офицерами пойдут плохо.

Глория нахмурилась. Долгие годы она пребывала вдали от интриг.

– Ты считаешь, Люцина настолько расчетлива? – спросила женщина.

– Ее можно назвать и практичной, – рассмеялся Джек. – Во всяком случае, об этой молодой особе совершенно не стоит беспокоиться. Я, скорее, боюсь за Хелену и Джеймса, если когда-нибудь она объявится в нашем доме. Спрячь-ка все документы, кроме листка с адресом для Хелены. Тогда мы сможем передать ей хорошие новости еще до отлета. А где она вообще? До сих пор с Турамой?

У Хелены на глаза наворачивались слезы, хотя она пыталась на прощанье играть с дочкой, петь и смеяться. Турама за первый год жизни действительно стала как две капли воды походить на мать. Глаза остались такими же голубыми, медово-желтые волосы, как у Люцины, напоминали о сестре. Хелена надеялась, что с возрастом дочка еще больше станет похожа на нее.

– Я и подумать не могла, что расставание будет для меня таким тяжелым, – печально сказала она Джеймсу, стоявшему рядом.

Тот обнял девушку.

– Ну, не надо так драматизировать, Хелена. Вас будет отделять всего два часа лета. А в университетах то и дело случаются каникулы, не считая длинных выходных, во время которых также можно ее навестить. Вероятно, у тебя получится организовать обучение таким образом, что не нужно будет посещать университет в пятницу. Бен Биллер ведь тоже не может работать до смерти.

Хелена недавно закончила школу. И только что поступило особое предложение для детей и молодежи отдаленных ферм: они могли принять участие в заочном обучении. Учителя должны были поддерживать с учениками контакт по радио, а учебный материал собирались доставлять по почте. Каролина училась подобным образом в школе, что нравилось

замкнутой девочке. Она ничуть не скучала по одноклассникам и общественным проектам – девочка была счастлива со своими книгами и животными. Она сильно привязалась к Глории. Особенно умело она работала с собаками и лошадьми. Ее Суббота уже стала пастушьей собакой, и Каролина теперь изредка улыбалась, когда погонщики скота уважительно называли ее мисс Кэрол.

А вот Хелена хотела ходить в настоящую школу, где учитель и ученики могли свободно общаться. Поэтому теперь она отчасти радовалась тому, что уезжает учиться в университет. Хелена решила поступить на курс к Бену Биллеру, чтобы выучить язык и культуру коренных новозеландцев. Позже она намеревалась работать вместе с Моаной. Девушка уже сдала последние экзамены и прошла практику в начальной школе Халдона. Но там работы для двух учителей было мало.

Бернард Тасиер, а также уважаемые лица городка настояли на том, чтобы открылась вторая вакансия. Тасиер был невыразимо благодарен за спасение сына. Мужчина признался, что ему самому никогда не пришло бы в голову искать ребенка в шахте. Марти точно бы погиб там от жажды и переохлаждения, если бы никто не обнаружил его пони у входа. А если бы лошадка оторвалась и прискакала домой, то мальчика могли вообще не найти. О недоверии к маори Тасиер больше и речи не вел. Теперь Марти тоже не был окончательно потерян для мира, и между народами воцарилось согласие.

Во второй половине дня Моана открыла старый дом для общинных собраний для всех детей. Она планировала провести экскурсию для родителей пакеха, чтобы еще больше привлечь детей к своему проекту.

– Вы всё увидите! Когда-нибудь я всем докажу, что нгаи таху уже давно не отрезают и не копят головы своих врагов, – пошутила она.

Хелена надеялась, что теперь пакеха станут все больше и больше интересоваться жизнью соседей маори. Моана хотела построить для этого информационный центр, где гости, туристы и будущие школьники могли бы познакомиться с культурой маори. Хелена всячески помогала бы ей. Но это было делом далекого будущего. Сначала предстояла учеба в Веллингтоне. Джеймс собирался летать к Хелене на Северный остров.

– Может так произойти, что ты пропустишь первое слово Турамы, – подшучивал он над любимой. – И это слово, возможно, будет не «мама», а «папа».

Хелена смеялась сквозь слезы.

– Это было бы прекрасно... – ответила она и снова поцеловала на

прощанье малышку, передав ее Каролине.

Девочка уже с нетерпением ждала, когда же Хелена наконец попрощается с дочерью. Возле нее лежала Суббота – ее трехцветная тень.

– Ты должна еще перед отъездом заглянуть в рабочий кабинет, – передала ей Каролина просьбу Глории. – Мисс Глория и Джек хотят тебе кое-что сказать.

Хелена не могла припомнить, когда она в последний раз чувствовала себя такой радостной и беззаботной, как сегодня: она покидала бывшую гостиную на Киурд-стейшн. Девушка широко улыбалась и ни на секунду не хотела выпускать из рук листок с адресом сестры. Больше всего она мечтала тут же написать Люцине письмо, но ее ждали Джеймс и Пиппа.

Хелена радовалась предстоящему полету. В последние месяцы она часто сопровождала Джеймса, ей нравилось смотреть на мир с высоты птичьего полета. Сегодня был ясный день, девушка предвкушала, как станет любоваться побережьем и морем.

– С тобой все в порядке? – спросил Джеймс. На нем уже были кожаная куртка и летный шлем. Он выглядел очень отважным.

Хелена заметила, что в кабине его машины болталась маленькая нефритовая фигурка человека с крыльями, которую вырезала ему Моана перед тем, как парень отправился на фронт. А на шее Джеймс носил хейтики, неумело вырезанный из дерева мануки. Это была первая попытка Хелены в резном искусстве маори. Амулет олицетворял Танэ, бога леса, который, расставшись с небом и землей, создал новый мир и пробудил к жизни Хинеахуоне – первую женщину.

Хелена удовлетворенно кивнула и стала забираться в кабину. На ней были элегантные брюки, купленные девушкой вместе с Моаной, и она догадывалась, что подруга похвалит ее за такой выбор.

По прибытии в Веллингтон она надеялась повидаться с Мирандой, было запланировано, что во время первого семестра Хелена поживет у Биллеров. Кроме того, она решила в ближайшие дни вновь зайти на Элизабет-стрит и выяснить, вернулись ли Нойманны. Она слышала, что германских переселенцев уже давно выпустили из лагеря для интернированных.

В этот момент девушка увидела Джека и Глорию, которые вышли на летное поле, чтобы проститься с ней и сыном. Хотя Джеймс должен был прилететь назад на следующий же день.

– Тураме очень нужен отец, – важно объяснял он перед поездкой.

Хелена улыбнулась и сердечно обняла на прощанье родителей Джеймса. Молодые собаки, прыгавшие вокруг Глории, тоже хотели ласки.

Хелена наклонилась, чтобы потрепать их. При этом девушке на ум пришло то, о чем она думала с тех пор, как Каролина получила Субботу.

– Ты никогда не дарила мне щенка... – тихо сказала она Глории.

– Разве? – женщина улыбнулась и указала на Джеймса. – Разве ты его не получила?

– Ну, мам! – возмутился парень.

Хелена все еще смеялась, когда самолет катился по взлетной полосе.

Послесловие

Пока я не начала собирать материал для этого романа, никогда бы не подумала, что в истории Второй мировой войны есть такой эпизод, о котором я не слышала от своего отца. Я упомянула об одиссее совершенно невиновных польских граждан, из-за пакта между Гитлером и Сталиным сначала высланных в Сибирь, а потом перевезенных в Персию, и моя преподавательница Мелани Бланк-Шрёдер удивленно написала на полях моих отчетов: «Это правда? Ты такое нашла?»

Конечно, моя героиня Хелена – вымышленный персонаж, но ее жизненную историю я не придумала. Действительно, Сталин, по договоренности с Гитлером, аннексировал Восточную Польшу, а немцы наложили лапу на западную часть этой страны. Он приказал зачистить территории. Почти все польское население, составлявшее меньшинство по отношению к украинцам и белорусам, вывезли в Сибирь, чтобы освободить земли для новых русских переселенцев. Тысячи поляков умерли в трудовых лагерях.

Счастьем для депортированных стал тот день, когда Гитлер в 1941 году нарушил заключенный с СССР пакт о ненападении. Сталин примкнул к союзникам, которые вынудили его вести переговоры с польским правительством в изгнании. От него потребовали немедленного освобождения депортированных польских граждан, что позже и произошло.

Союзники проявили к этому усиленный интерес не только из гуманных побуждений. Настаивая на депортации поляков в страны своего влияния, они стремились из мужчин, годных к военной службе, создать новую польскую армию. Будущих солдат планировалось обучать в Иране, в то время именуемом Персией. С 1941 года эта страна пребывала под управлением союзников. Таким образом, в будущую армию попали и другие выжившие в России поляки, которых перевезли в Пехлеви, портовый город в Персии, а позже перевели в лагерь у Тегерана. Люди были истощены и больны, многие умерли в построенном прямо на берегу госпитале. Сотни детей и подростков остались сиротами, для них должны были организовать специальные учреждения. В одном из лагерей возле Исфахана создали детский дом, где за детьми особенно хорошо ухаживали. В администрацию этого лагеря входили члены польского правительства в изгнании, британцы и американцы. Вероятно, снабжение продуктами

беженцев осуществлялось от армии. Этим объясняется то, что поляки ели тушенку с макаронами. Такое предположение выдвинула моя преподавательница, редактировавшая текст романа. Мои первые читательницы, которых я знакомила с ним, заявили, что так «точно не могло быть». Но многие люди, жившие в лагере, в своих записках и дневниках упоминают именно о такой пище! Ее очень хвалили, как и общую организацию лагерей. Однако перспектив для беженцев не существовало, в частности, в Персии не было будущего у детей-сирот. Поэтому британцы и польское правительство в изгнании поспособствовали тому, что в 1944 году Новая Зеландия объявила о готовности принять у себя семьсот сирот в специальном лагере в Паиячуа – маленьком городке на Северном острове.

Польский лагерь для детей возник по инициативе поляков, новозеландцев и американцев. Местное население оказало им большую поддержку. Новозеландские женские союзы охотно готовили комнаты и общественные помещения, где дети и их польские воспитатели чувствовали бы себя как дома.

Изначально планировалось отправить сирот после окончания войны на родину.

Проект лагеря специально именовали «Маленькая Польша» с названиями улиц и школьными занятиями на родном языке детей. Но, когда в Польшу вошла Красная армия и страна подверглась коммунистическому влиянию, репатриировать детей передумали. Осторожно высказывались об их успешной интеграции в новозеландское общество. В страну также могли эмигрировать родственники детей, проживающие в Европе. Многие забрали потом на свою новую родину когда-то потерянных членов семьи.

Не столь радужными были в те времена отношения потомков европейских переселенцев и маори. Конфликт между пакеха и маори достиг своего апогея в сороковых-пятидесятых годах XX века. Чем регулярнее становились волны переселенцев из Европы, тем жизнь аборигенов все больше приходила в упадок как в процентных, так и в абсолютных величинах. Войны и болезни ослабили представителей коренного населения Новой Зеландии, из-за борьбы за землю многие маори погибли и потеряли связь с родными племенами. Принудительная интеграция в общество пакеха сделала свое черное дело, и культуре, а также национальной идентичности маори угрожало полное исчезновение. Индустриализация гнала их в города, беспризорность и алкоголизм стали обыденным явлением. Детей маори отделяли в школе, а с другой стороны,

так насаждали английский язык, что те перестали понимать родной и не могли дальше жить по традициям племен. Безработица после мирового экономического кризиса, а также упадок после отделения от британской метрополии в 1947 разожгли неприязнь между белыми и маори с новой силой. Пакеха, у которых не было хорошего образования, и маори конкурировали за рабочие места с низкой заработной платой. Перелом в этих отношениях наступил лишь в пятидесятых годах, когда новозеландское правительство осознало проблему и принялось ее решать. Поощрялись обучающие проекты для маори и социальные рабочие места, чтобы поддержать семьи. В племенах были такие люди, как Моана в моем романе. Они взялись за возрождение обычаев и духовности.

В шестидесятых годах XX века в ходе международного движения за гражданские права вспыхнули массовые протесты маори. Вновь обретая самосознание, племена добивались сохранения языка и культуры, а также денежной компенсации за племенные надельные земли, захваченные ранее в ходе войны за землю. Многие из племен на эти деньги отстроили свои мараэ.

Сегодня культура маори представляет собой часть экономического сектора. Множество туристов приезжают сюда, чтобы познакомиться с культурой племен. Вечер с хака и ханги относится к стандартной программе поездки в Новую Зеландию.

Люди, желающие узнать больше, могут переночевать в аутентичной мараэ и получить детальный экскурс в культуру и духовную жизнь маори.

Как и раньше, отношения между пакеха и маори натянутые. Это отчасти происходит из-за того, что маори все еще получают плохое образование. Статистика в области медицины тоже у них заметно хуже, чем у белого населения.

В целом их ситуация все же улучшилась, что пошло на пользу стране. Так, союзы маори все время стоят в первых рядах, когда речь идет о защите окружающей среды или сохранении природных ресурсов.

Разумеется, я придерживалась достоверности в этой книге, затрагивая и другие темы. Упомянутые входы в шахты, где десятилетиями добывали уголь вблизи выдуманного мною городка Халдон, можно увидеть еще и сегодня. Они расположены у Метвена, в районе горы Хатт. Собственно, шахты там закрылись лишь в пятидесятые годы, то есть намного позже, чем выдуманные мною штольни. Но экономические последствия для региона после закрытия шахт вполне сопоставимы с описанными. Началась безработица, отношения между пакеха и маори ухудшились.

Еще одна печальная тема этой книги – интернирование новозеландцев немецкого происхождения во время Второй мировой войны. Их держали в

лагере на острове Сомс, в гавани Веллингтона, а потом еще некоторое время – в Паиячуа, на территории бывшей Маленькой Польши.

Людей поместили в этот лагерь, невзирая на происхождение и политические взгляды. Очень часто евреям, гонимым в Германии, приходилось жить рядом с фанатичными приверженцами нацизма, которых в Новой Зеландии хватало. Идеология нацистов очень нравилась расистам вроде Бернарда Тасиера. Такие люди особенно рьяно вели пропаганду против евреев незадолго до войны и в первые военные годы, а также ратовали за идеи национал-социализма. Но им не удалось повлиять на либеральную атмосферу, они не смогли предотвратить вступление Новой Зеландии в войну на стороне Великобритании. Как и в Первую мировую, множество новозеландцев пошли добровольцами на фронт. В Королевских ВВС служили 127 «киви», считавшиеся бесстрашными пилотами.

Основная трудность в истории Джеймса заключалась в том, что в ковровых бомбардировках участвовали самолеты минимум с двумя, а чаще с четырьмя или более членами экипажа. Кроме того, мне нужно было подобрать машину, которая сочетала бы в себе качества истребителя и бомбардировщика. К счастью, я нашла специалиста в этой области в собственной семье. Мой отец заверил меня, что «Москито де Хэвилэнд» как раз так и применялся во время войны. Его оснащали бомбами и использовали для прикрытия бомбардировщиков. Свидетели тех времен все помнят! Большое спасибо!

Также я хотела бы искренне поблагодарить первых читательниц моего романа, их познания в географии мне очень помогли. Благодарю мою преподавательницу Мелани Бланк-Шрёдер, которая помогала мне в написании книги, моего литературного редактора Маргит фон Коссарт, стимулировавшую меня в том, чтобы я все-таки написала нечто действительно стоящее. Как всегда, благодарю своего литературного агента Бастиана Шлюка за то, что он все еще открыт для новых идей, и, кроме того, Джоану и Анну Пуцкаш, помогавших организовывать все, помимо написания книги.

Спасибо Тине Дреер за чудесные иллюстрации.

Ка мате те каинга тахи, ка ора те каинга руа.

Если ты покидаешь дом, то найдешь себе другой.

Почти все семьсот детей-сирот обрели новую родину в Австралии или Новой Зеландии.

notes

СНОСКИ

1

В 1935 году Персию переименовали в Иран. (*Здесь и далее прим. пер., если не указано иное.*)

Имеются в виду поляки, ставшие воинами польской армии Андерса, которая была эвакуирована из СССР в Иран. Эвакуацию армии Андерса закончили 1 сентября 1942 года. В общей сложности в ходе эвакуации из СССР выехало 37 756 гражданских лиц и 75 491 военнослужащий.

Правительство Республики Польша, действовавшее после эвакуации из страны в сентябре 1939 года ее верховного руководства во время немецкой оккупации. (*Прим. ред.*)

По договору Сикорского – Сталина от 30 августа 1941 года депортированным полякам была объявлена амнистия, выданы справки об освобождении, однако поляки остались в местах пребывания.

Эльбурс – горная система на севере Ирана, у южного побережья Каспийского моря.

6

Он же фарси.

До 1980 года, сейчас Бендер-Энзели.

Статутная миля – путевая мера для измерения расстояния, применяемая в Англии и США, составляет приблизительно 1,6 км. (*Прим. ред.*)

Хака – ритуальный танец новозеландских маори, во время которого исполнители топают ногами, бьют себя по бедрам и груди и выкрикивают фразы, являющиеся аккомпанементом. (*Прим. ред.*)

Мараэ – священное место в дохристианских полинезийских обществах, использовавшееся как в религиозных, так и в общественных целях. В переводе со всех полинезийских языков означает «очищенное, свободное от сорняков, деревьев место». Здесь и далее автор употребляет слово в значении «поселение». (*Прим. ред.*)

Ковровые бомбардировки немецких городов стали ответом на налеты Люфтваффе в 1940 году, в ходе которых погибло более 43 тысяч человек, более 51 тысячи человек получили тяжелые ранения. В Лондоне было разрушено множество памятников архитектуры, жилищный фонд пострадал настолько, что проблеме срочного строительства многоквартирных домов посвящалось одно из заседаний Кабинета министров сразу после войны.

Имеется в виду пролив Ла-Манш (*англ.* the English Channel).

«Путь с уздечкой» (англ.).

Christchurch – в переводе с английского означает «церковь Христа».
(Прим. ред.)

Низкие болотистые места, покрытые кочками; кочки, поросшие мхом.
(Прим. ред.)

В 1939 году, согласно пакту Молотова – Риббентропа, Львов был оккупирован Советским Союзом и вошел в состав УССР (Украинской Советской Социалистической Республики). *(Прим. ред.)*

Интернировать – подвергнуть интернированию – осуществлению особого режима ограничения свободы властями воюющей страны проживающих на его территории граждан неприятельского государства (поселение в определенной местности и т. п.) (*Прим. ред.*)

Священное место. (Прим. ред.)

Местное племя маори. (*Прим. ред.*)

Верховный вождь. (Прим. ред.)

Наиболее важная общественно-политическая единица маори; несколько хапу составляли племя. *(Прим. ред.)*

Берсерк, или берсеркер, – в древнегерманском и древнескандинавском обществах воин, посвятивший себя богу Одину. Перед битвой берсерки приводили себя в повышенное агрессивное состояние, в сражении отличались неистовостью, большой силой, быстрой реакцией и нечувствительностью к боли. (*Прим. ред.*)

Обета безбрачия. (Прим. ред.)

Программа по усыновлению. (Прим. ред.)

Вечером я отправлюсь спать, вокруг меня будут стоять четырнадцать ангелов (нем.).